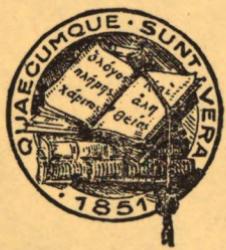

09
10

NORTHWESTERN
UNIVERSITY
LIBRARY

EVANSTON
ILLINOIS

О НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ
СЛАВЯНСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.

РАЗСУЖДЕНИЕ

на степень Магистра Философскаго Факультета
Перваго Отдѣленія,

кандидата Московскаго Университета,

Јосифа Бодянскаго.

Изг. Стасовъ.

и
891.8091
В 6320

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1837.

3. Bodianskii, O. M.

О НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ
О народной поэзии,
СЛАВЯНСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.

РАЗСУЖДЕНИЕ

на степень Магистра Философского Факультета
Первого Отделения,

кандидата Московского Университета,

Юсифа Бодянского.

Ю. Степан.

ш
891.8091
В 6325

МОСКВА.

въ типографии николая степанова.

1837.

ANNEX

891.809

B667o

1968

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ при экземпляра. Москва. Май 7 для 1837
года.

Цензоръ *M. Кагановский.*

Reproduced by
DUOPAGE PROCESS
in the
U.S. of America

The original of this book is
in the collection of the
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY
Cleveland, Ohio

MICRO PHOTO DIVISION
1700 SHAW AVE. CLEVELAND, OHIO 44112

BELL & HOWELL

FL 1235

1174170

891.8091 Ballads and songs - Slavie - History and
criticism

B6320

/235. Bodianikil, Osip Nekulievich, 1808-1877
O narodnoi poezii slavianskikh perevodov
[On the popular poetry of the Slavio people] 154p. Moscow
B, Tsvoratia R. Cremakoss, 1837.

Thesis - Moscow.

27004W

О НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ СЛАВЯНЪ.

Die Naturpoesie ist wohl bei keinem Volke
mehr zu Hause, als bei den Slawen.

P. J. Schaffarik.

Въ наше время всеобщаго спремления къ самобытности и самостоятельности, всѣ почти народы, особенно Европейцы, хотятъ жить жизнью, въ полномъ смыслѣ имъ принадлежащею, выпекающею изъ собственныхъ ихъ гвдъ, слагающеся изъ совокупности всѣхъ стихій человѣческаго бытія, коими на всегда устанавливается физіономія народа, рѣзко и мѣтко отличающая его отъ его сосѣдей и прочихъ народовъ; короче, хотятъ быть независимыми, истинно народными. Понятія народовъ объ этомъ предметѣ уяснились и получили большую опредѣленность. Искушенные вѣковыми опытами, они уже болѣе не павязывающѣ себѣ съ такой младенческой вѣрой чужихъ мыслей, чувствованій и успавовъ, хоть бы и лучшихъ ихъ собственныхъ, не испытавъ напередъ тщательно, точно ли все это лучшее — лучшее ихъ роднаго; а если и такъ, идѣть ли имъ къ лицу, можетъ ли быть персіенно безъ

FEB 14 1925

ущерба своему, примешал ли успешно на чужой почвѣ, подъ другимъ небомъ, также ли благодѣтельны будуть его плоды, согласно ли, цаконецъ, оно съ элементами народнаго бытія? Нынѣ всѣ твердо убѣждены, и убѣждены основательно, что не все чужое хорошее—равно хорошо для всѣхъ, не всегда можно его заимствовать у другихъ проспымъ перенесеніемъ, по чѣмъ при усвоеніи чужаго должно обращать вниманіе на безчисленное множества условій, если хотимъ, чтобы оно столько же было спасительно и у насъ, сколько въ мѣстѣ своего первого явленія. И потому изъ чужаго лучшаго перенимаютъ то шолько, чѣмъ безъ насилия прививаются, усваиваются, обращаются въ родное; въ противномъ случаѣ его или вовсе оставляютъ, какъ не нужное, безъ коего можно обойтись, ничего существенно черезъ то не теряя, или переносятъ не вполнѣ, а лишь часть, передѣлавъ по своимъ требованіямъ и принаровивъ къ своимъ нуждамъ, или же, водясь даннымъ примѣромъ, вымысливаютъ сами себѣ подобное иноземному, но болѣе согласующееся съ свою самобытною жизнью, своимъ личнымъ, природнымъ характеромъ. Прошла уже пора соблазнительнѣхъ идей космополитизма; народы Европы перестали рабски копировать одинъ другаго или перекраивать себя по какому-нибудь образцу, признанному безусловно изящнымъ, видѣть въ немъ верхъ совершенства; прошла уже пора обезьянства. Нѣтъ, въ настоящее время какъ всякое недѣлимое человѣческаго рода, шакъ и всякий народъ хочеть оспариваться шѣмъ, чѣмъ онъ есть, чѣмъ онъ можетъ

сдѣлаться, чѣмъ суждено ему Провиденіемъ означить себя на поприщѣ міра въ ряду своихъ собратій, хочеть бытъ собой, жиши своей коренной жизнью, мыслишь своей головой, чувствовашъ своимъ сердцемъ, желашь своей волей, дѣйствовашъ самъ собой, непосредственно, и, так. об., живъ всѣми силами своего бытія, сдѣлаться вполнѣ народнымъ. Народность нимало не препятствуетъ совершенствованіи себя какъ каждому недѣлимому, такъ и цѣлому народу. Совершенствованіе человѣческой природы вездѣ возможно: оно условливається просвѣщеніемъ, образованіемъ, и только ими досшигається; а просвѣщеніе гдѣ угодно уживається. Для него нѣть разности климата: оно возможно вездѣ, поладиши со всякою народностью, пошому что оно не только не испровергаетъ есѧ, напротивъ помогаетъ ей еще успѣшие развиваться, направляетъ дальниѣшіе ея шаги, указываетъ вѣрный, возможно ближайшій, путь, охраняетъ отъ порчи и паденія, очищаетъ, просвѣщаетъ, совершенствуетъ. Одно лишь худо появлює или и вовсе ложное просвѣщеніе шѣснинъ и давиши, гониши и испребляетъ народность. Неужели просвѣщеніе необходимо иркубуетъ изглаженія всѣхъ родимыхъ оштѣиковъ, требуетъ уровня безцѣльности? Кто менѣе образованъ: спрасни ли привязанный къ идеализму Нѣмецъ, суевѣливый Французъ, или расчесливый Англичанинъ? И, однако же, родная физіономія въ каждомъ изъ нихъ нологательно всегда проглядывається, какъ въ людяхъ, занимающихъ высшія государственные должности, отличающихся преимущественно своимъ просвѣще-

ніемъ, такъ и въ людяхъ, споющихъ на ииашїй
спущеніи общества, и ни вельможа, ни поденьщикъ,
ни Лордъ, Перъ, Герцогъ, ни селянинъ и нищїй, не
гнушаются собой, не огвергаются себя.

Конечно, не было еще народа, который бы изъ
первоначального возрасла своей жизни, дикости, вы-
ходилъ самъ собою, точно какъ всякой человѣкъ
достигаетъ полнаго развитія своихъ способностей,
полнаго образованія, только при помощи другихъ.
Получивъ съ рожденіемъ душу, отвергшую къ ра-
зумънію и совершенствованію, первый начало обра-
зованія человѣкъ заимствуетъ чрезъ наученіе гово-
ришь и, такъ обр., съ словами принимаетъ въ себя
первый пошлия — зародышъ будущаго развитія
умственныхъ силъ, далѣе чрезъ наученіе и тѣконо-
рымъ дѣйствіямъ для удовлетворенія житейскимъ
потребованіямъ: воинъ начальная школа первичаго обра-
зованія каждого человѣка. Точно такъ и народъ:
онъ всегда къ высшей образованіости былъ выво-
димъ другимъ народомъ, прежде его образавшимъ:
сначала довольствовался, обыкновенно, только своимъ
руководителемъ; но умъ человѣческий по своей при-
родѣ не можетъ вѣчно довольствоваться про-
стымъ принятиемъ чужаго, чужими понятіями, ис-
тинами, опытностію, устройствомъ своей жизни
по образцу жизни другаго. Наслушавшись время, ког-
да, сознавал свою мощь и самоспособность, го-
ришь желаніемъ творить самобытию, создавать
собственныій міръ пошлий, и т. д., жить независи-
мо, своею удѣльною жизнью. Этого времени не мы-
шуетъ, рано или поздно, ни человѣкъ, ни народъ, если

только Судьбы опредѣлили ему не прозлѣбать весь свой вѣкъ, а совершилъ полный кругъ своего бытія. Тогда народъ, управляемый отчеспливымъ самосознаніемъ, хотя и не покидаeшъ вовсе своихъ сътдей, болѣе просвѣщенныхъ, но уже сообщаeтся съ ними не для простаго подражанія имъ, не для расположенія своихъ дѣйствій по ихъ дѣйствіямъ, не для того, чтобы поровняться съ ними, но чтобы слѣдить ихъ своимъ умомъ, наблюдать, понимать ихъ хорошее, лучшее, спаратаeся собственное свое, родное, вознесши до равной степени и, даже, пойти далѣе, возвыситься, спасть съ ними на одинакой высотѣ жизненнymъ развитіемъ спихій соeнародныхъ. Слѣдовательно, любовь къ своему, родному, въ такомъ случаѣ, такъ понимаемая, есть настоящій ключь къ истинному просвѣщенію, вѣрному самоусовершенствованію, источникъ жизни живой, плодоносной, самостоятельной, своеобразной, своевременной, соeсшихійной, всесторонной, полной, вѣчноюю. Вотъ въ чемъ заключаeтся прочная самобытность народовъ!

При такомъ новсемѣстномъ спрѣмлениі къ народносни, и Словесность, какъ выраженіе общеслава, спѣшила оправдать свое назначение, быть вѣрнымъ и правдивымъ зеркаломъ жизни народовъ, направляясь какъ можно ближе къ спихіямъ, условияющимъ бытіе ихъ, и вѣми мѣрами отражая въ себѣ духъ народнаго въ чистѣйшемъ, безпримѣсномъ видѣ. Жизнь народа имѣетъ свою особенную физіономію, слагающуюся изъ его физическихъ и душевыхъ свойствъ. Когда народъ развиваешь въ своемъ суще-

співованії свою личность, свою особиносТЬ, онъ живешъ самобышно, своеобразно, народно, выражашъ своимъ бышіемъ идею, какую предопредѣлено ему вѣчнымъ Промысломъ осуществишъ своею жизнію. Эта-то идея, проявленіе всей своєличной жизни народа, установливалася его религіей, философій, правами, обычаями, исторіей, мѣстностю страны и ея свойствами, вѣрованіемъ, языкомъ, безчисленными житейскими условіями, и. п., ни въ чёмъ шакъ ярко, сильно, чисто, прочно и совершенно не выражается, какъ въ Словесности. И потому Словесность, будучи опражненіемъ спихій, сославляющихъ бытіе народа, непремѣнно должна быти народною. Разумѣется, Словесность для этого не должна рабски списываться свой народъ, ограничиваться однѣми виѣшними формами его жизни, низшими слоями общесщва, проспонародіемъ, хотя и прослой бытъ нечуждъ прелести, своего изящества, своей поэзіи. Въ природѣ иѣтъ предметъ, который бы быть положительно худъ, на который бы нельзя было взглянуть съ поэтической точки зренія, потому что вселенная, какъ твореніе совершенійшаго Сущесства, должна быти также совершенна. Точно, много упростила она своего изящества послѣ паденія человѣка, поставленного ей въ царя, но все же не вовсе лишилась своего совершенства, какъ и эпохъ послѣдній. Главное — уловить это изящество, провидѣть его сквозь шолупную кору, покрывающую его собой. Поэтому и голая, черневая сторона жизни народа, если взглянуть на нея съ этой точки, прошедши черезъ горнило поэтическаго вдохновенія, можетъ возвы-

ситься до степени изящества. Такую-то народность, очищенную, переплавленную, облагороженную должна оправдывать въ себѣ Словесность каждого народа.

Отсюда и Поэзія, какъ цвѣтъ, вершина слова, вѣнецъ Словесности народа, непремѣнно должна быть, также, въ высочайшей степени народной.

Народность нимало не препятствуетъ ей оспаваться вѣрою идеи изящества, быть настоящею, изящною Поэзіей. Истинная Поэзія не можетъ быть не народною. Она есть выраженіе духа человѣческаго во всѣхъ его проявленіяхъ, не пропасть вымысли безъ всякаго отношенія къ дѣйствительному миру, сухое, голос отвлеченіе, не рабское изображеніе дѣйствительности; напротивъ она есть спроягшее сочетаніе идеального съ дѣйствительнымъ, вѣрѣйшее осуществленіе идеи изящнаго въ прекраснѣйшій, приличнѣйшій ей формѣ, такъ сказать ея очувствленіе; она — творчество по глубокому уразумѣнію силы внутренняго съ вышнимъ его образомъ, творчество по идеаламъ, опь вѣка существующимъ, присущимъ всѣмъ временамъ и народамъ, гармоническое соединеніе духа и матеріи. Она истинное изображеніе жизни въ ея дѣйствительности, жизни, коей всякое біеніе уловлено, скваченъ внутренній, настоящій смыслъ каждой ея части, проявленъ въ формахъ, вполнъ ее выражавшихъ, безъ педантизма, мѣлкой точности въ частностяхъ, легко добавляемыхъ при полной передачѣ главнаго, существеннаго. Но родъ человѣческій слагается изъ народовъ, изъ коихъ всякой имѣетъ свою Поэзію,

потому что Поэзія прирождена народу; народъ, какого бы онъ племени ни бытъ, вовсе безъ Поэзіи бытъ не можетъ. Такое явленіе ие въ природѣ вѣщій; такої безпоэтичный народъ — несбыточное дѣло: эшо не нуждається ни въ какихъ поясненіяхъ. Отсюда у каждого народа есть ему одному только свойственная Поэзія, какъ плодъ внутренняго его творчества, его поэтической способности. Эта его Поэзія, потому самому что сославшись произведеніе его, непремѣнно и прежде всего должна бытъ отпечаткомъ его жизненнаго бытія, отголоскомъ всѣхъ его сопрясений, являясь въ шомъ или иномъ видѣ, смотря по ходу судьбы народа, его жизни, положенія, обстоятельствъ, — слѣдовательно безпринципно отрѣзать внутреннюю и лицевую спорону существованія его, бытъ своенароднаго, своевременною. Будучи народной, она не пересыщаетъ бытъ изящной; изящное никогда неизмѣнно: оно всегда и вездѣ равно самому себѣ, одинаково. Испинно изящное доступно и понятно всѣмъ вѣкамъ и народамъ, и можетъ бытъ оцѣнено всѣми по своему достоинству. Всѣ народы согласно признаютъ одинъ и тошъ же предметъ прекраснымъ, изящнымъ, ибошому что въ духѣ нашемъ существуетъ первообразъ красоты, чѣмъ идея изящного — неотъемлемая принадлежность всего человѣчества: оно равное производитъ впечатлѣніе и на грубыхъ, дикихъ народовъ, и на самыхъ просвѣщенныхъ. Только форма проявленія изящного до безконечности разнобразна: иимало не измѣнила сущности его, народъ одѣвающъ прекрасное согласно своимъ поцѣніямъ о

немъ, согласно степени своего эстетического образования. Въ шакомъ или другомъ взглядѣ народа на изящное, въ той или иной формѣ облечениія, осуществленія, именно—что и заключается оригинальность творчества, самоспоясльность всякаго искусства, слѣдов. и Поэзіи, какъ единственно славеснаго искусства. Оштого Поэзія необходимо должна имѣть на себѣ печать того народа, коему принадлежитъ, печать яркую, неизгладимую; оштого пѣ только поэтическія произведенія испинно изящны, кои, будучи свободнымъ плодомъ творчества человѣческаго духа, со всѣхъ сторонъ выражая идею изящнаго, отлипты въ типъ самобытный, свойственныи тому народу, къ которому относятся, отражающіе въ себѣ, какъ въ кристалловидной поверхности вода, народъ со всѣми его свойствами, похвальными качествами и недоспѣлками, представляющіе собой полною картину, вѣрнѣйшій отпечатокъ, самый правдивый образъ его жизни, его судебъ въ данную эпоху бытія его. Такал Поэзія будетъ въ высочайшей степени изящною, оригинальною, своенародною, Поэзіей жизни; ей будуть сочувствовать, ее поймутъ и оцѣнятъ не отдельные любители, не одни только записные знахарки изящнаго, но цѣлая нація, цѣлый народъ, все человѣчество. Вотъ ея слушатели, послѣдователи, цѣнищели, суды и вѣчные защитники! Напропивъ, удалясь отъ этого, сполько естественнаго и единственно прямаго, пути, Поэзія перестаетъ быть испинной Поэзіей, безошчепнымъ, свободнымъ созданіемъ творящаго духа, внущеннымъ своенароднымъ вдохновеніемъ, живымъ голосомъ из-

вѣшнаго вѣка, извѣшнаго неба, извѣшнаго народа, но сколкомъ другой Поэзіи, намѣреннымъ подражаніемъ какому-нибудь чужому произведению, рабской кипировкой, ребяческимъ передразниваніемъ. Какъ бы точно ни было подражаніе, Поэзіи ли другаго народа, природѣ ли, или чemu иному, все оно подражаніе, ни болѣе, ни менѣе: эшо слѣпки безъ жизни и души, простое эхо. Допуспивъ, даже, возможность поровняться съ какимъ-либо предметомъ, это не значить сдѣлаться шѣмъ же самимъ предметомъ, но только вознесшись до одинакой высоты, и все же оставшись спискомъ, а списокъ — не подлинникъ: здѣсь борьба пигмея съ исполиномъ! Безспорно, и въ подражательныхъ произведеніяхъ могутъ быть, и есть, великия частныя красоты, доспописива первоисцепенія; и на нихъ можетъ лежать печать вѣка, болѣе или менѣе замѣшная печать народа, и т. д., пошому чѣо поэзія всегда связана съ своимъ міромъ, землей, эпохой; но эшо красоты — прививыя, не влажущія съ цѣломъ; эшо оранжерейные цветы, вырошенные въ теплицахъ, а не подъ открытымъ небомъ, вскормленные искусственною теплотою, а не сокомъ родной почвы, возбуждаюшь минувшое, проходящее, смѣшанное всегда съ невольной жалостью, удовольствіе; эти оплечашки вѣка, народа и страны — родимая пямята, и шутъ только чѣо увеличиваюшь безобразіе, выказывая всю неесущенность положенія, въ кошоромъ поставлено цѣлое. Не бышь Сѣверу Югомъ, не росши пальмовымъ лѣсамъ на нашихъ поляхъ, не дважды молодѣшь: шакъ точно одной и той же Поэзіи разъ суждено совершишь свое

поприще; пропла пора — ее уже не воскресить. Она была вполнѣ пѣть, чѣмъ сї быть должно, была со-
бой въ свое время, въ своемъ мѣстѣ, у своего наро-
да; для другихъ — она имѣеть только документаль-
нос, историческое дослѣдство: по ней можемъ су-
дить о степени жизни этого народа и пр., и т. п.,
можемъ, и должны, изучать ее, не для того, чтобы
опрекаться отъ своей Поэзіи, намъ прирожден-
ной, располагать ее по ней. Позволительно восхи-
щаться и спарапться свою довески до равной сте-
пени совершенства и, если можно, пойти дальне;
во идти своей дорогой, указанной намъ Промысломъ,
и быть собой, а не Греками, Римлянами, Индійцами,
и т. д. Тѣ были, чѣмъ имъ быть суждено, были и
прошли; не всѣмъ быть однимъ и пѣть же; теперь
наступило наше время, и намъ должно быть нами,
а не кѣмъ другимъ. Къ совершенству ведеть не
одна дорога; каждому опредѣлено дослѣгать его
своимъ путемъ, если только захочетъ дослѣгать
его, быть своеобразно совершеннымъ, равнымъ про-
чимъ. Такъ точно и въ областї Поэзіи. Всякая
Поэзія должна быть себой, спремись своей доро-
гой къ полному, гармоническому развитию себя, съ
пердою надеждой дослѣгнуть такого же совершен-
ства, какъ и другія ея сестры, изъ коихъ каждая
сдѣлалась пѣть, чѣмъ есть, единственно стараясь
быть собою; напропивъ, сбиваясь съ этого пушки,
добровольно сама себя убивала, дѣлалась вшоросше-
пенюю, хвостомъ блестящей кометы, не произво-
дила вѣчноюного двѣспвія, не могла возбудить къ
себѣ неспаривающагося сочувствія. Но оставалась вѣ-

ной себя, своей природъ, Поэзія неминуемо, волею-неволею будеъ Поэзіей народа, зеркаломъ пушей его жизни, отраженiemъ идеи, проявляемой этой жизнью, соспавляющей собой душу народа. Кромъ того, направлениe Поэзіи, ея характеръ, усavanaughстся жизнью народа, его возрастомъ: въ какомъ возрастѣ находился народъ, шакова и Поэзія его, какъ откровеніе народа; въ ней разоблачается характеръ возрастной его жизни, преобладающій надъ всѣмъ и дающій собой направлениe всѣмъ часамъ, соспавляющимъ цѣлое, наводящій на все одинакій цветъ. Испо, что Поэзія опредѣляется испоріей народа: знаа се, знаа какой періодъ своего бытія совершаешь народъ, напередъ можно отгадать, какой характеръ его Поэзіи, какой родъ ея преобладаешь у него. И наоборотъ случается, что народъ не всегда имѣешь у себя лѣтописи своей жизни, или не вѣтъ, не виолѣтъ, въ шаковомъ положеніи Поэзія показываетъ собой испорію, замѣняешь ее. По ней тощасъ можно открыть, какой пушь прежде проходилъ народъ, что съ нимъ было, какъ онъ развивался и дошелъ до того состоянія, въ какомъ теперь находится. Конечно, пушъ не будеъ ни годовъ, ни числъ, ни именъ, и т. п. и. пренадлежности лѣтописи, зато все это пополняешь собой духъ времени, духъ про-житой жизни, попому что Поэзія есть самое вѣрѣйшее и ни какому сомнѣнію не подлежащее свидѣтельство о жизни народа, картина его бытія, и т. д. Первые поэты, обыкновенно, большою частію, неизвѣстны, что очень естественно. Въ первомъ возрастѣ народа пѣвцы, подобно младенцу, не сполько

заботятся о своей личной извѣстности, именемъ безсмертии, сколько о своемъ твореніи, его дѣйствіи на массу и пришліи, усвоеніи его этой массой. Современемъ, съ постепеннымъ образованіемъ народа, съ установлениемъ видимой, рѣзкой грани между высшими и низшими слоями народа, съ появлениемъ разныхъ званій и т. д., и званіе поэта округляется, дѣлается замѣтнымъ, опредѣлъ для себя свой участокъ, охраняетъ принадлежащія ему права и т. п.; и, такъ обр., поэты становятся болѣе видимыми, выдаются, такъ сказать, впередъ; имена ихъ запереживаются и переходятъ въ попомство. Отъ нихъ-то теперь зависитъ дальнѣйшая участь Поэзіи, дальнѣйшее ея развитіе и совершенствованіе, вмѣшавшись съ развитіемъ и совершенствованіемъ самого народа, съ переходомъ его изъ возрасла въ возрастъ. Если Поэзія ихъ естественно развивается изъ самой себя, изъ своей первоначальной сущности, тогда она, сильно дѣйствуя на народъ, есть народная въ полномъ смыслѣ слова; напротивъ, сбиваясь съ этого пути, дѣлается анахронизмомъ, теряясь всю власть свою, между тѣмъ какъ народъ оспасается только при прежнемъ своемъ болгатствѣ, пока вновь не выведетъ ее добный гений на свой прежний, наследовавшій путь. Не многие народы могутъ похвастаться полнымъ развитіемъ своей Поэзіи, совершеніемъ всего своего пути, прохожденіемъ чрезъ всѣ возрасты. Для этого требуетъ много условій, требуящеся, чтобы народъ неуклонно шелъ по своей дорогѣ, падалъ, сбиваясь съ прямой пропинки, снова восплачивалъ, находилъ ее и продолжалъ идти далѣе, до

самаго конца. Но у большей части народовъ Поэзія не совершаєть своего полнаго круга, или въ силу ранней смерти самаго народа, или ложнаго направления дальнѣйшей своей жизни замѣнялась Поэзіей подражательной, чуждой, и ш. п. безчисленными преписываніями. Но такъ какъ дальнѣйшая судьба, совершенствованіе, своеобразность народной Поэзіи, при ся естественномъ ходѣ, при описуаніи неблагопріятныхъ ей обстоятельствъ, условливавшися ея первоначальною, первобытною Поэзіей, Поэзіей всего народа, Поэзіей младенчества народа, Поэзіей безыскусственной, естественной, простонародной (не въ нынѣшнемъ несчастномъ значеніи этого слова), составляющей собою источникъ, материне лено, корень и начало жизненности, то потому для каждого, ревнующаго по своей Поэзіи, принимающаго въ ней живѣвшее участіе, желающаго, чтобы она шла своимъ природнымъ путемъ, была въполномъ смыслѣ Поэзіей, народной, національной, необходимо предварительно основательное изслѣдованіе, щательное разсмотрѣніе этой первоначальной, естественной, безыскусственной Поэзіи, ея составленыхъ элементовъ, существенныхъ свойствъ, духа и прочихъ характеристическихъ признаковъ. А потому и мы въ нашемъ разсужденіи о народной Поэзіи Славянъ ограничимся только разсмотрѣніемъ естественной, безыскусственной народной Поэзіи Славянскихъ племенъ, нимаю не касаясь той народной Поэзіи ихъ, которая должна была развиваться изъ нея, какъ своего корня, если желала быть

истинно народной Поэзии, полныи и всестороннииъ
опакровеніемъ духа своего народа.

Вообщѣ, всякой первоначальной, естественной народной Поэзии всѣхъ временъ и племенъ человѣческихъ непремѣнныиъ шикомъ, общюю Формою, всегдашнимъ проливеніемъ, единшвиенною одеждой бывающею *пѣсня*. Это нимало неудивительно, это въ порядкѣ вещей. Каждый народъ, выступая на по-прище жизни, начинял свое бытіе, и будучи отъ природы поэтомъ — художникомъ, все, чѣмъ въ немъ и въ его ни твориши, что выходишь изъ колеи обыкновеній, положительно прозаической жизни, чѣмъ нарушаешь пачеаніе материальнаго существованія, выплескиваешь за края однообразнаго, ежедневнаго житейскаго міра, чѣмъ по какой бы то ни было причинѣ нарушаешь обычный бѣгъ вещей, возбуждаешь виупрешию дѣятельность духа, производишь живое, глубоко сильное впечатлѣніе, все это, всѣ эти необыкновенныя положенія свои, эти исключенія въ своей жизни, народъ схватываетъ, жадно ловитъ и въ то же мгновеніе, на самомъ мѣстѣ события, по свѣжимъ, жаркимъ, слѣдамъ его, воспѣваетъ въ звучной, самородной, своеобразной пѣснѣ. Само собою разумѣется, чѣмъ такая пѣсня началомъ своимъ должна бываша какому — нибудь одному недѣлимому въ народѣ, какому — нибудь одному лицу, въ душѣ коего горитъ пламень поэтическаго шворчства, сердце коего живѣе почувствовало данный шолчекъ, скрѣ, шакъ сказать, назлекшевалось, поняло поэтическую широпу случившагося, всыхнуло и невольно, безъ всякаго умыслаеннаго расчѣпа

и подготовленія, загло пѣснъ. Пѣсль эта шущъ же и лошла лешашь соловьемъ по народу, сообщаясь ему со всесо легкоспью, ему, пригопловленному уже прежде самимъ собыщемъ, слѣдовательно находящемуся еще подъ магическою власпію впечатлѣнія, или же пораженному новоспію, нечалиностію, общечеловѣческой, народной заинмагательноспью, яркимъ изъяніемъ изъ пошлой, безхарактерной однообразноспии настоящаго. Так. обр. пѣсня порхаспть можду народомъ, копорой ее доканчиваспть, если она имѣешь какую - нибудь шорохсоватоспь, исполнопу, и дѣлается его доспояніемъ, общимъ имущеснвомъ всѣхъ и каждого. Пѣсни сосипавляюпъ собою начало, исходный пунктъ какъ вообще Словесности, шакъ вособенности Поэзіи народной, какъ первыя, самыя спаршил ея произведенія, какъ первоиничашокъ, начальный оліпрыскъ, первоявление, первенецъ пиворчеснва народнаго, какъ первобытная, еспеснвенная схема Поэзіи, и съ пѣмъ вмѣстѣ единснпенное имущество, весь, пока , наличный капишаль народа ; въ нихъ заключаються, какъ въ машернемъ лонѣ, всѣ элементы дальнѣйшей жизни Поэзіи, ея дальнѣйшаго хода, самостоятельнаго совершениснвованія и бытія. Пѣсни въ эпоху жизни народа сосипавляюпъ для него все, замѣняютъ собой всѣ роды и виды Поэзіи, будучи и родомъ и видомъ ея, будучи всей Поэзіей : тогда всякое поэтическое произведеніе принимаетъ образъ пѣсни, воплощається въ нее, потому что народъ въ эпоху пору все воспѣваспть. Такое состояніе Поэзіи представляєшь собой первый періодъ Поэзіи народной, въ обширномъ значеніи,

періодъ Поэзіи всего народа, безъ исключенія, обще-народный, продолжающійся, даже, и тогда, когда народъ начинаешьъ образовашъ изъ себя одно правильное цѣлое, болѣе сплоченое, тѣло, когда вступаешьъ въ гражданскую жизнь и продолжаешьъ на эпомъ поприщѣ совершиеніемъ встарь. Эта Поэзія и теперь продолжаетъ свое существованіе, если гражданственное образованіе развиваешься не цѣльмъ народомъ, идешь неровнымъ шагомъ, но только въ высшихъ его слояхъ, въ высшемъ обществѣ, которое, въ эпомъ случаѣ, можетъ далеко уйти, между тѣмъ какъ масса народа оспаешься въ прежнемъ своемъ первобытномъ сословії, или нѣсколько измѣненномъ, и то больше во вѣнчанемъ видѣ. Но когда гражданственность совершаешься дружно, пріемлемаѣшъ всѣмъ цѣльмъ народа, когда жизнь народа развивается одинаково и въ высшихъ и низшихъ его членахъ, тогда и Поэзія становится искусствомъ, достояніемъ честныхъ лицъ, рѣзко отдѣляющихся此刻 отъ полны, получающихъ свое имя отъ рода своего занятия, дѣлающихся поэтами, такъ сказать, привилегированными. Они-то въ слѣдствіе большей сложности въ стихіяхъ жизни народной, явленія коей развивается теперь подробнѣе, осязательнѣе, въ силу дроблениѧ ея, тоже дробятъ и Поэзію, обрабатывая ѿ неї въ родахъ, уже болѣе опрывочныхъ, заимствующихъ духъ и характеръ свой отъ того возраслая жизни народной, который проходишъ онъ, котораго они составляютъ естественное выраженіе: Эта искусственная, воздѣлываемая Поэзія, если только вѣрно проявляешь жизнь своего народа, есмь такжে Поэзія народная,

оригинальная, пошому что она не что иное, какъ
шолько продолженіе первой безыскусственной Поэзіи,
составлешъ дальнѣйшее ея развитіе. Слѣдовательно,
въ жизни народа, какова бы она ни была: дѣятельна,
своевольна, разнообразна, или же покойна, тиха,
одностороння, главное — лишь бы она не получила
еще высшей гражданственности, пѣсни составляющъ
единственный родъ Поэзіи этого народа и един-
ственную форму всѣхъ его поэтическихъ произведе-
ній, какъ бы ни были они многочисленны. Это дока-
зывается еще ея названиемъ, одинакимъ, тождествен-
нымъ у всѣхъ народовъ. Греческія *Оды* ($\omega\delta\eta$, canticum,
cantio, *carmen*; $\omega\delta\alpha\rho\mu$, cantilena, ошъ $\alpha\epsilon\delta\omega$, *canto*,
carmine celebro), Эпосы ($\epsilon\pi\omega$, verbum, voca-
bulum; *carmen heroicum*; опъ $\epsilon\pi\omega$), Итальянскія
Канзоны, Испанскіе *Романсы*, Англійскія *Ballads* и
пр., все это — названія первобытныхъ, самородныхъ
поэтическихъ произведеній у разныхъ Европейскихъ
народовъ, которыя всѣ въ сущности не что иное
означаютъ, какъ пѣсни, пѣсни, и изъ которыхъ раз-
вилась ихъ национальная Поэзія. Славяне тоже всѣ
первоначальный свои поэтическія произведенія, всю
свою естественную Поэзію, называютъ *пѣснио*, *пѣс-
ниами* (Чешс. *писнѣ*, Серб. *пѣсме*, Словин. (Винд.) *пес-
ни*, Венд. *спѣвань*, и т. д.).

Но, не ограничивая поэтическихъ способностей ни
у одного народа, нельзя, однако же, не замѣтить,
что сколько-нибудь на этомъ предметѣ обращать
своё вниманіе, знакомъ хопъ немногого съ нимъ, что
изъ вышнихъ Европейскихъ народовъ Славяне
всѣхъ богаче пѣснями, многочисленнѣею, разнообра-

зіемъ ихъ превышаютъ всѣхъ своихъ сосѣдій и не-
сосѣдей нашейъ части свѣта, чѣо съ такой любовію
къ пѣснопѣнію они соединяютъ еще въ высшей спе-
пени спраспшую привязаносТЬ, чрезвычайную способ-
носТЬ къ музыкѣ и плясѣ. Еще Греческіе лѣтопис-
цы (Феофилактъ Симокатта, Анастасій, Феофанъ, и
др.) замѣтили, чѣо Славянѣ страстно любятъ пѣ-
ніе, музыку и пляску, и Греки при своихъ народныхъ
играхъ, торжественныхъ праздникахъ, и. п., употреб-
ляли, большею частію, этихъ столько пѣснолюби-
выхъ Славянъ (Констан. Багратородный *De Saeremon.*
Aulae Byzant. L. I. c. 72. *Reiskius in Com. ad Const.*
Porph. Caer. p. 44.). Эту-то любовь къ пѣнію и во-
обще къ естественной Поэзіи, музыкѣ, пляскамъ, и
т. п., и поимки ихъ наслѣдовали и удержали на-
всегда за собою. Самые иностранцы, не говоря уже
о своихъ, громко сознавали и сознаютъ эту способ-
носТЬ Славянъ къ Поэзіи, и единогласно, въ эпохѣ
случаѣ, опровергъ намъ преимущество передъ собою
и прочими Европейцами. Такъ, напр., Якобъ Гриммъ
(Serb. Gramm. S. 14.) говоритъ слѣд.: «Alle slavischen
Stämme scheinen von Natur dichterisch begabt, zu
Gesang und Reizen aufgelegt; »Якобъ Глацъ (Frey-
muthige Bemerkungen eines Ungars über sein Vater-
land): « Die ausserordentliche Liebe zum Gesang ist
ein Haupt- und ein schöner Zug in dem Charakter
der Slaven. Das slavische Frauerzimmer wird man
selten stumm antreffen. Es schwatzt oder singt. In
deutschen Orten, wo slavische Dienstmägde gehalten
werden, ziehen diese, wenn sie des Morgens mit
Grasbürden, gewöhnlich in einem Zuge zurückkom-

men, immer singend ein. Die Slaven haben in diesem Stücke einen entschiedenen Vorzug vor den Teutschen, die *Raichard* mit Recht sanglose Teutsche heisst; » *Poperez* (Slav. Bew. ost. T. II. p. 7, 17, 28.): «Der grössere Theil der slavisch Nation verräth unverkennbar grosse Anlage zur Tonkunst. Dichter und Componist gehören zum gemeinen Volke; » *Пубистеръ* (Gesch. d. Teutsch. S. 347.): « Alle Wenden-Slaven, ohne Ausnahme sind ein fröhliches, gesangliebendes Volk, und auch die, welche längst mit Teutschen vermischt leben, haben diesen auszeichnenden Zug, im Gegen-satzt gegen die teutsche Ernsthaftigkeit behalten. » Самые Мадьяры, сполько соперничествующе съ Славянами, сполько унижающіе ихъ во всемъ прочемъ, въ эшомъ случаѣ являющіяся къ нимъ безприспастны-ми (Мадьяр. Жур.: *Tudományos Gyűjtémeny*, 1827 г. N II. стр. 104. См. Выкладъ ку Славы Дцере одъ Яна Коллара 1832 г. стр. 33-34.): « Народъ Славянскій самъ по себѣ—чрезвычайно веселый, осиротумный и отъ природы поэтическій народъ, шакъ какъ и вся его жизнь, его радости и горе, сущь настоящая Поэзія. Самой даже простой народъ, во всѣхъ обсто-яльщельсвахъ своей жизни, поэтизируєть и поетъ, и его пѣсни доходяшь къ сердцу, отличаються со-вершенствомъ. Онъ все воспѣваєшь: каждый день рожденія, каждую свадьбу, каждый пиръ, каждую забаву, каждое занятіе, каждую нужду, даже смерть и похороны. « Этихъ свидѣтельствъ, кажешияся, до-вольно, чтобы видѣть, что Славяне, по сознанію самыхъ чужеспраццевъ, вѣчныхъ своихъ соперни-ковъ, никогда не упускавшихъ случая унизишь ихъ

всѣми позволенными и непозволенными средствами, созидашь своего благосостоянія на развалинахъ благосостоянія первыхъ, чиго Славяне по праву называюшися самымъ поэтическимъ, самымъ пѣсеннымъ народомъ въ Европѣ, хотя они и не кричатъ объ этомъ, не зная сами себѣ цѣны, своего превосходства предъ другими. Кто же теперь скажешь, что слѣдующія слова извѣстнаго Шаффарика дышатъ тщеславiemъ, внушены ему самохвалствомъ, кваснымъ напропизмомъ? «Wo eine Slavin ist, говорить онъ, da ist auch Gesang; sie erfüllt Haus und Hof, Berg und Thal, Wiesen und Wälder, Gärten und Weingärten mit dem Schall ihrer Lieder; oft beebt sie nach einem mühevollen, unter Hitze, Schweiss, Hunger und Durst zugebrauchten Tag, die herandämmernde Abendstille während der Heimkehr noch mit ihrem melodischen Gesang. Welch' einen Geist diese Volkslieder athmen, kann man aus den bereits erschienenen Sammlungen derselben erschen. Man kann ohne Widerspruch behaupten, dass die Naturpoesie bei keinem Volk in Europa in einem so hohen Grade und mit einer solchen Reinheit, Innigkeit und Wärme des Gefühls verbreitet sey, wie unter den Slawen (Gesch. der slaw. Spr. u. Lit nach allen Mundarten, S. 52.)» Поэтому неудивительно, что они называли сами себя *Словянами*, народомъ *хочъ словы*: где бы они ни были, слово вездѣ имъ соотствуетъ, тоинъ свидѣтельствуешь о нихъ; они тоинъ имъ проявляютъ себѧ; у нихъ и горе и радость, все, что ни лежишь на сердцѣ, что ни сдѣлали бы, все это, все самое себѧ, ввѣряющъ, какъ своему вѣрѣйшему, надежнѣйшему, единиценному другу и спутнику, *слѹсу-пѣсни*.

«Чо є славикъ мези літакамъ»
«То є Словачъ мези народни. 1)

Пѣсни — эпо ихъ дневникъ, ихъ Испарія, хранилище всякаго вѣдѣнія, всякаго вѣрованія, ихъ Феогонія, Космогонія, память, призна по своимъ отцахъ и дорогихъ сердцу, надгробный памятникъ священой старины, живая, говорящая летопись временъ, давно прошедшихъ, въ коей, какъ въ прозрачномъ кристаллѣ водъ, отражается, безъ малѣйшей примѣси, вся ихъ жизнь, съ ея добромъ и зломъ, характеръ каждого врозь и обще всего цѣлаго, многосложная картина минувшаго вѣка, его духа, вѣрный очеркъ быща и всѣхъ его, неуловимыхъ проспымъ глазомъ, мѣлчайшихъ, подробнейшей. Это исповѣдь души, разоблаченной передъ вами до пюнчайшихъ изгибовъ своихъ и отпѣниковъ чувствъ, волнений, дѣйствій, страданій, надеждъ, веселія и грусти; это чистѣйшее выраженіе Славянской народности, нравовъ, обычаевъ, запахъ, причудъ, и т. п. Въ нихъ, наконецъ, языкъ родной хранился во всей своей чистотѣ, исподѣльности, свѣжести, силѣ, прелести и богатствѣ, лзыть, въ коемъ «ози-ваи се вшецки глубоке цини а срѣднє глаголы одь первого гласу въ колебце ажъ до пресладкого, розкошнаго говору милосини», лзыть, звуки коего пріяніе всего на сѣть ударяютъ въ наши уши, какъ говорилъ Валпіеръ Скопинъ. Славянинъ, въ какихъ бы обстоятельствахъ ни находился, чи то бы онъ ни дѣлалъ, во всякую пору времени пѣсня у него шевелилась изъ лзыть: эпо безсмертная спущница, всегдашия на-

1) Март. Сухани.

персница и повѣренная его думъ, мыслей и желаній; для нея сердце его и весь онъ самъ какъ есть, когда угодно, открыты, обнажены. Оштого, что страннаго, если у него вы найдете на все, на каждый предметъ, по пѣснѣ? Что удивительнаго, если Славлие всѣхъ прочихъ Европейцевъ богаче пѣснями, запою одной настоящею народною Поэзіей, если они самый пѣсенныи, самый поэтическій народъ въ Европѣ? Пѣснопѣніе составляє одну изъ наиболѣе характеризующихъ его чертъ, и, так. обр., говорить съ самой выгодной стороны обѣ его природныхъ свойствахъ, пошому что

« Wo man singt, da lass dich fröhlich nieder:
Böse Menschen habe kiene Lieder, »

говоритъ Шиллеръ, глубоко проникшій въ сердце человѣческое. Согласиь, во многомъ другомъ, въ наукахъ, искусствахъ, изобрѣтеніяхъ, и т. д., Славлие долго-долго еще будутъ подъ опекою прочихъ, оперѣшившихъ ихъ своей образованностию, народовъ, будутъ нуждаться въ ихъ опытоности, знаніи, свѣдѣніяхъ, будутъ ихъ прилежными, посвященными слушашелями, учениками; но что касается до естественной Поэзіи, въ ней они далеко ушли впередъ, обогнали всѣхъ своихъ сверстниковъ, соседей, друзей и враговъ. Тутъ они сами могутъ съ гордостью развернуть свое богатство, и, съ сознаніемъ собственнаго достоинства и превосходства, сказать: « То ли у васъ? » О, пусть они сами, по всей справедливости, могутъ служить образцемъ для другихъ. « Въ нынѣшимъ народнимъ баснищви, якъ далече

намъ знамо, Слованъ згѣвки бѣзъ похыбы нейпѣк-
ныши вѣнецъ собѣ на главу положиши може,» го-
вориши Челлковскій (Предмл. къ слованс. народн.
писн. Диль I. спр. VII.), и говориши справедливо,
безъ малѣйшаго преувеличія, самохвалыства и на-
роднаго предубѣжденія.

«Же вѣданосили нема пашъ лидъ, цизоземци млавиши?»

спрашивавши другой пламенный Славянинъ ино-
сѣранцевъ, и шушъ же спивъчаепши имъ со всей энер-
гіей и благороднымъ упрекомъ ихъ пеискреиности:
«Какъ же эшо?

«Лажа? вы мусите лиду зпивати, намъ пѣе лида.»

Что можелъ бытъ справедливѣе, доказательнѣе,
очевиднѣе и, такъ сказать, ослязельнѣе эшого ко-
роленька отвѣта? Въ другой разъ, на замѣчаніе
иноzemца о бѣдности нашей въ операхъ и вообще
въ театре, шотъ же осиромленный поэтичъ оправдаль-
ему слѣдующимъ двусшишіемъ:

«Ушклебо некричъ намъ, же оперъ, же немаме дивадла;

Вы эди, мы маме целе въ лопѣ дивадло поле.»

Нѣкоторые эшой спрастни Славянъ къ пѣнію припи-
сываюши даже то, что они занимаюши шакое огром-
ное просираницво и крѣпкою ногою въ немъ утвер-
дились: «Dass die Slaven so leicht festen Fuss fassen,
wird durch manche liebenswürdige Eigenschaft der
Einwanderer erklärt, hauptsächlich durch das Talent
derselben für Gesang und Musik, die sie beständig beg-
leiten, und durch den regen Sinn für die Künste des
Friedens, der sie beseelt (K. Ch. F. v. Lützow Gesch. d.
Meklenb.).» И пошому Испорикъ, Философъ, Фило-

логъ и Позитъ, если хотиши узнать лицемъ къ лицу народъ Славянскій, оцѣниши его, какъ слѣдуешъ; по немъ самомъ, должны обратиши все свое вниманіе на его пѣсни, которыя, будучи естественнымъ, необходимымъ выраженіемъ, вѣришими опечаткомъ его народнаго духа, сославляюшъ, попому, самый правдивый образъ бытія, его судебъ. Разумѣешся, въ пѣсняхъ не слѣдуешь искать лѣтописныхъ или другихъ подробнѣшій шакого и шакого событія, шого или иного лица, и. т. д.; зато все, что дѣлаешъ сильное впечатлѣніе на народъ, въ чемъ берешъ онъ прямое участіе, то навѣрно ощущаешь въ его пѣсняхъ: онъ дорожишъ эшимъ какъ своею собственностию, и хочешь, чтобы и потомки его знали о шомъ. Судь его въ шакомъ случаѣ очень важенъ для Историка, какъ судъ современника происшествію. Испинный Историкъ обязанъ представить намъ въ своемъ дѣлописаніи народъ такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, показывая постепенно какъ въ извѣстномъ вѣкѣ онъ выражалъ свои мысли и чувствованія, какъ шѣ и другія въ немъ развивались, каковъ его общий характеръ, въ чемъ онъ сходствуешь и въ чемъ отличенъ отъ своихъ соотечесвѣтниковъ и иныхъ народовъ. Такому Историку пѣсни могутъ служить важнейшимъ и надежнейшимъ руководствомъ и пособіемъ: въ нихъ народъ самъ себя изображаетъ со всемъ шѣмъ, что ни относится къ нему. «Оны су образы, ве кшерыхъ каждый народъ самъ свой характеръ найвѣрнѣши малуе а предшавус; су гисторіе виншернега свѣща а живоша; су кличе одъ свашынѣ народности, кшерыми юдо отвѣ-

раши незна ашебъ нежце, шень ани знаши небуде до ешь чловѣченскии, ешто се въ писнихъ пасшырскихъ не менъ, нежъ въ еgyptскихъ пырамидахъ зъевуе. Въ чледѣхъ, поколенихъ, кмешехъ, шаречихъ познаваме цо ешь народъ, въ народехъ познаваме цо ешь чловѣченскии (См. Познам. а поеди. ку 2 Дил. Народ. зиѣв. Словак., себр. одъ Я. Коллара, спир. 489. *Dobrowsky's Slawin.* Pr. 1834. S. 416 и 417.)» Что касаешся до Мироологии, то она почти шолько описюода и можешь бытъ заимствуема; а для Словесности вообще и ея Истории, пѣсни, какъ мы уже выше замѣтили, сославляюшь начало, исходный пунктъ ея, какъ первыя, самыя старшія ея произведенія, вѣчно цвѣпущая, живая, свѣжая Словесность, исполненое выраженіе народнаго духа. Далѣе, изучающій сердце человѣческое, любящій проникать въ сокровеннѣшіе изгибы и тайники его, заглянувшъ въ душу безъ всякаго покрываала, въ ея первичномъ видѣ, чуждую всѣхъ прикрасъ и уловокъ свѣтскихъ, слѣдить естественное развитіе ея движений и страстией, въ пѣсняхъ народныхъ Философъ — наблюдатель найдетъ для себя обильнѣшую пищу: онъ, слагаясь въ чисть живѣшаго чувства, при злектическомъ потрясеніи всѣхъ первъ нашего бытія, при полномъ подчиненіи себя извѣстному впечатлѣнію, суть, поистому самому, проспѣшій и вѣришій опшечатокъ тогдашняго состоянія души нашей. Ревинитель чистоплы, силы, богатства и проспопы ощечесненаго слова, не разшапеліся съ пѣснями: въ нихъ языкъ народа таковъ, каковъ онъ ешь въ своей сущности, каковъ долженъ бытъ, со всѣми своими

природными особенностями, ему лишь свойственными оборотами и извивами. Въ нихъ Поэтъ увидицъ спихосложеніе, единственно ему приличное, а не насилию навязанное, привыкшее, выписанное изъ чужой земли, составленное подъ другимъ небомъ, въ другое время, въ другихъ обстоятельствахъ. Напроприявъ, спихосложеніе и пр. въ пѣсняхъ шаковы, какимъ слѣдуєтъ имъ быть, суть произведенія той почвы, на коей они выросли. Наконецъ, человѣкъ высшаго сословія, занимающій одну изъ первыхъ ступеней въ общеспѣвѣ, къ коюкой опекрыта ему была дорога или самимъ уже его рожденіемъ, или же онъ доспѣгъ ее собственными своими заслугами и трудами, для такого человѣка пѣсни заключають въ себѣ много очаровательного, сладоспѣнаго сердцу, незамѣнимаго: въ нихъ онъ увидитъ, какъ въ зеркаль, самаго себя—чѣмъ бы онъ былъ, если бы остался въ своемъ первоначальномъ состояніи, въ кругу, назначавшемуся ему самою Природою, какъ бы думалъ, чувствовалъ, что бы занимало, шевелило, волновало его душу, какъ бы онъ все это понималъ и передавалъ другимъ, выражалъ самое себя.... Словомъ, пѣсни сосипавляютъ естественную, испинную Поэзію народа, коему онъ принадлежашъ. Въ нихъ шошь же воздухъ вѣёшъ, какимъ народъ дышешъ, то самое небо, подъ какимъ народъ живешъ, та жизнь народа, безъ малѣйшей перемѣны въ краскахъ, какую онъ изжилъ; каждое недѣлимое, несмотря на всѣ свои частные, дробныя особенности, взглянувъ въ это зеркало, шошчасъ узнаешьъ себя, и воскликнешь:

«Kość z kości ojców naszych, ród jeden składamy,
J jednym wszędzie duchem oddychamy....»

Каковъ же эпоптъ общій духъ, проникающій, движущій и оживляющій естественную Поэзію народовъ Славянскихъ? Чѣмъ за характеръ ихъ пъсень вообщѣ? Чѣмъ онъ отличаюся отъ пъсень другихъ народовъ? Чѣмъ соспавляетъ ихъ отличительную особенность, ихъ неопытлемую, имъ однимъ принадлежащую, собственность? Короче: какія знаменательныя свойства всей народной Славянской Поэзіи, или, чѣмъ все равно, ихъ пъсень?

Трудно, очень трудно, разгадать главное направление какой бы то ни было Поэзіи, проникнувшись до первого, верховнаго двигателя и руководителя жизни народа, схватившь задушевную, завѣтную его идею, положенную во главу его бытія, которой онъ незримо, но тѣмъ не менѣе непрерывно, проявляется во всѣхъ свои дѣйствіяхъ въ возможнаго рода образахъ. Уловить эту заповѣдную, тайную мысль народа, проводимую имъ чрезъ всю шекань своей жизни, составляющую среду и вмѣстѣ точку отражения всей его многоразличной, внутренней и вѣтшиной дѣятельности, а потому и въ Поэзіи его, какъ первоначальному и непримѣрному отраженію его существованія, выражаемой неминуемо, неизбѣжно, значительной разобщенностью души народа, заставивъ его сказать намъ, что онъ такое самъ по себѣ и въ ряду прочихъ племенъ рода человѣческаго. Такъ обр. и общій духъ его Поэзіи, общій ея характеръ, ея главное направленіе, сдѣлающееся для насъ понятными, яс-

ными. Повторю-это не легко, особенно воинове-
вій къ Славянамъ и ихъ Поэзіи, Славянамъ, народѣ,
какъ говорилъ Я. Колларъ, «наречими, писменами,
вирами, берлами, подибими, сполешими,» раздѣленіомъ;
но несомнѣя по шакое различіе ихъ между собою
во всемъ прочемъ, на шакія преграды, ошѣляющія
ихъ другъ отъ друга и сообщающія каждому изъ
нихъ особую физіономію, ихъ «лицъ шакъ неспоное
яко народне злѣвы,» какъ Поэзія. Слѣдовашельно,
есть возможность схвапить и означить общія оши-
личительныя свойства ихъ Поэзіи, характеръ ихъ пѣ-
сень. Характеръ пѣсень долженъ быть вообще шаковъ,
каковъ характеръ народа, ихъ произведшаго, какова
сто жизнь, положеніе, въ которомъ онъ находился,
самая страна, имъ занимаемая, и безконечное множе-
ство тѣхъ мѣлкихъ житейскихъ условій, кои, хотя
сами въ себѣ ничего особеннаго не заключаютъ, но,
при всемъ томъ, имѣютъ чрезвычайно сильное вліяніе
на человѣка. Да иначе и быть не можетъ. Пѣсни, какъ
мы сказали и выше, — выраженіе духа народааго,
журналъ, въ который народъ записывалъ все, что
сколько-нибудь относилось къ нему, сколько-нибудь
его шевелило, прогало. Тушь нѣть, да и не могли
имѣть мѣста ложныя движенія, пришпорно вынуж-
денныя мысли, чувствованія, и ш. д., дѣянія, никогда
и нигдѣ не случавшіяся, потому что здравый смыслъ,
всегда управляющій народомъ, никакъ не допустилъ
его въ этомъ случаѣ взвеси на себя шакую ужас-
ную напраслину. Это возможно только намъ, пѣс-
нопроворцамъ съ первомъ въ руку, воспѣвающимъ ра-
дость и горе, большую часшю, не радовавшія, не

огорчавшій нась, оплакивающимъ шо, чего не лиша-
лись, не на пепелищѣ, не надъ могилою упраченна-
го, дорогаго сердцу пашему, но за сыпнимъ спо-
ломъ, въ бождѣльнномъ состояніи тѣла и души.
Посмотрѣши, чуль ли мы не самые несчастнѣшіе
въ мірѣ, а какъ поразглядѣши—дай Богъ всѣмъ, дру-
гу и недругу, бышь шакими!... Не тѣхъ мыслей
народъ, особенно Славяне о пѣсняхъ. Они у нихъ со-
спавляютъ непримѣрное, естественное, искреннее
изліяніе сердца: апо ихъ — *vita vitalis*, необходимая
потребность жизни, основа бытія, условіе, безъ ко-
его они не могутъ вообразить себѣ существа ра-
зумно — свободного. Прислушайшесь, чи то поютъ
Славяне (Словаки) въ пѣсняхъ:

Боже мой, діовченце, чожебы тъ пасъ боло?
Кѣбы тыхъ песничекъ на светѣ не боло?
Веру бы сме боли спія ти Гандербурци 1),
Чо никды не пѣва, требасъ быва въ Турци.

Это ихъ воздухъ, наущный хлѣбъ, паштманъ опъ

1) *Гандербурцалии* Словаки называютъ Нѣмцевъ, живущихъ въ
округахъ: Турчанскомъ, Нипранскомъ и Тековскомъ, и говоря-
щихъ спранимъ нарѣціемъ. *Крикегай*, селеніе, близъ Кремница,
считается какъ бы гнѣздомъ Гандербурцевъ, но коему они на-
зываются также и *Крикегайцами*. Такія названія, вѣроятно,
они получили опъ образа рѣчи, т. е., опъ *крикани* (кричанья)
и *бурцовани* (бурчанья) языкомъ. «*Germani, dubia aetate Comi-
tatu *Thurociensi illati. Difficile est, etiamsi attentissime loquen-
tes audias, intelligere, quid sibi velint; ut conjectione opus sit
his, qui *barritus eorum iusueti sunt, quoties sermo cum illis con-
ferendus est. Gepidarum reliquias dicunt aliqui, alii ad Goths,*
aliit ad *Quados originem eorum referunt. Linquam slavicam raro
addiscunt, aut si quid ejus apprehenderunt, tam male eam pro-
nunciant, ut murmur edere eos crederes, non loqui.**» *Bellus Not.*
Hung. T. II. p. 506. (См. Выкл. ку Слав. Дцер. стр. 447—448).*

всего злого, противоядное всемъ болѣзнямъ, душев-
нымъ и шѣлсснымъ:

Съ молитвами пажинными
А письмъ веселыми
Вшуды се пышиши будемъ,
Зармушки вищецы забуднемъ.

Или: Пѣснъ мое, пѣснъ, верь васъ я исло вѣмъ,
Кедъ я эшатпо подемъ где же васъ я подъмъ?
Веръ васъ я закопемъ подъ мой маткы спѣму,
Кедъ я эшатпо подемъ слзы ма задето.

Или: Пѣснъ мое, пѣснъ, верь васъ я много мамъ,
Веру васъ я вищецы до мой труглы сковамъ.
Кера е найкраша на архъ ю положимъ,
Кедъ ма мужъ набіе предъ итго предложимъ.
А кедъ си я будемъ дыпрату эшвати,
Будемъ си по едине эъ труглы выберапи.

Они даже и въ гробѣ не думаюши разспашься съ
своими пѣснями:

Умремъ, умремъ нечѣмъ кеды,
Але умремъ кеды шеды.
Эй кедъ умремъ лежать будемъ,
Препо си я спѣвати будемъ.

Все это правда; но каковъ же общий духъ Славян-
скихъ пѣсень? Присступаемъ къ рѣшенію этого во-
проса по крайнему своему разумѣнію, сколько это
 удалось намъ подмѣнить, слыша, чинная; перечи-
вая пѣсни этого народа и съ любовью вдумываясь
въ нихъ; попромъ поспрашивая уловить и частные
характеристические свойства пѣсень каждого оп-
дѣльного Славянского племени, что собственно и

составляшъ главную цѣль шеперешникъ нашихъ разсужденій.

Славие, по единогласному свидѣтельству всѣхъ писателей, иностранныхъ и шумерскихъ, искони были народъ, преимущественно привязанный къ жизни земледѣльческой, осѣдлой, и попому миролюбивый, тихій, спокойный, уживчивый, больше всего на свѣтѣ любившій быть сельскій, семейственный, домашній. Напротивъ, болыпая часішь другихъ народовъ всегда почти отличалась своимъ отвращеніемъ къ земледѣлію, предпочитая ему звѣроловство, рыболовство, скотоводство, войну, вообще жизнь скипальческую, подвижную, больше подручную, требовавшую меньшихъ прудовъ и усилий. Конечно, впослѣдствіи шкоюпорые изъ нихъ оставили этоппъ образъ жизни, полюбили земледѣліе; но другіе цѣлыя тысячелѣтія удержали его за собою, не смѣяли на какія измѣненія и перевороты. Быть можетъ и Славие когда-нибудь, въ глубочайшей древности, при своемъ появлении, были исчужды котопраго-нибудь изъ этихъ образовъ жизни, пѣмъ болѣе, чи то эпохи спенени, черезъ кои каждый народъ, хошя-нехоя долженъ проходить, спенени естественного образования человѣка, предѣлъ, его же не преидеши. Но Славие рано прошли эти спупени первичнаго образования, и сколько люди запомнили, они были уже народъ земледѣльческій, и земледѣльческій исключительно, между тѣмъ какъ другихъ народовъ Испорія засипаешь еще на копюорой-нибудь первой лѣспницѣ образованія, или звѣроловами, рыбаками, или спадоишашелями, и ш. д. Жизнь зем-

ледѣльческая граничиша съ жизнью граждапшвен-
ной, есть первый и самый вѣрный шаг къ высше-
му совершенствованію; она неразлучна съ осѣдло-
стью, тѣснымъ общеніемъ, порядкомъ въ образѣ
жизни, точнѣйшимъ распределеніемъ моего-твоего,
законностію, смягченіемъ дикости, нравами спокойными,
привязанностію къ мѣсту жительства, къ своему
пепелищу, домашнему очагу, быту семейному, дѣп-
скою, нелицемърною любовію къ природѣ и ея ис-
тинамъ, чистымъ удовольствіямъ. У земледѣль-
цевъ-ши показывается первоначально грамота, ру-
кодѣлія, торговыя сношенія, зародышъ наукъ, ис-
кусствъ и художествъ: это ихъ колыбель. Все это
въ большей или меньшей мѣрѣ, какъ начатки, дол-
жны были имѣть и Славяне задолго еще до при-
нятія Христіанства, какъ народъ земледѣльческій,
осѣдлый, *Левъ Мудрый* (911), руководивавшійся
сочиненіемъ *Маврикія* (602), *Strategicon*, и почти
слово въ слово повіорившій его извѣстія о Славя-
нахъ, воинъ что говорить о привязанности ихъ къ
земледѣлію: «*Slavi maxime temperantiae in cibis*
erant studiosi, qui alias agriculturae labores per moleste
practerea ferrent (*Tacticor. in Kollarii Amaenit. p. 69.*)»
Экгардъ: «*In privilegiis Wirzeburgensibus mentio fit*
Winidorum, Slavorum, Serborum, Mainwinidorum ac
Radenz-Winidorum. Mainwinidi erant, qui agros cole-
bant ad Moenum, Radenz-Winidi, qui ad Radantium;
colebant quoque ad alias fluvios. In silvestribus
locis Radantium inter et Moenum a S. Burchardi
tempore (741) Slavi Winidi ex Sorabis puto et Bohemis
sedes fixerunt et terram excolerunt (*L. 23 с. 7.*
apud Chr. Jordan App. Hist. p. 251). Не упоминал

уже о Гаците, сказавшемъ, что Венеды «*domos plingunt*» и подтверждениемъ Иорнандомъ и Прокопиемъ, приведемъ слова новѣйшихъ Нѣмецкихъ писателей, извѣстныхъ своимъ именемъ и благонамѣренностию, обращавшихъ особенное вниманіе на образъ жизни Славянской. Гердеръ, незабвенный Гердеръ (*Ideen zu Phil. d. Gesch. d. Mensch.*) говориши: «Allenthalben liessen sich die Slaven nieder, um das von andern Völkern verlassene Land zu besitzen, es als Colonisten, als Hirten oder Ackerleute zu bauen oder zu nutzen; mithin war nach allen vorhergegangenen Verheerungen, Durch- und Auszügen ihre Geräuschlose, fleissige Gegenwart den Ländern erspriesslich.—Sie liebten die Landwirthschaft, einen Vorrath von Heerden und Getraide, versfertigten Leinwand, pflanzten Fruchtäume. «*Пфистеръ* (J. C. Gesch. d. Teutsch., Ilamb. 1829. B. I. S. 341, 4, 9.)» Wie sich die Germanen als Krieger in die römischen Provinzen getheilt, so sind dagegen die Slaven als friedliche Anbauer in die verlassenen teutschen Länder hereingekommen. In Deutschland ist ihre geräuschlose Niederlassung und ihr stiller Fleiss von den wohlthätigsten Folgen gewesen. Auch später sind noch Kolonisten von ihnen gehohlt worden, und man hat gewisse Aecker, nach ihrer Art zu pflügen *windische Beeten* genannt. Sie wollten lieber steuerpflichtig werden, wenn sie nur ihr Land mit Ruhe bauen dürften.—Da die Slaven wegen ihrer Arbeitssamkeit und Erfahrung in der Landwirthschaft gerne als Kolonisten aufgenommen wurden, so sind auch, besonders in diesem Fache manche Wörter aus ihrer Sprache in die teutsche übergangen. Къ такимъ словамъ принадлежать: *плугъ* (Pflug), *бичъ* (Peitsche), *село*,

селеніе, сидло, (Siedelhof, ansiedeln), тынъ, тынить (Zaun, zäunen), работа (Rabatten), стодола (Stadel), и множ. друг. (См. Выкл. ку Сл. Дцер. стр. 93). Въ Журналѣ *Jsis*, издав. Окепомъ (1823. Т. 5 л. 1.): Es ist geschichtlich erwiesen, dass die Slaven früher als die Deutschen von dem wilden Nomaden leben, zum bleibenden Stand der Landwirthschaft übergegangen, und sich darin den Ruf einer besondern Erfahrung erworben. Insonderheit wo es darauf ankam ganze Striche auszureutzen und urbar zu machen, suchte man in Franken ganze Slavenstämme, als die geschicktesten herbeizubringen.—Sie gaben den neuen Pflanzungen, Wäldern, Flussen, slavische Namen, die in der deutschen Sprache bis an den heutigen Tag wieder zu erkennen sind». Впрочемъ, не одни только Пѣмцы научились отъ Славянъ земледѣлію и привили ихъ слова по этой части въ свой языкъ, но и Мадьяры; Magyari, vita nomadica relictæ, et sede in Panonia fixa,—говоритъ Стеф. Лесика (*Elenchus vocab. Eur. Budae. 1825. p. 25.*),—arationem primum apud Slavos conspicerunt ab iisque eam didicerunt. Inde factum est eos vocabula barázda, borona, eszteke, gereblye, kapa, kasza, villa, borománi, kapálni, kaszálni; aliaque ab iisdem suscepisse. «Изъ шуземныхъ писателей: Аугартъ (Gesch. v. Krain T. II. S. 330.):» Die Slaven waren es, welche die Wildnisse im Süden Deutschlands, das ehemalige Karantanien, in tragbares Ackerland umschufen. Dass dieses sogar in Oberösterreich der Fall war, ist aus einer Urkunde Karls des Grossen zu erschen. Terra illa, quae est infra locum, qui vocatur Forst ad Todicha et Sirnicha, quam illi Slavi coluerunt et cultam fecerunt (Ex dipl. monast. Cremis).»

Суроєцький (Siedz. pocz. nar. słow.) «Inne zdobyw-
cze narody wprawione do życia wojennego, przelaty-
wały z mieysca na mieysce w przerażających, tłu-
mach, szukając nieprzyjaciół na to tylko, żeby ich
gniećbić, i wydzierać gotowe łupy; słowianie niestra-
szni z oreżą, lagodni z przyrodzenia, przez wolne
wędrówki szukali jedynie ziemi, któryby potem włas-
nego czoła upłodniać mogli... Słowianie należeli zdaw-
na do rzędu narodów stale osiadłych, i różnych od
pastersko-tulacznych.... Tęto panujące skłonności
do prac rolniczych, tęto cnocie, jak ją słusznie na owe
wieki nazwać możemy, przypisać należy: że Słowia-
nie i mniemy doświadczały podejrziwych zazdrości od
swoich sąsiadów, i wszędzie u nich, a nawet u nieprzy-
jaciół chętnie znaydowali przyjęcie... Z taką właśnie
sklonnością i usposobieniem do rolnictwa wyszły
narody Słowianskie z pierwotnych swoich siedlisk;
i jeżeli niektóre z nich w ciągu wędrówki, bawiły
sie czas niejaki oręzem, to tylko dla tego, żeby osią-
gnąć pusta ziemic i zamienić ją w płodną.» Будучи
сполько привязаны ошъ природы къ земледѣлю,
Славяне шѣмъ не мене были воинственны, не
уступали другимъ народамъ ни въ мужествѣ, ни въ
любви къ самобытности, свободѣ, хотя сами по себѣ
были народъ миролюбивый. Они никогда не пред-
принимали войнъ изъ страсти къ оружію, изъ желанія
похвасташь своимъ удальшвомъ, силою пожалѣ-
носящимо и взлелѣщимо чужими руками, отчаявшись
нахально, по праву сильного, принадлежащее слабѣй-
шему, покорить чужеземца и сдѣлашь его своимъ
рабомъ, данникомъ, а самимъ, между шѣмъ, преда-
вашься на счѣть другаго покою и бездѣйствію, иъ-

житъ и холить себя. Напропивъ, они примѣромъ своимъ доказали, что владѣлъ союю и серпомъ, также хорошо владѣють и мечемъ. Римъ, Греція, Нѣмцы, вѣчные сосѣди-соперники, притѣснили и враги 1), и другіе Азіатскіе выходцы, испытывали на себѣ силу ихъ мышцъ, удары ихъ перуна. Только Славяне оставляли свой плугъ, мѣняли серпъ на дубину, копье, мечъ, и т. д., предпочитительно въ крайнихъ обстоятельствахъ, когда требовалось отстоять свои поля, защищить свою собственность отъ наглыхъ приплазній кого бы то ни было, охранить себя отъ обиды другихъ, оградить свои права и независимость. Они никогда не раздвигали предѣловъ своихъ владѣній бружиемъ, довольствуясь доспавшимся имъ отъ ихъ ощевъ и праощевъ, и въ случаѣ пѣноши обишающей ими спраны, переходили въ другую, смежную, когда она или вовсе

1) *Гердеръ* (Ideen z. G. d. M. 1792. T. 4. S. 38.) Mehrere Nationen, am meisten aber die vom Deutschen Stamme, haben sich an den Slaven hart versündigt. *Вольтманнъ* (Gesch. d. Teutschen in d. Sächsischen Periode. I. Th. Gött. 1798.) Es scheint Sitte bei den Teutschen gewesen zu seyn, dass sie ein Slavisches Volk angegriffen, so baldes ihnen in den Sinn kam einen kriegerischen Zug zu unternehmen. Die Grausamkeit und Verachtung, womit ihre Ueberwinder sie behandelten, reitze sie unaufhörlich das Joch derselben abzuwerfen.—*Пфистеръ* (Gesch. d. Teutschen, Hamb. 1829. S. 345.): Nie haben Teutsche und Slaven sich als Brüder angesehen, ja nicht einmal als Halbbrüder. Wenn sie auch gegen den gemeinschaftlichen Feind mit vereinter Macht ausgegangen sind, so zeigt sich doch eben sobald wieder gegenseitige Abneigung, selbst Hass und Verachtung, und die Geschichte wird es bekennen, wie gar stiefbrüderlich die Teutschen ihre Slavischen Nachbarn behandelt haben.—*Луденъ* (Gesch. B. III. §. 241.): Zwischen den Slavischen Völkern und den Deutschen bestand, neben der

еще не была занята никемъ, или же оспавлена своимъ жильцами. Въ противномъ случаѣ, поселялись въ ней, испросивъ напередъ согласіе ея владѣтелей, полюбовною сдѣлкой пріобрѣвъ ее себѣ. Вошъ, между прочимъ, отзывы древнихъ и новыхъ писателей о храбрости, любви къ свободѣ Славянъ. *Макрикій:* Slavorum gentes et Antum... libertatem quoque colunt, nec ulla ratione ad serviendum vel parendum persuadentur, maxime in regione propria fortis tolerantesque; melius putabant ab indigenis suis violari, quam Romanis parere et sub eorum legibus vivere. Populosa natio est, omnium aerumnarum patiens, calores, frigora, pluvias, nuditatem, commeatus et rerum necessiarum inopiam facile persert. Ne minem ferunt imperantem... sustinent facile frigus et calorem, et nuditatem corporum et penuriam. *Лев Мудрый:* Slavorum gentes et ingenuae atque liberae, quibus servitus et subjectio nulla unquam ratione potuit persuaderi.... Romani saepe Slavorum populationibus infestabantur et bella multa ab illis illata sustinebant. *Витихинъ,* родомъ Пѣмецъ, нелюбившій Славянъ, ошдаешь, также, справедливость имъ: Slavi bell-

volksthümlichen, auch noch eine religiöse Feindschaft. Это говорили сами Нѣцы о себѣ.—Principes Germanorum,—говорилъ Поморскій Князь Прибиславъ у Гельмольда (c. 83.)—tanta severitate grassantur in nos, ut propter vectigalia et servitutem durissimam, melior sit nobis mors, quam vita.—*Бальбинъ,* Чехъ, (Dissert. apol. pro ling. slav. Pragae 1775. p. 11. 19.) Fatale est genti Teutonum linguas regionum mutare, aut penitus abolere. Saevius et inhumanius, ut mollissime dicam, apud Saxones actum cum Venedis; nam Saxones advenae, Slavorum natura intmici, hos antiquae simplicitatis homines, quibus possent artibus, opprimere statuerunt; ac primum duces Slavorum divisere discordiis, tum dissimulato universae nationis odio, divisos sunt aggressi.

lum quam pacem elegerunt, omnem miseriam caraे libertati postponentes. Transeunt sane dics plurimi his pro gloria et pro magno latoque imperio, illis pro libertate ac ultima servitute varie certantibus (Ann. L. 2.). *Фабриций* (Orig. Sax. L. 3.): Slavos mori maluisse, quam servitute premi, in qua nec animi essent quieti, nec fortunae tutae, nec corpora periculorum vacua. *Бсютерз* (Discep. Hist. c. 1. p. 29.): De celebriore et potentiore gente quam Slavica nullibi legitur in historicis; quae olim totam orientalem sere Europae plagam continuerit, ita, ut si iisdem modis regna quibus occupantur, etiam tenerentur, Slavi omnium jam essent populorum potentissimi et *totins mundi Domini Гаудорфъ* (Orig. ling. Sorab. Praefat):

Si par virtuti Slavis fortuna fuisset,
Orbis adoraret Slavica sceptra tremens.

Словомъ: Plena,—говорить Бель (Praef. къ Долеж. Грамм.)—de Slavorum antiquitate, bellis, victoriis, variante item fortuna, atque susceptis migrationibus sunt apud maxime idoneos scriptores omnia. *Антоњ* (Versuch üb. die al. Sl. I. S. 32.): Dass Tapferkeit die Slaven auszeichnete, ist wohl nicht erst zu erinnern nöthig, denn ohne dieselbe, hätten sie nie die Besitzer der grossen Länder werden können, die sie zum Theil noch haben. *Лингартъ* (Gesch. v. Krain. T. II. S. 211.): Die Slavische Nation fühlte ihren Werth und handelte nach diesem Gefühle. Sie liebte ihre Freyheit und vertheidigte sie gegen ihre Unterdrücker mit einer Verzweiflung, die ohne Beispiel war.

Опшюда и Поэзия Славянъ, народа издревле, во всѣкъ

своихъ вѣшахъ и подразделеніяхъ земледѣльческаго, проводившаго жизнь свою съ такими посполиншвомъ и любовью въ обляпіяхъ природы, такими неразрывными узами привязавшагося къ быту простому, сельскому, народа, уже по той степени, которую занимаешь онъ въ лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія, не дикаго, но и не испорченаго еще успѣхами въ гражданственности, сплющаго на благодашиной срединѣ, сполько желанной и искомой всѣми нами, вышедшаго уже изъ міра младенчества, но не успѣвшаго еще разочароваться своею юношесію, Поэзія шакого народа должна неизбѣжно быть отраженіемъ жизни его, запечатлѣнной возможной гармоніей между имъ и его матерью, природой, въ коей здравой умъ и фантазія не исключаютъ другъ друга, не ссорятся, но находящіяся въ счастливомъ равновѣсіи. Эта Поэзія — плодъ простой, неискаженной природы, картина помысловъ, чувствъ, нравовъ и дѣяній людей, не раззнакомившихся еще съ плававшемъ ихъ въ дни нѣжнаго младенчества, для коихъ она не мачиха, но мать, веселища о чадахъ своихъ. Оштого всѣ изліянія ихъ чувствъ, всѣ ихъ пѣсни дышашь чистѣйшею любовью къ природѣ; оштого въ пѣсняхъ ихъ шакое богатство образовъ; оштого они для каждого движениія сердца своего шакъ легко находящія въ природѣ виолівъ выраждающее его изображеніе; оштого въ Поэзіи ихъ все шакъ ясно, понятно, естественно, все шакъ идетъ къ дѣлу, потому что «они не мудряшъ, не попѣюшъ, сочиняя свои пѣсни; у нихъ пѣсни выражаются сами, какъ цвѣты на поляхъ зеленыхъ, и

ихъ шакое множесшво, какимъ не можешъ похвалиться ни одинъ народъ въ свѣтѣ 1).»

«Зѣвакы, 2), гдѣ спѣ са вы взалы,
Чи спѣ въ неба падды, чи спѣ раслы въ ганѣ?»

спрашивало пѣсни Славлие (Словаки) свои пѣсни, гдѣ онѣ взялись, откуда пришли къ нимъ?

«Зѣ неба сме испады, въ ганѣ сме иераслы»

опівѣчашюшь имъ пѣсни;

«Але нась младенци (2), а девченце пашлы.»

Въ пѣсняхъ ихъ вы не найдете «людей власполюбивыхъ, жестокихъ, спраснныхъ ко всему необычайному, привлазныхъ къ мечтамъ собственного воображенія, которое, среди безмолвія замковъ, среди пустынныхъ обиталищъ, окружаетъ ихъ вѣдьмами и призраками чародѣйства, и кошорое возбуждаешь въ нихъ спрасить единственно ко всему необычайному; напротивъ, въ пѣсняхъ ихъ увидите людей далекихъ оль желаний причудливыхъ и странныхъ, опѣ спрасшей буйныхъ и насильственныхъ, имѣющихъ воображеніе не своеальное и не разстроенное, способныхъ къ постоянному совершенствованію своихъ нравовъ и вкуса (Каз. Бродзинскій, въ письмѣ къ Редактору Варшавскаго журнала. См. В. Е. 1826. N XIII.).» А все это ольшо, что Славлие, подобно древнимъ (Индійцамъ, Египтянамъ, Персамъ, Ереямъ, Эллинамъ) и иѣкоторымъ новѣйшимъ народамъ, «воспѣвали себя, не касаясь чужеземцевъ, подъ небомъ».

1) Шафарикъ.

2) Юноша, парни.

и на почвѣ своего отечества, въ полнотѣ мужескѣнной силы, вліявшей въ члены ихъ патріархальныи соки. Все, что было народнымъ и патріотическимъ, имѣло у нихъ великий характеръ единства: ибо чужеземное противодействіе не предшествовало развитію отечественной самобытной цивилизациіи. «И въ самомъ дѣлѣ, «въ вѣка и тысячелѣтія Древности, народы поколѣнія были прѣснѣ свѣзаны между собою и съ своею отечественною почвою, мѣстность имѣла большое вліяніе на особенность народовъ и Государствъ. Вотъ почему эпіи народы въ малой сфере своей, но совершенной и гармонической по явленіямъ, достигли цивилизациіи прекрасными формами и историческимъ характеромъ, даже лучше, опредѣлительные выраженнымъ, искели во времена новѣйшія (Рипперъ. См. Объ испорическомъ началѣ въ Географії. Ж. М. II. П. 1836. N IX. спр. 581-2.). Слѣдовательно, при такихъ условіяхъ жизни Славянъ, при такихъ природныхъ ихъ свойствахъ и характерѣ, и ихъ естественная Поэзія неминуемо должна быть зеркаломъ жизни действительной, жизни по преимущество, жизни, въ коей духовное и материальное, свѣтлый, здравый умъ и вѣрие, испиненое чувство, внутреннее и вѣнчаное, выражаемое, задуманное, и выражающее, повторяющее итворимое, не пересылающіе, не подавляющіе одно другаго, но совпадающіе во всѣхъ точкахъ, проникающіе другъ друга, но соединены итѣмъ чрезвычайно рѣдкимъ, счастливымъ союзомъ, оно копораго въ жизни человѣческой зависитъ благо наше, каждой единицы и всѣхъ вообще, а въ Поэзіи — съ совершенствомъ, красотою, изяществомъ. Такимъ обр.

Поэзія Славянъ — Поэзія жизни дѣйствительной, жизни въ полномъ смыслѣ этого слова, жизни, при-нимаемой « не какъ простое условіе развитія духов-наго, но вмѣстѣ съ тѣмъ составляющей и средство и цѣль бытія, вершину и корень всѣхъ оправданий умственнаго и сердечнаго просвѣщенія. » Поэзія, въ коей содержатся не одни только вымыслы ума, безъ всякаго соотвѣтствія съ дѣйствительностію, равно и не шакал, въ которой дѣйствительность перенесена во всѣй ея нагонѣ, представляющая бытъ жизнѣскій съ рабскою точностию; напротивъ Поэзія, испропиорѣщаща ни одному изъ двухъ міровъ — ни идеальному, ни дѣйствительному, не отдающая ни тому, ни другому исключительного предпочтенія; въ ней оба они присутствуютъ въ спрожайшой соразмѣриности, законы обонихъ ихъ уважены; по нимъ столько исполнено, сколько требовалось, сколько нужно было исполнить; въ ней все дышитъ, все плаваетъ дѣйствительной жизнью. Внимал такої Поэзіи, невольно говорилъ себѣ: « Такъ есть! такъ точно, дѣйствительно должно бытъ! » Эта Поэзія всегда возбуждала васъ къ дѣйствію, заставляла бытъ жизнь жизнью вполнѣ, на самомъ дѣлѣ, потому что она сама сдружилась съ жизнью, выпѣкла изъ нея, ссыпь плодъ жизни, такъ сказать, прошитой. Къ этой Поэзіи всѣ мы теперь такъ жадно стремимся, между тѣмъ какъ предки наши давнымъ давно имѣли ее, ее, представляющую собой въ одно и то же время усовершенствованный идеаль естественной Поэзіи и дѣявшаго смысла Славянъ. И эпому шакъ слѣдовало бытъ. Народъ земледѣльческій, про-

вождающій всѣ дни свои въ шрудахъ и занятіяхъ, вовсе почти не имѣяще времени предавающіяся празднію и лѣни, невольно пріобрѣшающія наклонность къ положительному, направленіе дѣятельное, обращающющееся ему послѣ въ природу; у него нѣть досуга играть мечтами своего воображенія, забавляясь нестройными его созданіями, спроинъ другой какой-то небывалый, невѣроятный міръ, и, опять нечего дѣлать, переселяясь въ него; напротивъ, находясь въ состояніи общества самомъ желательномъ, самомъ неспѣшенному, гдѣ требуется безпрестанная дѣятельность, онъ, по лицу самому, все взывающія дѣлать, на все смотрящій глазами дѣятельнаго смысла, и неизначе привыкъ поспупать, какъ дѣлая дѣло. А такъ какъ жизнь земледѣльца ни на мгновеніе не отрывается отъ природы, что бы ни дѣлалъ, куда бы ни взглянулъ, всюду видѣшъ ее, и одну ее, то отсюда и Поэзія его вся унизана, перевита, усыпана самыми прелестными, непостижимо—вѣрными, изящными образами природы, словно долины благословленной Греціи, роскошно усѣянныя дивными, вѣчно благоухающими цветами. Опять во всякое время бесѣдуешь съ нею, какъ свою нѣжнѣйшую матерью, всегда головою выслушашъ своего сына, порадовавшись его радоснью, погоревавъ его горемъ. И потому, повторяемъ, при такомъ направленіи жизни Славянъ къ положительному, ко всему дѣйствителльному, и Поэзія ихъ запечатлѣна инымъ же самимъ характеромъ, дышащимъ духомъ ихъ природы, ихъ свойствъ, духомъ внутренней и вицѣнной жизни, выразившейся стремленіемъ къ дѣйствителности.

Какъ хорошо, вѣрю понимаю эту Поззію пламен-
ный Колларъ:

«Целе небе славске напелюю
Неенъ гармонія музичка
А съ ни зпеву звучностъ надандска,
Ктпера сардце дивнѣ окузлуе!...

Таковъ, по нашему мѣнѣнію, общий характеръ всей народной Поззіи Славянъ, рѣзко отличающій ее отъ Поззіи другихъ народовъ и дающій ей полное и законное право на одинаковую съ прочими самобытность. Она, какъ и следуетъ Поззіи каждого, самостоятельнаго по происхожденію и жизни своей, народа, непохожа ни на какую другую Поззію, ни своихъ сестръ и однокровныхъ, ни отдаленныхъ и чуждыхъ народовъ, исключая, развѣ, той черпны сходства, которою сближается все, что возникаетъ изъ недръ одного и того же начала, получаешь бытіе отъ пождественной причины. Нѣкоторые Поззію Славянъ почитаютъ заодно съ Поззіей Грековъ. Какъ ни лестно такое пождество для насъ, но оно несправедливо, основывалось на поверхностномъ знакомствѣ съ той и другой Поззіей. Согласны, Поззія новыхъ Грековъ, точно, своимъ духомъ и вообще вѣмъ сославшись сильно дышать Славянией, и это потому, что мышленіе Греки; по разысканіямъ нѣкоторыхъ глубокомысленныхъ ученыхъ, не чѣто иное, какъ ограничилось Славянѣ, принявши чуждый языкъ, но удержавши свой Славянскій духъ и пріемы. Но чтобы Поззія древне-Греческая была одинакова съ Славянскою, это рѣшиительно ложно. Если есть

между ними какое сходство, такъ это то самое, о кошоромъ мы сей часъ только что сказали, сходство обще-человѣческое; далѣе то, которое замѣчаешься между народами, какъ и между ихъ единицами, поспавленными Судбою въ одинакія положенія, провождающими одинакую жизнь. Тутъ всѣ оригиналности зависятъ не отъ сходства предметовъ, со-спавляющихъ занятие, но отъ образа проявленія себя въ занятіи, отъ пупы и пріемовъ трактованія ихъ. Всѣ, коимъ суждено дожить до глубокой смиренности, проходяще спасеніи жизни человѣческой; но юность, возмужалость, и т. д., одного человѣка, отличающаяся отъ юности, возмужалости другаго, получал свой характеръ отъ своего недѣлимаго: *Quemque via voluntas trahit; Quisque suae vitae semina jacta metit* (Fort.). Такъ и здѣсь. Жизнь древнихъ Грековъ и Славянъ была одинакова — земледѣльческая; оттого Поэзія обоихъ ихъ, точно, носила на себѣ печать дѣйствительности, Поэзія дѣйствительного міра; но это сходство, это сродство, — въ общихъ чертахъ; все дальнѣйшее у того и другаго народа — свое, самобытное, условленное особымъ характеромъ своего народа, его судбою, образомъ выраженія жизни, правами, обычаями, мѣстностью, климатомъ, и т. д. Въ Поэзіи Грековъ, по общему сознанію всѣхъ знающихъ сл, преобладаетъ форма надъ идеей; напротивъ, въ Поэзіи Славянъ форма и идея находятся въ гармоническомъ соотношеніи между собою, соразмѣрномъ сліяніи, проникновеніи другъ друга; форма и идея не подавляютъ одна другой, но уравновѣшиваются; первая пополамъ, чѣмъ она не переходитъ за

предѣлы видимаго міра и, оттого, удобно облекається въ форму; форма попому, что она выражаетъ идею столько, сколько должна выразить, ни больше, ни меньше. Отсюда видно, что Поэзія Славянъ записываетъ счастливую средину между Поэзіей Грековъ и Поэзіей прочихъ Европейскихъ народовъ, у которыхъ идея преобладаетъ надъ формой, у которыхъ форма разынается на части для того, чтобы помощью разнообразія выразить хоть сколько-нибудь идею: слѣдствіемъ этого бываєтъ неопределенностъ, пустота, неограниченность воображенія, и т. д. Такое направление, духъ Поэзіи Греческой, Славянской и осипальныхъ Европейцевъ не есть дѣло просто случая; напротивъ, оно—плодъ совокупности всѣхъ условій народнаго образованія, имѣетъ основаніе свое въ тѣхъ обстоятельствахъ, соединеніе коихъ порождаетъ народный характеръ, устанавливаетъ его навсегда. Выборъ той или другой Словесности, той или другой Поэзіи народами зависитъ не отъ прихоти, не отъ предварительного соглашенія между собою, не отъ намѣренія соображенія и предустомоприпельности, заблаговременной, на досугъ сдѣланной смысли, чего имъ будесть споисть, каковы будуть послѣдствія, выгоды и невыгоды, если они дадутъ топъ или иной путь дѣятельности своего духа, своей Литературѣ. Напротивъ, она условливается, совершенно опредѣляется, еще при самомъ началѣ ихъ самостоятельного бытія, свободно, необходимо развивающагося по своимъ собственнымъ законамъ, точно по такимъ же, по какимъ совершаютъ весь кругъ своей жизни существа органи-

ческія, повинуи щ'яся безпрекословно своимъ успавамъ и однажды на ясю вѣчность опредѣлешому ходу. Какъ жизнь каждого человѣка есть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе полученныхъ имъ даровъ отъ Природы, добрыхъ свойствъ и недосшатковъ, съмени коихъ условливались уже самимъ его рожденіемъ, какъ жизнь всякаго изъ насъ есть болѣе или менѣе удачная жата въ эшихъ возрастывающихъ, зрюющихъ съмени, подбираніе плодовъ ихъ, такъ, именно, и жизнь цѣлаго народа и всего, ч то ни принадлежитъ ему, есть, шоже, не ч то иное, какъ беспрестанное проявленіе того начала, на коемъ, какъ на своемъ основномъ камнѣ, заложено зданіе всего предыдущаго его существованія. Начало энто, какъ мы выше сказали, зависитъ отъ первобытнаго образа жизни, первоначальной самосознательности народа. И въ самомъ дѣлѣ, что такое былъ древній Грекъ? Имѣть ли онъ время и случай глубоко заглядывать въ самого себя, ошвекашься отъ окружавшаго его міра, распоряжаться полночно чувственнымъ, виѣшнимъ? Окруженный со всѣхъ споронъ прелестнѣйшою природой, представляемой ему кромѣ много самою его религіей въ крайне-плѣнильномъ видѣ, провождая всѣ дни подъ открытымъ небомъ, занимаясь дѣлами въ глазахъ всѣхъ согражданъ, публично, могъ ли онъ при такомъ образѣ жизни, пропекавшей на такомъ поприщѣ, гдѣ все кипѣло дѣятельность, бурно мчалось, само не понимая куда, не имѣя досуга обдумать основательно въ вихрѣ всесобщаго спремленія и напора, могъ ли, спрашиваемъ, древній Грекъ не поддавшися обаянію окружавшаго

его порядка вещей, сохранить власть надъ *силышишмъ*, усыпянье пропавъ его могущества? Могъ ли онъ, пластиликъ опъ колыбели своей, по рожденію и положенію, свободно располагать *формой*, когда его по-мысли и чувства, находясь въ непрерывномъ сполкновеніи съ великолѣннымъ міромъ, такъ легко ощущивали въ немъ свое выражающее, покровъ свой, одежду для себя, такъ непринужденно опливались въ соотвѣтствующіе имъ изящнѣйшіе образы, представлявшіе выражаемое въ самомъ чувственномъ, осязаемомъ видѣ?... Другое, совсѣмъ другое, быть первобытный Германець. Онъ, житель мрачнаго Св-вера, взросшій въ своихъ дремучихъ лѣсахъ, покрывавшихъ прежде собою всю его родину, на кои смотрѣлъ онъ какъ на святыни, питалъ родъ суевѣрнаго уваженія, и онъ коихъ даже желѣзное мужество Римлянъ трепетало, Германецъ, провождавшій жизнь свою въ элѣхъ дубровахъ и чащахъ, занимался, естественно, одной только охотой, пріучавшею его къ отважнѣйшимъ предпріятіямъ, пренебрегая всѣ другія занятія, какъ несогласныя съ его понятіями о своей личной независимости и свободѣ. Отшого да же земледѣліе, столько любимое Славянскими племенами, онъ предоставлялъ своимъ рабамъ и невольницамъ, прибѣгая къ нему, развѣ, въ самой крайней нуждѣ. И такъ какъ лѣсь не представлялъ ему собой на одномъ мѣстѣ доспѣточнаго жилища, то онъ безпреспанско скиспался по нему и часпо выселялся въ плодороднѣйшія области своихъ сосѣдей; но и здѣсь не могъ оставаться долгое время, скучая по своимъ чащамъ и озерамъ, не имѣя шерстянія перене-

сти однообразіе осѣдлой жизні, и потому скоро возвращался въ лѣсъ, и, шак. обр., былъ вѣчнымъ скишальцемъ даже на своей родинѣ. Лѣсъ пробуждалъ и поддерживалъ въ немъ эпо романтическое чувство, прошиву воли гнавшее его съ мѣста на мѣсто, въ какую-то иелскую даль; лѣсъ, разъединяя его съ своими однородцами, засыпалъ его жить по своему, превращаю охоту въ войну, и съ пѣмъ вмѣстѣ сообщилъ характеру его то непреодолимое спремленіе къ чудесному, необыкновенному, сверхъестественному, за коимъ съ шакою жадностію онъ гонялся вездѣ, и копорое, даже и теперь, шакъ нравится Нѣмцу. Привождал большую часть своего времени въ одиночество, безпрерывно внималъ шуму своихъ вѣковыхъ лѣсовъ, онъ непринужденно входилъ въ самого себя, предавался думамъ и мечтамъ, позволяя своей фантазіи далеко по поднебесью носиться на своихъ, незнавшихъ усталости, крыльяхъ, гордо ширящій въ воздушной глубинѣ; и его помысламъ и мечтамъ не было границъ: они были неопределенные, мрачны, унылы, исполненія размѣра. Описюда Поэзія его блещетъ безчисленными множествомъ разнобразныхъ выражений; описюда въ ией замѣчающе необузданый полеиъ фантазіи, вѣчное усиление формы содѣлашись безконечною, чтобы выразить собою какъ можно ближе, хоть иѣсколько, безконечностъ самой идеи. Слѣдовательно, тщуть форма необходимо должна была подчиниться идеѣ, распастися на иѣсколько частей, и своимъ разнообразіемъ и многосторонностию, своимъ числомъ, соперничать съ мыслию, безъ надежды

когда-нибудь одержать надъ ней побѣду. Грекъ, обспавленный овсюду роскошною природой, легко находить въ ией образы для своихъ думъ и чувствъ; формы, самыя разнообразныя, самыя изящныя, добро-вольно, такъ сказать, идущи къ ему въ руку, осаждая его на каждомъ шагу. Напротивъ, Гѣмѣцъ, прожившій весь свой вѣкъ на дикомъ, скучномъ Сѣверѣ, въ своихъ лѣ-сахъ, навѣвшиихъ на него своимъ шумомъ мрач-ность, задумчивость, гнавшихъ его войти въ са-мого себѣ, естественно долженъ быть заклю-чишися, сосредоточиться въ своей сердечной глубинѣ. Его идеи, лишенныя возможности проявить себя въ богатыхъ образахъ своей бѣдной природы, обле-кались въ формы простыя, которыхъ ошъ безконеч-ности первыхъ и сами получали неопределеннность, сплюснувшись менѣе осозаемыми, необъятными, со-вершенно подчиняясь имъ: идея подавляла форму, преобладала надъ нею, владычествовала самодержав-но, неограничено. Чѣмъ же Славянинъ? «Славянинъ, кажеіся, отъ самой природы наследовалъ склон-ность больше къ общественной дѣятельности и ве-сому провожденію жизни, чѣмъ къ мрачному уны-нію и головоломнымъ созерцаніямъ; здоровая, чи-стал, свѣжая кровь, спруяющаяся въ его жилахъ, со-общаетъ ему ту упругость и раздражительность мускуловъ и нервъ, то проворство и ловкость чле-новъ, ту ясность и пылкость взгляда, ту быстроп-ту и пріятность движений, ту говорливость языка, то радушіе и горячность сердца, которыми пре-имущественно и по всему праву отличается Славя-нинъ предъ остальными народами. И все это описано

не есть плодъ воспитанія, образованія, упражненія, но просто дѣло природы (Gesch. d. S. Spr. u. Lit. S. 51—2).» Придайше къ эшимъ дарамъ природы еще любимый образъ жизни Славянъ, о кошоромъ мы говорили выше такъ подробно, эшу спрасить ихъ къ земледѣльческому, сельскому быту, природу окружающую ихъ, природу не угрюмаго, грознаго, хладнаго, скучаго Сѣвера, не бѣдную, чахлую, равно какъ и не природу знойнаго, веселаго, смѣющагося Юга, Юга Греческаго, воздухъ, дышащий благоуханіемъ аромашовъ, землю, покрытую блісшащельнѣйшими цвѣтами, вѣчно зеленѣющими деревьями и богатыми произрастаніями, напротивъ природу Славянскаго міра, ни богатую, ни бѣдную, всю заключенную въ умѣренномъ поясѣ, отличающуюся благораспространеніемъ, своею строгою во всемъ соразмѣрносною, гармоніей. Наконецъ, присоединиши сюда шу умѣренность въ желаніяхъ, шо довольство малымъ, необходимымъ, шу незаносчивость въ поспушкахъ и начинаніяхъ, оирающаяся всегда на благоразуміи и здравомъ смыслѣ, оптичительномъ свойствѣ Славянъ во всякое время и во всякому положеніи: тогда вы поймете, отчего и въ Поэзіи ихъ, какъ вѣрномъ опражненіи ихъ жизни, вездѣ видно строгое соотношеніе, гармонія между идеей и формой, между мыслію, чувствомъ и ихъ образомъ, ихъ выражениемъ, отчего ниша, ни другая не подавляющъ другъ друга, напротивъ проникающъ себя взаимно, во всѣхъ точкахъ своего соприкосновенія, сливаются, и, такъ обр., образуютъ цѣлое гармоническое, испиняно изящное швореніе.

Изложивши предварительно, по крайнему своему разумѣнію, основному на внимательномъ, ощущеніи и совѣстливомъ изученіи, общій духъ, главное направлѣніе и отличительныя свойства народной Поэзіи Славянъ вообще, мы теперь попытаемся означить, какъ эта основная идея проявлялась въ частномъ, какъ она въ немъ высказывала себя, какъ каждое Славянское племя выражало ее въ своей собственной, такъ сказать, домашней Поэзіи, въ какіе образы она облекалась у нихъ, какія принимала формы, частное направлѣніе, не измѣняя себя, удерживая свою сущность; однимъ словомъ: какой характеръ и другія знаменательныя черты Народной Поэзіи, или, что все равно, пѣсень каждого отдельного Славянского племени? Въ чемъ они сходятся и отличаются между собою въ дальнѣйшихъ подробностяхъ? какую тему каждый изъ Славянскихъ народовъ бралъ себѣ и распѣвалъ, и въ какую одежду облекалъ ее? Частный характеръ Поэзіи есть необходимое слѣдствіе общаго ея духа, который, какъ уже и выше было замѣчено, зависитъ отъ духа народа, порожденного его жизнью, обстоятельствами, сопровождавшими его существование и выработавшими его личный, ему одному только принадлежащий, свойственный, характеръ. Слѣдовательно, чтобы уловить частнѣйшія отличительныя свойства Поэзіи народа Славянского, иначе собственный характеръ Поэзіи каждого его племени, нужно разоблачить всю прежнюю и наспящую жизнь народа, со всеми ея ошибками. Гдѣ же ключь къ этому? Въ самой Поэзіи народа, въ его пѣсняхъ, пошому

что Поззія, какъ извѣстно, предпочитительно есть самое вѣрнѣйшее, самое безприспособлѣйшее и основательнѣйшее изображеніе, опечатокъ образа бытія своего народа, какъ своего виновника. Народъ не можетъ взводить на себя небылицы, воспѣвать въ своихъ пѣсняхъ чужую жизнь, чужія дѣянія, помыслы и чувствованія, выдававши за свои. Нѣшь, въ нихъ онъ изображаетъ то, что самъ испыпалъ собственнымъ своимъ опытомъ, что ему выпало на его долю, что онъ встрѣтилъ на своемъ жизненномъ пути, что онъ пережилъ своею жизнью....

Начнемъ.

I. Чехи, изъ всѣхъ Славянскихъ народовъ на Западѣ Европы, долгѣ и мужественнѣе прочихъ боролись съ Нѣмцами, покушавшимися вытѣснить ихъ изъ ихъ родины или, по крайней мѣрѣ, овладѣть и онѣмечить, точно такоже, какъ они сдѣлали это съ несчастными при-Балтскими, Браннборскими, и др. Славянскими племенами. Вся ихъ испорта, вся ихъ жизнь, представляли собою непрерывную цѣль беспрестанныхъ, неумолкаемыхъ споровъ, браней и войнъ съ своими сильными сосѣдями, столько настойчивыми, по самой природѣ своей, въ задуманномъ и начатомъ однажды дѣлѣ, систематически губившими и переводившими инородцевъ, обращавшихъ по какому бы то ни было поводу на себя ихъ негодованіе, гнѣвъ. Но какъ ни посторонны были Нѣмцы въ своихъ напискахъ, какъ ни неупомимы и разнообразны въ борьбѣ съ Чехами, но шупъ всѣрѣшили испинно Славянское мужество, спой-

кость и крѣпость. Огражденные со всѣхъ почти спо-
ронъ горами и лѣсами, занимая выгодное мѣстопо-
ложение и питая страстию привязанность къ сво-
ему языку и всему родному Чехи, несмотря на свою
малочисленность и всестороннее сосѣдство Нѣмцевъ
1), несмотря, даже, на сильную приверженность къ
Нѣмцамъ многихъ своихъ Князей и Королей 2),
щѣсныя ихъ связи съ Пѣнцкой Имперіей, бодро,
неусыпно охраняли свою дѣдину. Можно судить,
какихъ усилий споило имъ удержать за собою оп-
чишну, сохранивъ свою народную самообразность, не
переродиться въ Нѣмцевъ, можно судить о долго-
временности ихъ напряженій и прошивуборсва
этимъ послѣднимъ по словамъ одного Чешскаго ви-
шня IX вѣка (см. Крамедв. рук.), въ кошорыхъ онъ
жалуясь на то, чѣпо

« „Пріиде цузи
усилию въ дѣдину
и цузими словы
... заповида,»

что имъ, еще тогда, нельзя было уже сказать сво-
ему шоварищу:

« Башто 5), ты мауви къ нѣмъ (дѣтамъ)
отецкими словы. »

Тѣснѣмые опь всѣхъ чешырехъ вѣпровъ посполино

- 1) Еще Князь за-Лабскій говорилъ (въ Крамедв. рук.): «Вездѣ намъ сусѣде нѣмци.»
- 2) Владиславъ 1-й, Собѣславъ 2-й, Фридрихъ 2-й, Примисль Оп-
ишокаръ, Вацлавъ 1-й, Опишокаръ 2-й, Янь Люксембургскій, и
др.
- 3) Братище!

одними и теми же врагами, они имели полное право говорить святому небесному:

« Ай ты слунце, ай слунечко!
ты-ли си жалостиво,
Чему ты свѣтишь, на ны,
на бѣдне люди?
Кдѣ еспѣшь кнѧзъ, кдѣ людъ нашъ браинъ?
кто ны врагомъ вынуже,
спра власпинец?
Длугымъ таємъ нѣмци тагу,
въ наше краины.
Дайше, небожатка, дайше,
стѣбрь, злато, збожице,
покы вамъ, вынужгаю
дворы, хыжице! 1). »

Однако же, при всей неупомимости непріятелей своихъ, не взирая на собственное сознаніе, чи то

« Трудно намъ ватени съ іпъми врагы 2), »

они высились въ « краинахъ надъ врагы, » истребляли въ своихъ « земѣхъ непріятелы, » зная твердо, чи то

« Мракость еспѣшь пороба господину,
грахъ въ поробу самохитѣць дани шію. »

Бальбинъ (Erit. Boh. p. 1.) справедливо судилъ, говоря: « Волетія отпіївас всесulis сгента. » Но никогда неизвестный Чеховъ къ своимъ недругамъ не доходила до такой высокой спешки, до такого, почли нечеловѣческаго, изспущленія, какъ въ продолж-

1) Бенешъ Германовъ. См. Крауда, рукоп.

2) Честникъ а Власиевъ. Там.

женіе XV-го стол., когда долготерпніе Чеховъ, больше нежели обиженныхъ называніемъ имъ чуждаго языка, чуждыхъ нравовъ, обычаевъ, одѣянія, и т. п., на конецъ совсѣмъ лопнуло, и мессть, свирѣпая, жестокая, неуполимая мессть, вспыхнула одновременно и единодушно въ сердцахъ и обняла своимъ заревомъ не только Чехію, но и смежныя Славянскія земли. Тогда-то мужество Чеховъ разыгралось бурнымъ ураганомъ, и уже ничто въ мірѣ не могло остановить Чешскихъ львовъ. Прочь Лапшинство, прочь Нѣмчишна, прочь все не свое, неродное! Чехи отпали отъ Валикана, ни думавшаго, ни гадавшаго о томъ. Они, водимые здравымъ смысломъ, скорѣе прочихъ замѣтили излишество властии, присвоиной Первосвященниками Рима, ел злоупрѣбленія въ дѣлахъ Вѣры, перешедшія слишкомъ далеко за предѣлы всякой мѣры, ихъ самоуправство, опинуленіе отъ чистоплы первобытнаго Христіанскаго ученія, и первые изъ Европейцевъ восстали открытымъ образомъ, лицемъ къ лицу, дѣйствую и словомъ и дѣломъ, пропивъ недостойныхъ Намѣспниковъ Пепира, при своихъ золотыхъ ключахъ только и помышлявшихъ, что о золотѣ, первые произвели противодѣйствіе въ царствѣ Религії. Они старались преобразовать (*reformare*), обновиши, воспроизвести ее въ прежній видъ, искаженный суспінностю и чувственностью Царя, противу поставляя, шак. обр., сиамъ Запада мощь Востока, напискамъ Романо - Тевтонскихъ племень спойкость племень Славянскихъ. И напрасно вѣчный Градъ гремѣть сво-

ими громами, напрасно онъ мешалъ свои огненные перуны, грозилъ и предавалъ анаемъ, поднималъ всѣ народы и земли, всѣхъ владыкъ и сильныхъ Запада ополченiemъ, гналъ штольи крестоносцевъ (Пій II-й, Павель II-й, и др.). Чехи не испугались, шли весело на явшую смерть, какъ на пиръ, и предводимые своими градинями (Жижкой, Прокопомъ Большимъ или Голымъ, Прокопомъ Малымъ или Прокопкомъ, Горкой, и др.), удивили всю Европу мужествомъ, шакъ, что самые ихъ враги сознавались, что въ то время «Чехове сами вицекраше випѣзспви добыли, нежли мнози ини народове по целый бышъ свай (Aeneas Sylvius, послъ Папа Пій II. См. Юнгм. Н. Чеш. Лиш. стр. 67.).» О, тогда именно, какъ говорить одна ихъ старинная пѣсня:

« и бы яланъ, и бы порубанъ,
и бы лканъ, и бы радованъ!... »

Передъ ихъ храбростю, соединенной съ совершеннымъ знаниемъ военного искусства, поддерживаемой правою дѣла и любовию къ независимости и родинѣ, все падало пицъ, все трепетало и уступало. 13 лѣтъ не допускали они до преспила Императора Сигизмунда, дѣйствовавшаго противъ нихъ со всею почти Западной Европой, и только за два года до смерти его отворили ему ворота въ стольный градъ, по отворили по доброй волѣ, сами испрѣбивъ, ни кѣмъ неистребимыхъ, Тaborитовъ. При Подѣбрадѣ, признаниемъ всѣми современниками воинственнѣйшимъ и лучшимъ полководцемъ, они снова выдержали напоръ, чушь не всей, Европы, двинувшейся на

нихъ по манію Римскаго Владыки, и со славою вышли съ поля битвы, вездѣ и всюду пожиная неувядаемые лавры. Аeneas Sylvius, современникъ юи свидѣтель этой исполнской борьбы Чеховъ, говорилъ въ своей Historia Bohem. (Praefat.): «Nec mea sententia regnum ullum est, in quo tot mutationes, tot bella, tot strages, tot miracula emerserint, quo Bohemia nobis ostendit.» Эта воинственность, эта неподвластность, собственность къ Нѣмцамъ, никогда не покидала Чеховъ, и, какъ всѣмъ известно, начало славной тридцатилѣтней войны, этого великоколѣнаго, чудеснаго эпизода въ жизни Западныхъ Государствъ, которыми одни сполько гордятся, другіе сполько гнушаются, начало этой войны, свободившей Германскій Съверъ Европы отъ зависимости Рима, принадлежитъ, также, Чехамъ, потому что она въ сущности своей не что иное, какъ только продолженіе, возобновленіе войны Гусситской: ее не было бы, по крайней мѣрѣ не въ такомъ видѣ была бы она, если бы не было этой послѣдней. Только она покончилась не въ пользу ся виновниковъ, не потому, чтобы Чехи забыли мужество своихъ предковъ; нѣпть, а потому, что герой ихъ, природный Чехъ, глава противной партии, партии Императора, Каполиковъ, эпонъ чудный Вальдштейнъ (переименованный Шиллеромъ въ Валленштейна) задумалъ инымъ образомъ доспавить перевѣсь своей отчины. Но рука, поразившая его преждевременно, и, еще прежде, битва Блогоурская, послѣ которой вся надежда Чеховъ почила на немъ, «целый ческій народъ, какъ говорилъ Добровскій (см. Пресл. Росплиаръ стр. 10.),

на души и на шѣле огромила а высилила.» И точно, хошь въ попломкахъ жиль попль же самый мощный духъ, шѣ же чувствва ихъ волновали, шѣ же мысли и понашія пролешали въ головахъ ихъ длинной вереницей о прежнихъ, минувшихъ, дняхъ славы,

« Неседиуль же никды на дому Нѣмецъ, »

хошь сердце ихъ горевало горемъ

« . . . пустымъ шѣмъ градомъ, »

дум і смынялись думами о поспигшемъ ихъ несчастіи и ошиошениі къ шѣмъ, колпорыхъ ощиы ихъ первоначально « пре работы » къ себѣ « пріяли, » которые « драли и копали, боли вжды найшени, » но теперь « вчиль » имъ « розказую, » хошь они видѣли, чио « Ческа земѣ

Зособѣна, а ты спрапате
Гэдры су въ ии цизоземцо племѣ,

и очень знали, чио

« Пѣкнобрега Нымцо сокынъ 1)
Зыпѣзла въ преможени самемъ; »

но, опущанные со всѣхъ споронъ цѣпями, они не могли уже сказать другъ другу, какъ эшо было прежде:

« Непужже, кметице, непужже!
южъ замъ правичка вспава,
тако друго ступана
цузимъ копытнемъ.

1) Соревновательница, соперница.

Више вѣнце зъ полскыхъ квѣтовъ,
свему выспроститею!

Осень 1) съ зелена,
промѣнѣ съ вѣза.»

Но выспроститель (спаситель, избавитель) не приходилъ къ пимъ по сю пору.... Не смотря, однако же, на то, чувствование ихъ не перемѣнились никако къ спарившимъ своимъ недоброхотамъ:

« Тенкрапъ Нѣмецъ Чеху прее,
Кдышъ се гусь на ледъ грее, — »

не понизились ни одной ступенью, напротивъ поднялись еще больше, еще выше. Прислушайшесь, что они говорятъ сами о себѣ въ шеперешнемъ порядкѣ вещей:

« Мы ѿ иши доказали знаме,
Нежъ по скрыто преде иными,
Цо мы въ кнізе листства быти мame.

Виѣцко мame, вѣрте мон дрази
Сполувласнепци 2) а прателев!

То, ѿ мези велке, доспѣле,
Въ чловѣченствѣ пароды нась сази.

Нужел покудъ сардце ѹлоде біе,
Гледьме шпѣсти властни 3) ласкаве,
Едини пробузуйте дримаве,
Тепли хладне, живи вше ѿ гніе.

Дойте намъ ту, съ духемъ вшеславости,
А ай народъ, мате видѣти,
Який не быть ешть въ минулости....

Ихъ производѣйствie «невласпенцамъ» несвоимъ, неродному, ни чушь не уменьшилось, но шолько, слѣ-

1) Жатва.

2) Соотечественники, земляки.

3) Отечество, родина, своя сторона.

дуг закону *extremae necessitatis*, измѣнило свой бытъ, перемѣнило прежнее поле битвы на другое, новое, ограничилось внутреннимъ проливуборствомъ, не имѣя возможности направлять свои удары собща, въ одно и тоже время, словомъ и дѣломъ. Тѣмъ не менѣе борьба продолжается, съча кипишъ, и бѣшъ и хлещешъ, неутомимо, беззапрѣно, исумолкаемо, и едва ли когда кончится. Любовь къ родинѣ, къ своему, сильнѣе всего въ мірѣ въ сердцѣ Чеха:

« Вшууды добрѣ, дома найлепѣи,
Паромъ 1) по вшехъ вшууды цизинахъ!
Ахъ мит ве Славенскихъ краинахъ
Сама земъ ужъ вони пріемны 2). »

Онъ помнишъ, что

« Краснти се никдо легопоси
Смѣлымъ челемъ, яко властенецъ,
Енжъ въ свемъ сардицъ целий народъ инос... »

Теперь спрашиваемъ: Жизнь, въ которой событія безпрепятственно смѣнялись событіями, не давая ни на мигъ обозрѣться, остановились взоръ на быломъ, осмотрѣть настоящее, задуматься надъ грядущимъ, когда, не покончивъ одного, должно было начинать пысячу другихъ дѣль, перспектива которыхъ между собой чудно, непостижимо, фантастически, когда брань следовала за бранью, чувствованія волновались; шипѣли, брызгали и бурной, неукропленной рѣкою неслись, все увлекая и пизвергая въ свою бездонную, пучину, когда въ эпомъ хаотическомъ

1) Перунъ, громъ.

2) Пріимнѣе, влѣдостнѣе.

положеніи умъ, атотъ царь души, бросаль свой скіпетръ и руль, фанпазія неслась на всѣхъ крыльяхъ, обыкновенный, прозайческій порядокъ вещей невыразимо-справно перемѣшанъ, а человѣкъ приведенъ въ высшую степень раздражительности, уязвленъ, такая жизнь, скажите, какіе должна была вызвать изъ глубины его души звуки, какія ощущенія породить въ немъ, что должно было тогда двигать, потрясать его человѣческій составъ? Какою печатью должны были означаться его поэтическія изліянія? К какой родѣ Поэзіи вызывала такая его жизнь? Да какой же, Боже мой, какъ не Лирическій? Лучшаго, желаннѣйшаго положенія для Лирики нельзя, и никако не вправѣ, ни требовать, ни хотѣть. И въ самомъ дѣлѣ, въ пѣсняхъ Чеховъ вы видите преимущественно чувствованія которыхъ непосредственно льются изъ сердца и отъ сердца и, потому, прямо до него досягаютъ, чувствованія, выражаемыя либо въ минушу порожденія ихъ, на самомъ мѣстѣ дѣйствія, въ жару кипѣнія, либо, спустя нѣсколько времени, при разсужденіи о волновавшемъ душу, при воспоминаніи о быломъ спраданіи, нѣкогда разрывавшемъ сердце, но теперь, своимъ воспоминаніемъ, доспавляющемъ какую-то тайную, безотцепную сладость, либо же въ пѣсняхъ ихъ вспрѣтите чувствованія, выраженные по поводу думъ о событіи, вспавшемъ на мысль случайно, гдѣ разсказъ ведется со всею проспощою и дѣлскою опкровенностью, и перевинтъ ощущеніями, шутъ же родившимися. Ошюода, пѣсни первого рода имѣютъ тонъ *Оды*: они чрезвычайно живы, порывисты, спремищельны, испоргаются изъ

сердца свѣтлой, роскошной ракой. Но ихъ гораздо меньше, чѣмъ пѣсень втораго рода, посвящихъ характеръ Элегіи, въ коихъ спряялъ чувствованіе болѣе скокойныя, тихія, легкія, безъ всякихъ судорожныхъ изспущеній, въ свободныхъ, естественныхъ, непринужденыхъ звукахъ: эпопѣ разрядъ чрезвычайно многочисленъ. Наконецъ, пѣсни третьяго рода, опимъченныя знакомъ Романса, Лиро-Эпической, опишаются спокойнымъ изложеніемъ, соединеннымъ не рѣдко съ игривымъ движеніемъ, часто съ примѣсью чудеснаго, щемнаго, фантаспического: онъ очень просыпь, незамысловаты и, во многихъ случаяхъ, обвязаны началомъ своимъ какому-нибудь преданію, повторю (повѣсти, бахорки), и т. п. Эпопѣ пѣсень меньше всего у Чеховъ, копорые «смищени паковешто лирикоепицке за невкусие маю 1).» Чешскій пѣвецъ поетъ прошло одинъ лишь пѣсни; «бахорки, дѣс спаре анебо новини скоро 2) никды 3).» И далѣе: хотя Чешскій селянинъ слушаетъ терпѣливо пѣсни пѣвица о «враждахъ, кометахъ а пророцвихъ», и т. д.; однако «недбае много, абы се е зпивали павчиль:» воротясь домой, онъ ихъ повторяетъ опять нечего дѣлать; у него перенимаютъ другіе, и онъ ходятъ по селенію въ родѣ сельскихъ новинъ (седлске новины), ни болѣе ни менѣе 4). Опять чего же такая немилость Чеховъ къ пѣснямъ изъ области Эпопеи?

1) *Прозлавъ Лангеръ.* См. Ч. Ч. М. 1834. N. 3. стр. 269.

2) Почти.

3) Никогда.

4) Онъ же.

Мы уже выше говорили, что народная Поэзия, какъ чистѣйшее выраженіе духа народнаго, всегда условливается образомъ жизни народа, степенью его совершенствованія; иначе она не была бы пѣмъ, чѣмъ есть, чѣмъ должна быть по своей природѣ и назначенію. И потому, согласно эпохѣ существования и образованности народа, у негоявляется Поэзія, которая есть плодъ и представитель тогдашней его жизни, следовательно имѣетъ свой особенный характеръ, свое особенное направленіе, и т. д. Если, почему бы то ни было, какой періодъ былъ народнаго остался невоспѣтымъ въ свою пору, то такая потеря никогда уже не можетъ восполниться. Чехи, какъ и многие другіе народы, имѣли, тоже, свой Геройческій вѣкъ, воспѣвали для своихъ доблестныхъ богатырей, и потому у нихъ есть пѣсни градинскѣ, исправис. Поэзія ихъ въ началѣ своеемъ была Эпическая. Большую часть эпіхъ пѣсень время унесло съ собою; но кой-какія сохранились въ, такъ называемой, Кралодворской рукописи, открытой извѣстнымъ Вацлавомъ Ганкой (1817 г.). По нимъ, по эпімъ уцѣльвшимъ пѣснямъ, можно судить о богоспівѣ Чешской Эпопеи въ стародавніе времена. Нѣкоторые было вооружались противъ древности эпіхъ пѣснопѣній; но, какъ бы то ни было, судя по одному письму, ихъ относятъ уже къ XIII в., а другія (напр. Либушинъ Судъ) даже къ XI; судя же по языку и др. свойствамъ, есть нѣсколько, восходящихъ къ началу IX в. (Забой а Славой, Чеспімѣръ а Влаславъ). Юнгманъ (въ своей Исторіи Чешской Словесности) говоритъ: Съмы (сеймы), Чеспімѣръ, Забой

и, можетъ бытъ, Еленъ, своимъ содержаніемъ принадлежашъ къ этой (500—875 г.) эпохѣ, во 1) потому, что по обращеніи Чеховъ въ Христіанство, покончившемся въ X вѣкѣ, невѣролично, чтобы кто-нибудь сочинялъ пѣсни, дышащія такъ сильно языческвомъ; напротивъ ихъ, уже составленныя, могъ всякой сохранишь изъ естественности любви къ своему родному языку; во 2) переписчики эпіхъ пѣсень не были сочинителями ихъ; доказательствомъ этому многія ошибки и порча стиховъ, замѣчаемыя особенно въ древнѣйшихъ изъ нихъ, между пѣмъ въ Ярославль, какъ новѣйшемъ стихопвореніи (полов. XIII в.) и менѣе переписывавшемся, вовсе этого не видимъ; въ 3) многія мѣстныя обстоятельства, внутренняя испинность и весь ихъ сплавъ говорятъ ясно о плюмъ, чѣмъ онъ началомъ своимъ сбязаны, если не современнымъ, по крайней мѣрѣ ближайшимъ къ эдакъ послѣднимъ, пѣвицамъ; въ 4) самый языкъ свидѣтельствуетъ объ ихъ глубокой древности (стр. 9). » Такъ, обр., обращая вниманіе на содержаніе этихъ пѣснопѣшій, видимъ, чѣмъ Чешская народная Поэзія началась Эпикой, чѣмъ и слѣдовало такъ бытъ по условіямъ жизни древнихъ Чеховъ, ихъ мѣстному положенію, опиженію къ своимъ состояніямъ и собственному природному характеру. Далѣе, когда героическій вѣкъ Чеховъ прошелъ, когда они, опѣ виѣшиаго соприосновенія и сношенія съ западными Европейцами, быстро подвигавшимися въ своеобразованіи и гражданственности, и сами, въ слѣдъ за ними, начали гражданскую жизнь, просвѣщеніе себя науками, искусствами, и т. д., вспнули

въ другой возрастъ, возрастъ броженія и кипѣнія спрастей, величайшаго развитія и напряженія силъ душевныхъ и пылесныхъ, находясь въ вѣчной дѣятельности, требовавшей безпрерывнаго, личнаго участія, и неосипавшій времени взглянуть чистыми, свѣшными глазами на искущее, прошедшее и насипывающее, въ эпохѣ передъ ихъ жизни и Поэзіи ихъ, согласно Лирикѣ жизни, должна была измѣнить свой прежній характеръ и принять новый, Лирическій, обрашивавшійся въ пѣсни Лирическія. Вотъ и вся разгадка шутки. Безъ сомнѣнія, это должно понимать общности, о большинствѣ народныхъ спихотовореній, о перевѣсѣ одного направленія надъ другимъ. Строгихъ гравей въ области Поэзіи, какъ и въ жизни, провесши нельзѧ; исключенія необходимы и памъ, и здѣсь, и вездѣ. Переходы бывають такъ постепенны, незамѣтны, что вовсе невозможно пальтое указать, гдѣ именно одна область оканчивается, а другая начинается; обыкновенно, въ пакомъ случаѣ, предѣломъ первой полагаютъ ослабленіе общности ея и преобладаніе общности другой, начало которой скрывающемся всегда въ предыдущемъ. Такъ въ періодѣ Эпической Поэзіи у всякаго народа находимъ много спихотовореній Лирическихъ; и почему нѣшь ничего удивительнаго, если и у Чеховъ въ эпохѣ періодѣ встрѣчаемъ пѣсни Лирическія, въ которыхъ пѣснь льется «опъ сердца къ сердцу,» напр. Зезгулице (кукушка), отличающаяся анакреонтическимъ изяществомъ, Кыпице, Руже (букешъ, роза),—нѣжной грушию Опушшына, Скриванекъ (брошенная, жаваронокъ), безконечной горесью, Ягоды,—свободной радосью юно-

шескихъ лѣтъ, Збыгонь,—смѣлымъ освобожденіемъ похищенной Милой, Людише а Люборъ,—рыцарскимъ подвигомъ для полученія невѣсты-Княжны, Еленъ,—горестю дѣвъ по юношѣ, убийствомъ его злодѣемъ, и мн. др. И потому название Лирической, Эпической и т. д., Поззіи, должно присвоить извѣстному періоду Поззіи, единству по перевѣсу которой-нибудь изъ нихъ въ народныхъ стихотвореніяхъ. Въ собственномъ, строгомъ смыслѣ, итѣль чистой, безпримѣсной, самоспояльной ии Эпики, ии Лирики, ии Драмы; а говоря о нихъ отдельно, всегда разумѣсь преобладаніе той или другой надъ остальными. Въ Чешскихъ народныхъ пѣсняхъ преимущественно замѣчаемъ перевѣсъ Лирики, следовательно эпоха Поззія—Лирическая, хотя есть стихотворенія, какъ мы сказали, и Эпическія; но они, въ сравненіи съ Лирическими, — капля въ морѣ....

II. Тотъ же самый духъ вѣтъ и въ пѣсняхъ Моравскихъ, потому что Моравцы—тѣже Чехи, но называются такъ по мѣсту своего жительства, имея географическимъ. Правы, обычаи, языкъ, и т. д., у нихъ одинаковы съ Чешскими, исключая небольшихъ, очень незначительныхъ, разности и опоступлений, зависящихъ отъ мѣстности и сосѣдства съ другими Славянскими племенами и чужеземцами, напр. Моравацъ на границѣ Венгрии, спалкиваясь съ Словаками, въ выговорѣ словъ своихъ имѣетъ много Словакскаго (боль, душа), на границѣ Польши-много Польскаго (вместо и употребляется съ прибавкой неполнаго и), и т. д. Отсюда, языкъ Морав-

скій составляетъ собой переходъ языка Чешскаго къ языку другаго сосѣдняго Славянскаго народа, и попому въ Моравіи часпо слышипе, что одинъ и тошь же человѣкъ произнесенъ вами тоже самое слово разъ шакъ, а разъ инакъ. Историческая жизнь Моравцовъ пѣсно, неразрывно, соединена съ жизнью Чеховъ. Правда, сначала Моравія пошла было инымъ пушемъ при своемъ знаменишомъ К. Святоплукъ (ум. 894.), кошораго К. Багрянородный (De adm. imp. c. 14, 42.) называesпъ освободителемъ своего народа и прочихъ южныхъ Славянъ опь иноземцовъ и основашелемъ огромнаго Велико-Моравскаго Царства, заключавшагося между Эльбой, Тиссой, Дравой и Савой; но скоро, по смерти его, Царство это, раздробленное между према его сыновьями, жившими небрапски, сдѣлалось добычей Нѣмцовъ и Венгровъ. Бретиславъ, сынъ Удалырика, присоединилъ его 1029 г. къ Чехіи, и съ тѣхъ поръ судьба Моравіи спановиша иеразлучною съ судьбой Чехіи:

«Она, ачъ еспъ пыни дѣпрозна,
Другды 1) была въ панстви широка,
Славске речи пила, въ бои разна 2).»

Перечишивая пѣсни Моравцовъ, мы ничего не нашли въ нихъ опличнаго опь пѣсень Чешскихъ: тошь же характеръ, тѣже свойства, тѣже любимые обороты, сравненія, и т. д.

III. Словаки, самы себя называющіе Словенцами, пошомки тѣхъ Карпатскихъ и Дунайскихъ Славянъ,

1) Нѣкогда.

2) Слов. Дцер. змелка 218.

которые въ древности занимали собой все пространство отъ Дуная и Тиссы до Карпатовъ, превозили еще при Юстинианѣ Греческую Имперію, никогда, по свидѣтельству Исторіи, не составили самобытно существующаго политического народа, исключая, развѣ, того времени, когда всѣ народы бывають самобытны, времени младенчества народа, до-исторического. Сперва они были членомъ Велико-Моравскаго Государства, попомъ, по разрушениѣ его, вошли въ сословіе Венгерскаго, наконецъ Римско-Нѣмецкой, послѣ Австрійской, Имперіи. При такомъ ужасномъ отсутствіи политической жизни Словаковъ, очевидно, въ Поэзіи ихъ нельзя искать драматической спиритуальности, ея преобладанія, всегда свидѣтельствующаго о сильной политической дѣятельности народа. Окруженными совсѣхъ споронь многочисленными, могучими, союзами: Нѣмцами, Венграми, Чехами, Поляками и Русинами, что оспавалось имъ дѣлать? Можно ли было помышлять о самобытности? Конечно, у нихъ нѣшь недоспапка въ пѣсняхъ историческихъ; но всѣ эти пѣсни относятся къ событиямъ, въ которыхъ Словаки играли второстепенную роль, участвовали не sua sponte, страдальчески, пѣсни, принадлежащіе больше къ Исторіи господствующаго народа. Избышокъ въ эпохѣ пѣсняхъ скорѣе указываетъ на общую вѣсть Славянскимъ племенамъ природную склонность къ Поэзіи, пѣснопѣнію, чѣмъ на избышокъ политической дѣятельности Словаковъ. Если «Словенка въ Уграхъ есть», апъ шакъ діме 1), уставична, непрепережена писень, есть звидишеліца

1) Говоришь, сказашь.

прослонародии Муза, а и будь въ жели будь въ радосни успи завриши 1), былабы снадъ 2) найципел-нъши 3) покупа 4) про ни на земи, «если «кде она нени тамъ више пусто а нѣмо, камъ она приде озиваи се шудижъ 5) либезнымъ запъвогласемъ поле, винице 6) заграды 7), пагорки 8) а долины, якобы си припюмноспѣшь 9) вилемъ спромомъ а кровинамъ живе языки пропочила 10),» если, говоря словами Словакой же пѣсни, «Кде Словенка шамъ запѣвъ» или:

«То божъ елинѣчко по неби си бега,
То словенско племѧ вишаде са розѣга,»

если все это шакъ, то какъ же они могли пропустить безъ вниманія чѣ-нибудь, относящееся до ихъ родины, не воспѣвшъ событія, случившагося на ихъ земль, предъ ихъ глазами, сдѣлавшаго на нихъ впечатлѣніе, имѣвшаго непосредственное вліяніе? Тогда Славянинъ не былъ бы Славяниномъ. Так. обр. Словаки, находясь подъ чуждымъ правленіемъ, естественно должны были обращишь свою дѣятельность въ другую сторону, на другіе предметы, искать другихъ занятий. Къ чему же было прежде всего,

1) Сокнуть, заключить.

2) Можетъ быть; легко; безъ сомнѣнія.

3) Самое чувствительное.

4) Наказаніе.

5) Тончайшъ, немедленно.

6) Виноградникъ.

7) Сады.

8) Присутствіе.

9) Кустарникъ.

10) Доспавила. См. Познам. а поэти. ку Слов. п. стр. 488.

сручинѣе имъ обращипсья, какъ не къ природѣ, къ домашней, семейшвенней, сельской жизни, сполько любимой искони всѣми Славянскими племенами⁹. Славяне, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, ошь природы — народъ миролюбивый, ошь пеленокъ предпочитавшій жизнь тихую, земледѣльческую всему прочему; а если когда мѣнилъ соху на мечь, то не иначе, какъ сполько въ самомъ крутомъ положеніи, чтобы ошшояшь себя, свои права и свободу, и попомъ, по прошествіи несчастія, снова воротишься къ своимъ полямъ и лугамъ. Эту любовь къ сельской жизни и ея занятіямъ, любовь къ природѣ, предпочительно пишали и пишашють Словаки, хоша въ ней нельзя отказать и другимъ Славянскимъ народамъ; но первые, по своей малочисленности и невозможности играть блестящую роль на политическомъ поприщѣ, по своему мѣстному положенію, и т. д., передъ всѣми однородцами долѣе согрѣвали ее, такъ что они душой сроднились съ природою. А потому они народъ, можно сказать, въ Европѣ — самый близкій въ первобытной пашнярхальной жизни, народъ, по преимуществу, самъ въ себѣ живущій, миролюбивый, тихій певинный, довольствующійся малымъ, что посылаєтъ ему его доля; ему ишь нужды ни до какихъ попрясений и переворотовъ. Онъ спокойно смоширишь на наши гражданскіе бураны и невзгоды, всегда гоповъ на всипрѣчу всѣмъ случайноспімъ и съ евангельскимъ ширѣніемъ понесши крестъ житейскихъ горестей; онъ цѣлымъ сердцемъ преданъ своему быту, всѣмъ занимаясь, ешь самый шрудолюбивый и спокойный на-

родъ. Въ то время, какъ другіе ломаютъ головы и чахнушъ надъ политикой, онъ, говорилъ Чапловичъ (въ своей Gemälde von Ungarn. T. II. S. 45), «arbeitet gern mit Händen und Füßen, versetzt sich aus die manichfältigsten Erwerbzweige. Er baut sein Feld, züchtet Vieh, handelt, treibt Gewerbe, arbeitet in Bergwerken, ist ein geschickter Fuhrmann, zu Wasser und zu Lande, Sorger und Vogelfänger, lernt fleissig.» Описюда и въ пѣсняхъ ихъ, какъ образъ народной жизни, такої бытъ ихъ долженъ рисоваться иеминуемо широкою кистью. А если это шакъ, каковъ же характеръ ихъ Поэзіи, духъ ихъ пѣсень? Тотъ самый, который выпискается естественно изъ жизни сельской, земледѣльческой, бываетъ непринуденнымъ ея слѣдствіямъ, опличительнымъ признакомъ. Слѣдовательно—Идиллическій, характеръ Идиліи въ ея первичноѣ видѣ, въ ея истинномъ значеніи, или, если хопинше, въ шакъ называемомъ общирномъ смыслѣ, Идиліи, какъ полной картины, безыскусственномъ, чистѣйшемъ изображеніи жизни и быта людей, не раззнакомившихся еще съ природой, близкихъ къ ней, неиспорченныхъ нашею приторною, черезъ чурь уже перехитренnoю, гражданственностю. Но описанъ не той Идиліи, въ которой только что пастухи да пастушки, какъ будто одни они и наперсники природы, дѣти первобытнаго состоянія человѣчества, одни они населяютъ поля, села, и ш. д., одни они далски всякой принужденности, всѣхъ условій законовъ и приличій ущонченного свѣта; или въ кошѣй, шакъ какъ поэтъ не находишъ болѣе въ поднебесной блаженной Аркадіи, ея обишацелей безъ за-

богъ и гибельныхъ спрасипей, безъ печалей и воз-
дыханій, то изобрѣаетъ какихъ-то небывалыхъ,
лишненныхъ всякой вѣроятности, людей золотаго
вѣка, этого аناхронизма во всякое время, или же въ
которой только и видите чѣмъ лица иѣжныя, чевин-
ныя, шакія добрая, шихія аки голуби, мечтательныя
аки луна, окруженнія на каждомъ шагу прелестями
живописной природы, любовь для коихъ—вѣчное за-
нятіе, и больше ничего. Цѣлъ, въ пѣсняхъ Словаковъ
не ищище подобной Идилліи, а скорѣе приглядитесь
къ нимъ хорошенько, вникните спрого въ ихъ харак-
теръ и духъ, и вы найдете въ нихъ испинную
Идиллію, представляющую людей небезгрѣшныхъ,
но и неиспорченыхъ еще успѣхами въ граждан-
ской жизни, незнакомыхъ съ ея искусственными
нуждами, прихотливымъ вкусомъ и пускими услов-
ными обычаями и приемами. Напропивъ, пунъ увиди-
ше каршины проспосердечныя, по не низкія, грубыя,
опѣратильныя, каршины дробныя, мѣлкія, по ин-
тересныя, живыя, оплично изящныя. Разумѣется, при-
писывая пѣснямъ Словаковъ характеръ Идиллическій,
мы отнюдь эпимъ не утверждаемъ, чѣмъ пѣсни
ихъ вовсе не имѣли ничего лирическаго, драматиче-
скаго, эпического. Идиллія, въ ея насполщемъ видѣ,
не исключаетъ эпихъ родовъ Поэзіи, образовавшихъ
сама у Грековъ изъ мимовъ, сославшись родъ
 побочнай драмы, представлявшихъ ошѣльныя явленія
человѣческой жизни, въ ко торыхъ сквашивались бо-
льше—менѣе вѣрою характеры особенности въ ира-
важъ, обычалхъ, и ш. п., извѣстныхъ лицъ, селеній,
городовъ, обласшей, и пр. Изложеніе ея—по повѣст-

ловательное, ли разговорное, ли перевитое пѣснями и она писалась гекзаметрами; даже иногда и эпиграмма называлась Идилліей, т. е. вообще небольшая легкая стихоповеренія какого бъ ни было содержанія. Но почему неудивительно, если въ пѣсняхъ Словаковъ вснѣтилъ что-нибудь эпическое, лирическое, и т. д.; дѣло въ томъ, что это послѣднее не есть главное, а привходящее, и привходящее по самому свойству и происхожденію Идилліи; или если найдется даже пѣсни, цѣликомъ содержанія эпического (каковы историческія), лирическаго, и т. п.; но онъ далеко не составляютъ большинства, а исключеніе. Обыкновенная жизнь Словаковъ, прежде и теперъ, мало, очень мало, имѣла и имѣеть случаевъ, годныхъ для вдохновеній эпика, сильныхъ порывовъ лирика и смѣлькихъ движений и положений драматика. Для этого требуется въ высокой степени развитіе умственной жизни народа. Напротивъ, все у нихъ обращается въ кругу домашнемъ, въ кругу ихъ обычной жизни и предлежащей, окружающей, природы, чѣмъ, какъ справедливо замѣчаешь Янъ Колларъ (Слов. нар. пѣсни 1834-5 г. 2 ч. стр. 489.), «пѣвцымъ доказемъ естьшъ шоего, же нашъ лидъ великымъ есть природы миловникемъ». Они издревле не разспавались съ нею, составляя, такъ обр., предпочитительно, передъ всѣми своими одноплеменниками, по причинамъ, приведеннымъ выше, т. е. по невозможности имѣть политическое существованіе, народъ, занимающійся земледѣліемъ со всѣми его отраслями и соприкоснувшись съ нимъ. Что дѣлали ихъ праотцы въ глубокой древности, то дѣлаюшъ и теперъ ихъ пошомки:

«О Словаци! или наши предкове
Пилли плугу, мотыкы бывали,
Заграды, винице штъновали,
Стапекъ а добытекъ ховавали,
Мъстъ и градо моцъ наши отцове
Широко, далеко наставали
А пустинны въ быдла обрацели.»
.... ажъ поднесъ су Словаци спали 1),
Якъ были отцове такъ днитки зоспали 2).»

Отъ такой любви къ природѣ и всегдашняго обхожденія съ нею, отъ жизни, провождаемой ими вѣчно въ ея объятіяхъ, и Позія ихъ проникнута этой природой, есть ея чадо, непосредственное отражение ихъ сельской жизни, вся дышашъ Идилліей, или, лучше сказать, вся есть не что иное, какъ одна безпрерывная Идиллія. Она родилась не въ душныхъ спѣнахъ городской жизни, но на поляхъ, подъ вольнымъ, чистымъ небомъ, излилась отъ полноши сердца, естественно, непринужденно, сама собой, гдѣ попало и какъ попало, потому что для Словака пѣсня шоже, что жизненный воздухъ: она сопутствуетъ ему неоптучно во всѣхъ его занятияхъ; иѣшь работы, иѣшь шруда, иѣшь отдыха, гдѣ бы онъ разшелся съ нею: «*Quantumvis laboriosissima sit natio Slavorum, agit tamen hilariter,—говоришъ Matheus Belius (Not. Hung. T. I. p. 53),—diebus in primis festis et si quae sint a laboribus vacationes. Simul ac in vico tibia utricularis insonuit, concurrunt alacres eduntque adhuc sobrii saltationes, quibus seniores moderantur, ne quid tumultuarie, aut cum alicujus injuria eueniat.*»

1) Крѣпки, сильны.

2) Слов. нар. пѣсн. ч. 2 стр. 144, 140.

Это относится не къ одному какому-нибудь округу Словаковъ, но вообще ко всѣмъ имъ, взятымъ вмѣстѣ:

Словаци, словаці!
Вишецн сте еднаци,
Ако бы васть мала
Вишецкихъ една маци 1).

Что касается до виѣшней формы пѣсень Словакихъ, послушать пѣкопорыхъ, такъ онъ тѣже *Краковяки*. Справедливо, форма, какъ проявленіе внутренняго, много значиль и въ жизни вообще, и въ искусствѣ. Однако же, не всегда можно заключать ошь виѣшняго къ внутреннему, равно и наоборотъ; это тогда только истинно, когда форма и идея во всѣхъ точкахъ совпадаютъ одна съ другою; иначе всѣ поэмы, писанныя гекзаметрами, были бы *Иліады*, *Одиссеи*. Такъ и пушь; формою пѣсни Словакія и Краковяки сходствуютъ между собою, и то не вездѣ, преимущественно въ пѣсняхъ обрядовыхъ, и т. п., гдѣ уже самое содержаніе требуетъ крапкоспи, но духомъ своимъ весьма отличны одинъ отъ другихъ. Не знаемъ, чесму приписать такое сходство ихъ въ впомъ случаѣ. Данныхъ для рѣшенія этого мы, по сю пору, еще не имѣемъ у себя подъ руками, да и не знаемъ, можно ли будешъ надѣяться имѣть ихъ когда-нибудь. Неужели и здѣсь все рѣшается заимствованіемъ, подражаніемъ? Но отчего же пѣсни Словаковъ не носятъ на себѣ формы пѣсень Чеховъ,

1) Словаккая пѣсня.

Словинцевъ, Руссиновъ, Сербовъ, съ коими они такіе же соседи, какъ и съ Поляками? Языки? Но по языку Словаки гораздо ближе къ Чехамъ, Руссиямъ, чѣмъ къ Полякамъ. Жизнь? Жизнь Словаковъ и Поляковъ шоже ничего не имѣетъ между собою общаго. Такъ что же? Пусть решашъ болѣе опытные; на нашъ глазъ, если ужь непремѣнно должно высказать свое мнѣніе, на нашъ глазъ пусть просто случайное сходство, подобно какъ случайное же сходство во вѣшней формѣ между пѣснями другихъ народовъ.

IV. Пѣсни Поляковъ... по Поляки шакъ бѣдны пѣснями, чѣмъ, не согрѣшивъ, можно сказать: «У Поляковъ нѣть пѣсень.» Всѣ ихъ пѣсни—или пересначеніе, переводъ, подражаніе пѣснямъ Руссина, или прямо сочиненіе какого-нибудь позднѣйшаго поэта; собственно же народныхъ пѣсень не имѣется у нихъ. Опѣчь чего это? Какъ! Племя Славянское безъ пѣсень? Славяне, если не во всемъ мірѣ, шакъ ужъ безпрекословно въ Европѣ, самый пѣсенный народъ. Или и впрямъ Поляки не Славянского происхожденія, какъ того хотятъ нѣкошорые, а только лишь ославилившіеся? Такое перерожденіе очень сбыточно; Исторія много предшавляетъ подобныхъ примѣровъ: Прусы, Сѣверо-Германскіе Славяне, Сербы въ Новороссіи, Славяне въ Мореи, и т. д. Но предложеніе это требуетъ доказательствъ, да и доказательства; если бъ оно когда-нибудь обратилось въ аксиому, бѣдность Поляковъ въ пѣсняхъ сама бы собою объяснилась. Однако, пока это сбудется (чему плохо вѣримъ), мы, не ошибимая чести у Поляковъ быть и имъ Славянами, поищемъ шому другихъ причинъ.

Славяне ли Поляки, не Славяне, что намъ до того? Мы знаемъ, что народъ, какого бы онъ ни былъ племени, происхожденія, вовсе безъ Поэзіи быть не можетъ. Такое явленіе не въ природѣ вещей; такой безпоэтичный народъ—не сбыточное дѣло. Забыть, заперятыи иѣкоторыя поэтическія свои произведенія, по давности ли то, или другимъ какимъ причинамъ, передѣлать ихъ на иной ладъ и складъ—это возможно; но совсѣмъ не имѣть ихъ, быть опѣй природы лишену всякой способности къ Поэзіи, чувствовать къ ней непримиримое отвращеніе, антипатію, во все время своего бытія, въ этомъ никто настъ не увѣрилъ. Недѣлимое человѣческаго рода, какъ уже и выше мы замѣчали, одинъ, два, десять, нѣсколько человѣкъ безъ поэтическаго дара, расположенія и любви къ Поэзіи, мы это почти на каждомъ шагу видимъ; не всѣмъ же быть поэтами: *roѣae nascitut.* Если бы можно было собрать всѣхъ непоэтовъ въ одно мѣсто и отвесить имъ землю, если бы и ихъ попомки были все такіе же антипоэты, вонь тогда бы сказали, что на бѣломъ свѣтѣ точно существуетъ народъ непоэтическій, безъ Поэзіи. Но допускншь бытіе народа непоэтическаго, опѣй самаго его начала до послѣдняго конца, народа, до единаго человѣка опѣй природы непоэтическаго, кто хочеть, пускншь вѣришь и исповѣдушь сердцемъ этотъ догматъ; мы лучше приспаниемъ къ споронѣ нѣсѣрныхъ, откровенно сознаемся въ своей неспособности къ такой высокой Поэзіи.... Такъ обр., каждый народъ имѣетъ свою Поэзію, ему одному шолько свойственную, какъ плодъ внушенаго его творчества,

его поэтической способности. Эта его Поэзія, въ такомъ или иномъ видѣ, является смотря по роду жизни народа, его положенію и обстоятельствамъ. Гдѣ народъ имѣлъ больше досуга, больше случаевъ оспаваться съ самимъ собою, входить въ себя и раздумывашъ о своей радости и горѣ, памъ и поэтическія его произведенія представляются въ обширнѣйшемъ размѣрѣ, носятъ печать большей художественной окончанности въ отдѣлкѣ внутренней и виѣшней, гораздо зрельѣ, совершеніе, гораздо разнообразиѣ и многочисленнѣе. Но гдѣ, по чому бы то ни было, у народа опять было время и способы вспоминать въ самаго себя, размышлять о своей судьбѣ на свободѣ, гдѣ онъ только урывкомъ, на скорую руку, призадумывался, входилъ въ поэтическое сосѣдство, Поэзія такого народа — въ меньшихъ размѣрахъ, характеръ ея — краткость, сжатость, перерывы, поспешность, недокончанность, какъ въ самомъ изобрѣтеніи, такъ и въ выраженіи и обработкѣ. Правда, и эта Поэзія многочислена, но многочисленность ея слишкомъ однообразна, менѣе важна по своему внутреннему и виѣшнему поэтическому достоинству.... Теперь припомините себѣ Исторію Польского народа. Что это за жизнь? Извинь — вѣчные войны съ Крижаками, прочими Нѣмцами, Швѣдами, Русскими, непрерывныя нападенія Липовцевъ (*paras'c' Litewskâ*), Ташаръ, Козаковъ, (страхи — на Лягы), беспрестанныя браны съ Турками, Венграми, и т. д.; виушри — восстанія и бунты Русиновъ по поводу различныхъ ущѣсненій и гоненій на исповѣдуемую ими религию, этошь странный образъ Пра-

вленія Республико-Монархіческій, на который сполько жаловались всѣ благонамѣренныи и добра желавшие своей отчизнѣ Поляки, это неумолкаемое броженіе и смященіе въ знаменишой Ржечи Посполитой, это несогласіе, разладъ ея, больше всего на свѣтѣ для нея любезный, драгоцѣнныи: «Polska nierządem stoi! 1),—Gdyby Polska rządna była, tedyby niedługo zginęła:» 2)

«Nierządem Polska stoi,» dobrze ktoś powiedzia³,
Lecz drugi odpowiedzia³: «Nierządem że zginie 3);»

это ея золотая болынь, по милости которой сильный давилъ слабаго: «Kto mocniejszy ten lepszy,» съмѣясь чадъ законами и королемъ:

«W Polsce złota wolność pewnych reguł strzeli,
Chłopa na pal, Panu nic, Szlachcica na wieże;» 4)

это ея общее равенство, повсемѣшное «Panie Bracie!», по которому каждый

«Szlachcic na zagrodzie
Równa się Woiewodzie,»

по которому:

1) «To bylo powszechne szalone u nas domnienie,» замѣчаєтъ Граевъ Стан. Потоцкій. (въ Mowach i Rozpr. Warsz. 1816 г. Rozpr. V.).

2) «Кто говорить: «Nierządem Polska stoi,» пишетъ Фредро (см. его Przysłowia),—«sam ma nierząd w głowie.»

3) L. Opaliński. (Satyr. 89).

4) Ad. Naruszewicz.—Красицкій въ сатирѣ: «Świat zepsuty» пишетъ след.:

«Był czas, kiedy bląd ślepy nierządem się chlubił,
Ten nas nierząd, o bracia, pokonał i zgubił,
Ten nas cudzim w łup oddał: z nas się zle zaczęło,
Dzieci ieden nieszczęśliwy zniszczył wieków dziecko.»

•Starzy Szlachcic Polki,
Niż Baron Niemiecki. 1)

Эта, наконецъ, малокопомъспнала, дробная Шляхта, сполько необузданная, сполько многочисленная, разсыпанная повсюду, съ своею слишкомъ ненравственnoю жизнью, какъ саранча полнившаяся въ хоромахъ роскошныхъ вельможныхъ паповъ, употреблявшихъ ее своимъ оружиемъ и для шого корнившихъ ее наубой, лукаво припѣвая:

«Stara polska iest to cnota,
Nie zamknąć nikomu wrota,»

и хвастаясь пѣмъ,

«Co Polak wypie na dzien,
Niemca małatek stanowią,»

хотя часто случалось, что иной

«Zaczął zlotem»

а смошишь —

«Skonczył zlotem», —

Шляхта, въ одно и то же время безстыдно цѣловавшая прахъ ногъ Магнушевъ и гордо по-правившая всѣхъ ниже себя, наругавшаяся надъ бѣднымъ селяниномъ, вольно обиравшая, грабившая его и ни на мгновеніе не дававшая ему покоя своими безконечными переѣздами съ одного мѣста на другое, то на сеймики, то на сеймы, то на трибуналы, то на засѣданія, и т. п., съ своимъ грознымъ:

1) *Вацлав Потоцкій говорилъ:*

«Skoro Szlachta nastala, gina Baronowie,
Brat, a brat, równi wszyscy koronni synowie.»

« Nie pozwalali! » гдѣ, въ шу годину, когда нужно было дѣйствовать, сражаться, гнашь враговъ изъ родины; она спорила иссорилась, судила и рдила:

« I tymeście podobno wiele utracili,
Bo gdy bić trzeba bylo, toście wy radzili.... » 1)

Шляхта, изъ среды коей самый ничтожный, самый голый, хлѣборобъ, пошому шолько, что быль шляхтичъ, мечтай, — о пушшомъ! — о коронѣ, могъ и имѣть право домогаться ее, бышь выбрану въ крули.

« Tyś królem? Czemu nie ja? mówiąc miedzy nami
Ja się nie będę chwalił — ale przymiotami
Nie ziemie się zaszczycam. Jestem Polak rodem
A do tego Szlachcic. A choćbym i miodem
Szynkował, tak iak niegdyś, ów Bartnik w Kraszwicy 2),
Czemużbym nie mógł osiąć na Twojej Stolicy? 3) »

Насчастливый землемѣцъ нигдѣ не ускользалъ отъ Шляхты: всѣ его работы, занятия, обряды, всѣ домашніе обиходы, тощась прерывались, лишь шолько эпопѣ гнѣвъ Божій поспигалъ его. Шляхтичъ, какъ мячикомъ, играль имъ, онъ быль спрадащельнымъ членомъ въ государшвѣ, навсегда удаленнымъ отъ всякаго участія въ немъ, его правахъ, лишенный всякой защиты законовъ и постановленій:

« Prawa są nasze iako rajsczyna,
Wróbel się przebie, a na muszkę wina. » 4)

Жалкій народы! Самыя священнѣйшия обязанности

1) I Kochanowski.

2) Piast.

3) I. Krasicki (Satyr. do Króla.)

4) I. Kochanowski.

свои отправлялъ онъ изрядка, только украдкой: свадьбу, крестины, и т. п. Наконецъ, придайше сюда еще жидовскіе обманы, плушки, продажу горячаго вина и прочихъ хмельныхъ напитковъ, словомъ всювшеннюю промышленность и сбыть произвѣній земли, и. п. д., находившихъ въ рукахъ иноzemцевъ, преимущественно же въ рукахъ эпихъ христопродаццевъ, пошому что Шляхтичъ счищалъ для себя низкимъ занимашся чѣмъ бы то ни было, кроме оружія, подъ опасеніемъ быть разжаловану въ хлопы: «*Co Wloch to Doktor, co Niemiec to kurięc, co Polak to Hetman,*» и послѣ всего этого, при жизни, кошорая вся была «*prawdziwe bezkrólewie,*»

когда

«*W domu nikt o niczym nie wie,
Ka dy r adzi swoim dworem,
Ty deklady w asnym worem,*» 1)

скажише: до Поззіи ли было Польскому прополюдину? Поззія необходимо требуетъ досуга, спокойствія, свободныхъ думъ, вдоволь времени, шакъ сказать, для разговору съ самимъ собою. А у него? Онъ не могъ привольно вздохнуть, не только поэтизировать. Гдѣ ему до историческихъ, обрядовыхъ, и подобныхъ шуму, пѣсень, когда онъ не имѣлъ ничего за душой, долженъ быть всѣ дни и ночи проводить за работой на пана:

«*Co sobie Ziemianin nago tuje, to mu Senator zie,*»

когда на него смотрѣли не какъ на своего собраша, но какъ на бездушную вещь:

1) Конѣт. Квятковски.

« Chłop ma bydź iak nasiekany kiy, »

когда

« Słomiany Starosta dębowego ziemianina zwalczy, »

и только шайкомъ отбывалъ кой-какіе свои обряды. Удивительно, какъ онъ, находясь въ шакой Египетской работе, совсѣмъ еще не онѣмѣлъ, попому что у него, не смопря на всю горечь его жизненной чаши, есть свои поэтическія произведенія. Это Krakowianki. Они были плодомъ того мгновенія, въ кошорос, мимо всѣхъ припѣсненій, въчныхъ насилий и беспокойствъ со спороны Шляхты и внѣшнихъ враговъ, несчастный селянинъ входилъ въ самого себя, и изливалъ свои чувствованія въ немногихъ словахъ, облекая ихъ въ поэтическія формы съ величайшюю поспѣшностю, какъ бы въ попыхахъ, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь не помышлялъ ему въ лицо, желая облегчить свою грудь отъ гнѣвущаго ее бремени хопь однимъ глубокимъ вздохомъ. Въ эпихъ Krakowianкахъ заключены всѣ его думы, всѣ помыслы, всѣ чувствованія, какія только рождались, могли родиться въ немъ въ шакое короткое время; и попому Krakowianki составляющъ единственный народную Поэзію Поляковъ: они ихъ національныя пѣсни. Самыя свойства этихъ коротенькихъ пѣсень указывающъ на ихъ происхожденіе, обстоятельства, ихъ породившія. Свойства эти-краткость: два, три, четыре, рѣдко больше, спиховъ. Обыкновенно, въ первомъ спихѣ (или куплешѣ) какая-нибудь черта или образъ, взятый изъ окружающей природы, либо своего подручнаго міра, и то, большую часію, наудачу, шакъ чѣмъ мыслию,

чувшвомъ, находящимся въ слѣдующемъ спихѣ (или куплеинѣ) почти никакой связи не имѣешьъ, а взяТЬ лишь для одной риомы, для того, чѣо нужно же чѣмъ-нибудь начать. Часто случается, что въ Краковякѣ прямо изливаешься чувшво, выражаясь какая-нибудь дума, практическая испина, и т. д., безъ всякаго спесенія, сравненія, уподобленія, безъ всякой подспавки, повода, посредничества. Это-то говоришь о поспѣшиосши, съ какою Краковяки складывались: не было досуга ни вполнѣ выразить, проявить чувшво, помыслъ, ни найдши для нихъ образъ во вѣнчнемъ мірѣ, спрого отражающей въ себѣ, совпадающей во всѣхъ возможныхъ точкахъ сходства, со-опишеннія, или подобія. Впюroe оцличищельное свойство Краковяка-его веселость. Страдая безпреспанно ли оѣшь того, то оѣшь другаго, селянинъ, въ мимолетные часы своего крашковременнаго покоя, предавался съ жадносцию веселости, не попому, чтобы у него было на сердцѣ весело, но чтобы сколько-нибудь и какъ-нибудь забыться, расперяясь, прогнать хоть пѣсни свое обычное горе, и пѣмъ, если не облегчить, шакъ, по крайней мѣрѣ, на два, на три мгновенія заглушишь свои душевныя и пѣлесныя раны. Много, впрочемъ, этой веселости Краковяковъ помогаетъ оѣшь природы живой характеръ народа, а не что-шакъ какъ въ старой Польшѣ нѣкогда было весело жить вельможнымъ Панамъ, то, будто бы, эта веселость сообщилась и простолюдину. Это ли же, что въ чужемъ пиру похмѣлье. Кромѣ того, жалобы на похищеніе дочерей у бѣдныхъ родищелей, на разнаго рода насилия,

обиды и наругательства, и ш. п., что очень часто соспавляешь содержание многихъ Krakowiaковъ, показываютъ, что просполодину шрудно, невозможно было брашь участія въ радостяхъ пановъ, его пристрастій. Какъ ему было оправдати веселіемъ на веселіе своихъ владыкъ, когда онъ же самъ говорилъ о своей родинѣ:

«Nie będzie w Polsce dobrze,
aż będzie bardzo źle;»

а онъ зналъ, онъ видѣлъ, отъ чего и отъ кого не добро въ Польшѣ....

Краковякъ всегда соединенъ съ музыкой и пляской. Лучшее, точнѣйшее описание его находимъ въ Krakowskій Селникѣ, подъ названиемъ «Młody Wiesław», соч. известнымъ Kazimíromъ Brodzinskимъ. Вотъ оно:

«Naprzód wychodzi, przed muzyką staje
Halina w płasach rękę mu podaie,
Za nim się w kolo młodziany zebrali,
Hluca i biały w podkówki ze stali.
Wiesław się niął za pas ręką prawą
I płasa lekko przed Haliną żwawą.
W skrypcie i basy synał grosza hoynie
Oycom za stolem skłonił się przystojenie.
Tupnął, i głowę nachilił ku ziemni
I zaczął nocić słowy takowemi:
«Niechże, ja lepię nieżyię,
Dziewczę! skarby moie,
Jeśli kiedy oczka czyje
Milsze mi nad twoje:
Patrzayże mi prosto w oczy,
Bo Bóg widzi w niebie,
Ze mi ledwo niewyskoczy
Serduszko do ciebie!
Bierze Halinę, i tak w okolo,
Przodkuiąc druzibom tańczy wesoło;

Halina w płasach przed nim ucieka,
 On w ręce bijąc goni zdaleka;
 A gdy dogoni znowu z nią wróci,
 Stało i w płasach, tak dalę nuci:
 «Nieciekay dziewsze lube,
 Moje sto tysięcy?
 Dogonię ja swoją zgubę
 I niepuszczę więcej:
 Krały ptaszek w ciemnym lesie,
 Galążek się czepia,
 Aż dognany piórka niesie
 Gniazdeczko ulepią».
 Sam teraz w płasach przed druchną stroną,
 A ona za nim wesoło goni,
 I dogoniony, gdy znowu wrócił,
 Stanął i w płasach różne pieśni nucił. »

Ошносишельно духа Кракояковъ,—онъ виденъ уже изъ самаго ихъ происхожденія и опличищельныхъ свойствъ, ихъ послѣшно — сжатаго выраженія чувствованій души, ея волненій и потрясеній, большею часпію принадлежавшихъ къ областимъ любви. Простолюдинъ, изнемогая подъ игомъ крупной, а еще пуще, мѣлкой, сошечной, но безчисленной, Ариспю-крапашіи, въ слишкомъ крапкій срокъ своего досуга, лишь только начинавшіяся, какъ ужъ и гопіовый кончишься и, Богъ вѣсни, когда снова мелькнуль, пролетѣть незамѣтной пташкой, спѣшиль выразить шо, чпо было ближе всего къ нему и вообще всякому человѣку, чувствованія, незаглушимыя ни въ какое время и ни въ какомъ положеніи народа, чувствованія, порождаемыя любовію. Изливая эши чувствованія, онъ пѣмъ самимъ думалъ, хопіль и надѣялся сколько-нибудь оправдати свою расшерзанную душу, пролипь, хоть немного, цѣлебнаго

бальсама на свои жгучія раны, поддержалъ оправданнымъ освѣженіемъ свой упадающій духъ и, п. об., съ новыми силами пойти опять на вспѣчу своему неопримому, безоплчному врагу. А извѣсно, что, когда человѣкъ видитъ шакъ окруженымъ себѣ со всѣхъ сторонъ своимъ смершельнымъ врагомъ, своимъ горемъ, безшалашемъ, что какъ ни увершивайся, какъ ни изгибайся, что ни дѣлай и передумывай, а нельзя отъ него не только отвязаться, но ни на шагъ податься впередъ, ни пяди выиграть въ самой упорной битвѣ, человѣкъ, въ шакомъ слушаць, упрямѣе всего на свѣтѣ: онъ ожесточаешся, и, опказываясь отъ всякаго бол, пропивопоставляеть свое желѣзное терпѣніе. Зато, улучивъ мицушу, колюкою можешъ располагать какъ власшelinъ, распоряжаться по своему, онъ, словно дишя, бросаетъ на нее, торопится, опрометью спѣшишъ воспользоваться своею собственностию, не наглдишся на нее, не пашшишися ею, и, на зло своимъ недругамъ, спираешся всѣмъ, что только есть у него, угостить свою дорогую, рѣдкую госплю; онъ неизадуспится ею, и потому, ловя случай, съ жадностю ленишъ на пиръ, даешь полную волю себѣ и, въ разгуль и на просторѣ, ищещъ расперлпъся, отогнать свою обычную тоску, злодѣйку — печаль, шумнымъ веселіемъ, хочешь забыться въ этой новой, сполько рѣдкой, усладительной для него, сфере. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы объясняемъ себѣ сжапоспѣшь, живоспѣшь и веселость Краковяковъ, и ихъ Лиризмъ, эши знаменательныя свойства национальныхъ Польскихъ пѣсень, свойства, сполько за-

изрудияшія и многихъ ученыхъ и умныхъ людей, пти-
шавшихся объяснишь ихъ себѣ, явно и шакъ сильно
прошиворвчившія жизни народа, которому обязаны
своимъ началомъ, соспавляюшь выраженіе, картину
его бытія.

Говорялъ, и у Руси (Южной), соспавлявшей пѣ-
когда одно политическое шло съ Польшей и Лип-
вой, имѣющая своего рода Краковляки, происшедшіе,
будто бы, отъ подобныхъ же обстоятельствъ: шако-
вы, именно, Коломайки. Но это чистая напраслица
на Русиновъ, никогда не находившихся въ одиа-
кихъ обстоятельствахъ съ Польскими простолюди-
нами. То правда, Русинъ, со временемъ Сигизмунда
III-го, еще больше спрадаль, жребій его былъ не-
сравненно хуже; однако, до появленія Унії, онъ, на-
ходясь подъ ближайшимъ управлениемъ своихъ Рус-
скихъ пановъ, бывшихъ къ нему гораздо снисходи-
тельнѣе и человѣколюбивѣе, чѣмъ Польскіе паны
къ своимъ хлопамъ и вообще низшему классу, а по-
слѣ, перешедши, большую часцію, въ достояніе Маг-
нушовъ-Поляковъ, хотѣ много было ими угнета-
емъ, но все, шаки, имѣль время и случай оправлять
свои урочныя обязанности, исполнять свои обряды, слѣдоватъ своимъ обыкновеніямъ, и т. д., почому
что онъ, помил о своей прежней независимости и
добровольномъ, полюбовномъ, соединеніи черезъ Лип-
ву съ Польшею, какъ равныхъ съ равными (См. При-
вил. Ягайла 1410 г.), частпо напоминаль припѣсни-
шелямъ свои права. Далѣе, дробной шляхты менѣе
разсыпало было по селеніямъ Русиновъ, слѣдова-
тельно они не знали и пѣхъ бѣдъ, какія шерпъмъ

селнинъ въ Польшѣ. Руссия, попому, имѣлъ больше времени оспавашся съ собою, уединяясь въ самаго себя, думашъ своею горѣ, а отсюда его пѣсни—обширнѣе, описанинѣе, многообразиѣе, совершишися. Пѣсни, подобнымъ Krakowianамъ, нельзя было явиться у него, такъ какъ не доспавало причинъ и поводовъ къ тому. А то, что иѣкоторые (напр. *Vaцлавъ изъ Олеска*. См. изд. имъ Руссии. и Польск. пѣсни въ Галиціи, предисл. XL, XLI стр.) разумѣютъ подъ ними (*Коломийки*), суть просто на выдержку взяты куплеты изъ другихъ пѣсень, начало коихъ Гр. Собирали пѣсень не знаютъ, и попому выдаютъ эти куплеты за иѣчно цѣлое, въ родѣ Krakowianовъ. Не споримъ, многіе куплеты изъ пѣсень поются и отдельно, примѣня ихъ къ какому-нибудь слушаю; но все же они часты другаго цѣлаго и отнюдь не похожи на Krakowianы. Равнымъ образомъ у Руссина вѣроятно довольно плясовыхъ пѣсень, соспавшихъ, по самому уже роду своему и цѣли, изъ небольшаго числа куплетовъ; при всемъ томъ грѣшно бы было называть такія пѣсни — Krakowianами, приписывать имъ одинаковъ происхожденіе и значеніе. Беремся всѣмъ, такъ называемымъ, *Коломийкамъ*, указать, къ какой онѣ относятся пѣсни, откуда именно взяты. . . .

Нѣкогда, впрочемъ, какъ еще Шляхта не доспигала такой ужасной, немовѣрной, многочисленности, силы и вліянія на просплюй народъ, какъ эшотъ послѣдній пользовался большею свободою, и Поляки, уп-верждающи, имѣли довольно другихъ пѣсень, гораздо въ обширнѣйшемъ объемѣ и размѣрѣ. Такъ, напр.,

Бѣльскій въ своей лѣтописи говорилъ, что Казиміръ, возвращаясь въ Krakовъ, былъ вспрѣченъ народомъ пѣсней, начинавшейся:

« A wytayże, wytay, nasz mily gospodine! »

Длugoшъ утверждалъ, что онъ, въ свое время, слышалъ пѣсню, въ которой оплакивалась смерть Лупгарды или Лукъры, супруги Короля Пржемисла. Далѣе, Чайкій приводитъ посланіе Мелеціевъ къ Юрію Сабину 1551 г., где упоминается о давшихъ Польскихъ пѣсняхъ при похоронахъ, напр. слѣд.:

• На Lele, Lele!
 У procz ty mene umrat?
 Za to ty nyc miał szto isty, albo pyty?
 У procz ty umrat?
 На Lele! Lele!
 У за ty nyc myał krasice młodzice?
 У procz ty umrat? •

Но усиленіе Шляхты, раннєе знакомство съ Классическою Лупгературою, ея быстрое и, почти, повсемѣстное распространеніе между Поляками, изгнало эшт пѣсни. Поэты воспѣвали своихъ паспуховъ и паспушекъ: Дафнисовъ, Палемоновъ, Лауръ, или какихъ-нибудь Дульциней, Шляхтичъ перенимали у него и впорили ему, горожанинъ-Шляхтичу, селянинъ горожанину, и т. д., боясь отстать, не показаться проспакомъ, неутѣшай, блеснуть своимъ вкусомъ, образованіемъ, презирая прадѣдовскія пѣсни, и, такъ обр., мало по малу въ большей части Польши они забылись и, наконецъ, исчезлились вовсе, а заставыванія школьноровъ, между тѣмъ, распроспрашивались. Но эта школьная Поэзія, какъ чуждая, неродна,

не могла оспасться навсегда между Польскими престолюдинами, не понимавшими ее вполнѣ, и потому, съ прошествиемъ моды на нее въ высшихъ классахъ, и она поспешению исчезала, вытѣснивъ и погубивъ только свою соперницу, естественную народную Поэзію. Что оспавалось дѣлашь бѣдному проспѣлюдину? Тѣ, которые жили близъ или среди Руси, тѣ начали пѣть ихъ пѣсни, переводя какъ попало на свой языкъ и, даже, совершенно передѣлывая, такъ что съ трудомъ узнаешь подлинникъ; другіе же просто молчали или повторяли старыя дрязги школьнай Поэзіи, пока, наконецъ, не дошли къ нимъ Краковяки, обязанныя, первоначально, своимъ происхожденiemъ поселенамъ Краковской земли. Съ жадностю бросились на эти Краковяки, и ихъ послѣ сполько появилось, что почти невозможно сдѣлать имъ полнаго собранія, потому что по нимъ каждое селеніе, городъ, каждый селянинъ, молодой парень, и т. д., пиворилъ свои собственныя Краковяки, и тѣмъ легче, тѣмъ скорѣе, что это — именно та форма, которая одна только и была способна къ выраженію душевныхъ чувствованій въ его положеніи. Это показываетъ также, отъ чего Краковяки сдѣлялись народными пѣснями Поляковъ, ихъ народною Поэзіей.

V. Разсматривая Исторію Сербовъ, перечишивая ихъ народныя пѣсни, слѣдуя за ихъ нравами, обычаями, преданіями, повторяющими, и т. д., видимъ, что вся жизнь Сербовъ, съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, кой-гдѣ, даже, и теперЬ и, можетъ быть, еще надолго и въ будущемъ, есть не чѣмъ иное, какъ непрерывная цѣль ужаснѣйшихъ бишъ, самая пе-

спирал, кровавая, картина войнъ съ разными разноклассовыми, разнородными, разнозычными, разновѣрными, народами. Здѣсь духъ ихъ поднялся до высшей степени героизма, исполненного мужества, прврдости и упругости, сердце ожесточилось, характеръ сдѣлался энергическимъ, спойкимъ, словомъ: все 12 вѣковое бытие Сербовъ представляется намъ безпрерывнымъ рядомъ богатырскихъ подвиговъ. Намъ не извѣстно, шаковы ли они были и до прихода своего въ Иллирию, на прежнихъ старинныхъ жилищахъ; зато павѣрию знаемъ, что, послѣ водворенія ихъ на Фракийскомъ полуостровѣ, они не имѣли себѣ покоя ни въ какую годину, ведя вѣчный бранъ съ иноплеменниками. Браны этъ распадаются на двѣ великия половины, на двѣ знаменательныя эпохи: въ обѣихъ ихъ разыгрывалась одна и та же драма, т. е., отстѣяніе родины отъ находцевъ, насильниковъ (по выражению лѣтописца), битвы съ ними не на жизнь, а на смерть, потому что «еданъ путь умрепи», что «пропливъ смирии нема лѣка», а «мривога вече зубы не боледу» и, дыша миценiemъ, весело неслись на встрѣчу своимъ врагамъ, повторяя: «каковъ поздравъ, онакъй и опоздравъ». Начавъ разъ, они не бросали уже начатаго, по пословицѣ: «болѣ е што не почепи, неголи почешо на край не довеспи.» Въ первой эпохѣ имъ выпало «свашове держащи и пиръ имати» прежде всего съ шуземцами Илорика, пошомъ съ Булгарами, Печенѣгами, Половцами, Греками, Италіанцами, Венграми и Нѣмцами. Изъ государей ихъ этого времени особенно прославились своимъ воинственнымъ духомъ: Милутинъ, Стефанъ Дечанскій и Стефанъ Душанъ

Сильный, при коихъ «быше красно време» Сербовъ, «не имаху чemu плакати;» тогда каждый изъ нихъ говорилъ: «што болѣ піемъ, болѣ жедамъ» попому что «какво гнійздо, шаква птица: каковъ отецъ, шаква дитица.» Этотъ періодъ ихъ жизни весь полонъ геройскими дѣлами Сербовъ, чутъ было не уничтожившихъ Греческой Имперіи и уже гошовившихъ замѣнить слабыхъ и недостойныхъ потомковъ Великаго Константина своими Царями, этолъ періодъ долженъ быль, такжѣ, изобиловать народными пѣснопѣніями въ честь винзей судя вообще по врожденной склонности всѣхъ Славянъ къ нимъ и по пѣмъ извѣстіямъ иностраннѣхъ писателей, преимущественно Греческихъ, въ которыхъ явно говорится, что Сербы въ ту пору воспѣвали своихъ юнаковъ. Такъ, напр., у *Приска* мы читаемъ, что онъ, проѣзжал 500 г. нынѣшнюю Валахію, самъ слышалъ въ kraю Аварскомъ, т. е. Славянскомъ, разныя пѣсни: «Quibus (Slavis) etiamnum ex avaricis (i. e. slaviciis) cantilenis consopitis etc. (Strit. II. 6.1); далѣе, Никифоръ Грегорасъ, отправленный 1326 г. посломъ къ Сербскому царю Стефану Дечанскому, говорилъ въ своемъ описаніи этого посольства: «Нѣкоторые изъ нашихъ спущниковъ, особенно Славяне, пѣли пѣсни: In famulitio, quod pone sequebatur, nonnulli praesentia pericula parum metuentes vociferabantur et tragicis cantibus celebrabant laudes veterum herorum, quorum samam solam audiimus, res autem gestas non vidimus (ed. Par. 1. 232. Извѣшний *Вукъ Караджичъ* (въ Предисл. къ св. Сербскимъ пѣснямъ, Ч. I-я, стр. XXXVII.) волъ что говоришъ о пѣсняхъ этого времени: «Што се тише

старине наши пѣсама, я би рекао, да имамо старине женски, него юначки; еръ юначки пѣсама мало имамо старине одѣ Косова, а одѣ Неманича нема старине ниедне; а между женскими може бити да и има и одѣ иляде година, напр., между Краличкима, Додольским и т. д. Я мисли, да су Србљи и прѣ Косова имали и юначки пѣсама одѣ спарине, по будучи да је она премѣна шако сильно ударила у народъ, да су гопово све заборавили, што је било доnde, па само оданде почели напово приповѣдати и пѣвати.» 1) И такъ большая часть пѣсень Сербскихъ, за исключениемъ иѣкошорыхъ женскихъ, обрядныхъ, и т. п., ошпосиншя не къ эпому времени, но къ другой половинѣ бытія этого народа, т. е., ко времени появленія Турокъ въ Европѣ, разрушенія ими царства, ужасныхъ притѣсненій, которыя послѣ того поспѣгли несчастныхъ, но ие терявшихъ бодрости, Сербовъ. Почти пять вѣковъ продолжалась борьба ихъ съ Мусульманами, въ которой вся Сербія обратилась

1) Этую же мысль Караджича повторяетъ и неизданный сочинитель статьи: *Poésie populaire des nations slaves* въ Revue Britannique (4-e série, N 13) Janvier 1831 (стр. 47). «On ne peut attribuer une antiquité très reculée aux poèmes épiques des Serbes. Aucun d'entre eux ne remonte plus haut que le quatorzième siècle. Mais avant la redaction de ces poèmes, tels que nous les possémons, il en existait d'autres, aujourd'hui perdus et entraînés par le cours des âges. Déjà de nouveaux héros,—замѣчаешь онъ,—(что, иначе и быть не можетъ у такого народа) sont devenus populaires en vie. Le Noir Georges et d'autres vaillans guerriers, nos contemporains, sont devenus célèbres dans la poésie populaire: le Noir Georges aura le même sort que Marco Kraljewitsch, héros du quatorzième siècle; il sera chanté sous leurs traits; il deviendra poétique d'après la même combinaison d'idées; et sans doute, il aurait quelque jour effacé et englouti ses prédécesseurs, si la publication des vieux chants serbes ne l'avait fait vivre à jamais.

тилась въ побратимохъ для сохраненія своей народности, и хотѣла видѣла, что ей невозможно совладать съ своими врагами: сила Бога не моли: сила кола ломи,» но памятуя, что «на развалинахъ оживи новина» она не влагала меча своего въ ножны, а великодушно обрекла себя на вѣчное скищіе па родинѣ, на вѣчную брань съ невѣрными: болій с добаръ гласъ, него злашанъ насть.» Эта пятивѣковая борьба, гремѣвшая неумолкаемо, богатая неслыханными подвигами героизма, запнила своимъ блескомъ все, предшествовавшее ей, всѣ прежнія рыцарскія дѣянія Сербовъ, подобно какъ эпоха Козачества у Южныхъ Руссовъ заслонила собой эпоху междуусобицъ ихъ Князей. Отъ этого какъ у Руссиковъ, такъ и у Сербовъ пѣснопѣній изъ древнѣйшаго періода ихъ жизни (у первыхъ изъ періода до-Козацкаго, у вторыхъ Царско-Княжескаго) вовсе почти нѣшь, а если и есть, то очень мало: народъ событія этого періода какъ-то неохотно, не съ шакою любовію пересказываетъ, слушаетъ и поетъ, хотѣ опи великоспію, звучноспію, очарованіемъ едва ли въ чемъ успшулающъ послѣднимъ. Конечно, прошивники Сербовъ были могущеспіенны, многочисленны и настойчивы, и имъ, лишеннымъ своего Царя, трудно, тяжело было бороться съ ними поодиночкѣ: «шежко и сили безъ власци;» но могли ли, должны ли были они отказатьсь отъ пропиводѣйствія, подклонить свою шею подъ ярмо иноплеменниковъ, послѣ столькихъ вѣковыхъ подвиговъ на полѣ браніи, покрывшихъ отцевъ ихъ неувидаемой славой, созиная въ себѣ и мощь и полное право на лучшій жребій?

Нашъ, они видѣли, какъ эти поклонники Магомета обходились съ народами, рѣшившимися покориться своей судьбѣ: покориность не спасла ихъ отъ смерти и засточенія: «зла е купа шемниса;» «пѣшъ,» и нась е маши доила,-говорили они,-како и другога,« и пошому ощачалю, грозю бились и были биши: «какви живопъ, шаква смерпъ,» не только не прося иощады, но и не думал о ней никогда: » како си просирешъ, шако чешъ лежани.» Припомъ же не вѣчно громъ гремитъ; время и обсполицельства измѣняючися, а съ нимъ и люди: « време се меня, а и мы у времену;» а поиному Сербы могли лъснить себл хонь ощаденою надеждой на лучшіе дни, чио усилия ихъ когда-нибудь да увѣщаючися: «ни е иссреще безъ среще. «По глядѣшъ равнодушно на сираданія ближнихъ своихъ, на испребленіе огнемъ и желѣзомъ своей ощицизы, бысть невольникъ у себл и изъ-за своего доброго: «себи орешъ, себи сеесъ, себи влачишъ, себи чешъ и жешъ:» это невыносимо, это не въ духъ Серба: «чегъ око не види, сердце не жели.» Да и чио прілпнаго могла въ себѣ заключашь для нихъ жизнъ, чѣмъ могла она маниить ихъ къ себѣ, когда имъ нельзя уже было жиць болѣе по правдѣ ощцевъ своихъ? О, коли шакъ, не доспавайся же мое добroe ни миѣ, ни моему злодѣю; умру, но побратимъ мой отмститъ за меня! Лучше бышъ обречену на вистъ лицу, видѣть смерть со всѣхъ споронъ, чѣмъ служитъ на своемъ пепелищѣ невѣрному, губиллю родины: «лѣпше е злато и попошено, пежели сребро изнова ковано....»

При шакомъ положеніи вещей, при шакой бурной,

мятежной, обставленной всеми ужасами и гибелью, жизни, когда всякой говоривалъ о своемъ житѣй-
быть: «Онакый ми е живопѣ, као месецъ: часомъ
пунь, часомъ пражанъ,» при такой настроенности
духа цѣлаго народа, ничего неѣть удивительнаго, ес-
ли и въ Поэзіи его вы только и слышите, какъ
«громъ грми, се землл пресе,» какъ «пуцаю шопе,
дуаю приморски вѣтрове, меню дюминшки пишполе,
чесполи се войске ударау по полю широку, отъ ютра
до мрака, а одъ мрака до бѣла данка, чія гише вой-
ска, чія добива, што остало, што поплашило,» какъ
«шагони се юнакъ на юнака: бѣле руко изсѣчене, а
по пѣлу ране ноградене, то говоре, а съ душомъ
се боре, по рекше, а душу пустшие,» какъ Мусуль-
маниъ

«Пали села и бѣле вароше,
Сѣче, коле мало и велико,
Сужне хвата, по войсци ихъ дѣли?...»

Что спраниаго, если Поэзія Сербовъ вслѣдствіи
разказами о доблестіи, о славныхъ подвигахъ и смер-
тии ихъ вишлазій—«юнакъ до юнака,»—неутомимо
вышавшихся въ піеченіе цѣлыхъ сполѣшій возвра-
тились свободу своей отчизнѣ, если ихъ пѣсни преи-
мущеспенно Гомерического содержанія? Всякой на-
родъ въ своеѣ юномъ возрастѣ, при полномъ раз-
лівѣ силъ физическихъ, обыкновенно больше всего
поражающейся и увлекающейся дѣлами, въ конихъ выказы-
вающими во всемъ своеемъ блескъ эпохи сила. Придайте
сюда естественную склонность человѣка увѣко-
вѣчивать свои и своихъ ближнихъ подвиги, же-
ланіе жить въ памяти пощомсцва, и, напослѣ-
докъ, если еще народъ пышаетъ отъ природы:

любовь къ Поэзіи, что послѣ эшого очень поняшио, что онъ, въ шакомъ возрасшѣ своей жизни, всегда чуждомъ высшей гражданственности, но за то всегда почши дѣятельномъ, разнообразномъ, кипучемъ, могъ имѣти не иначе исторію своего бытія, какъ только пітическую, раподическую, въ отдельныхъ национальныхъ пѣсняхъ, а Поэзія его должна быть непремѣнно историческая, героическая, оправдающая въ себѣ весь огонь, весь пыль, все мощное, славное его прекрасной юной жизни. Пошому характеръ Сербскихъ пѣсень предпочитительно—Эпический. Эшо въ полномъ смыслѣ народная Эпопея и по своему содержанію,—богатырскимъ подвигамъ Сербскихъ юнаковъ,—и по нравамъ ихъ, какъ представителей цѣлаго народа, и походу и пріемамъ своимъ, и по языку, проспому и мѣстѣ живописному, пластическому, съ его образами, сравненіями, уподобленіями, повинопрепіями, и т. п. Вспомнишие тутъ еще и то не маловажное обстоятельство, на первый взглядъ, правда, кажущееся пустымъ, но по соображеніи и дальнѣйшемъ его разсмотрѣши, чрезвычайно многоцѣнное, именно, что разрозненныя частии, или лучше, пѣсни, изъ коихъ послѣ рука искуснаго художника (или художниковъ) составлещъ одно правильное цѣлое, одолженный началомъ своимъ, оди— самимъ дѣйствовашелъ, ихъ соучастникамъ, другія—кому-нибудь изъ среды самого народа, сложенные, нерѣдко, па мѣстѣ событія, и сославляющія каждая какъ бы особую поэму, что каждая изъ этихъ пѣсень поется людьми, образующими собой отдельный, самобытный классъ въ народѣ, для ко-

ихъ онъ—все доспояніе, все имущество, берегущими ихъ яко цыничу ока своего, и передающими изъ рода въ родъ, какъ свое наслѣдіе. Эти люди въ древности, напр., у Грековъ, известны были подъ именемъ *рапсодовъ* 1), люди простые, бѣдные, большою частію вмѣстѣ съ шѣмъ музыканты и пришомъ слѣпцы, бродившіе поодиночкѣ всю жизнь свою отъ селенія къ селенію, отъ города къ городу, распѣвали на многоязычныхъ собраніяхъ, праздникахъ, играхъ, торжествахъ, и т. п., известныя имъ пѣсни и перенимая для той же цѣли неизвестныя еще у подобныхъ себѣ и у самого народа, даже нерѣдко и сами соспавляя новыя; у Славянъ, именно у шѣхъ, жизнь коихъ представляла къ тому случай, у Южныхъ Руссовъ или Малоросіянъ (Украинцевъ), они назывались и называются *бандуристами* 2), а у Сербовъ просло — *слѣпцы* 3). Они тоже дѣлаютъ, что и Греческіе рапсоды, и ведутъ такую же точно скитальническую жизнь, соединяя пѣніе съ музыкою: это въ полномъ смыслѣ Гомеры, будстели вы производите имя Гомеръ отъ *διμον* (пла, вмѣстѣ) и *"ειρεω* (онъ *"ειρω*, *веро*, *consero*, *copulo verba verbis*, *διμητω*, *sum obsec*, *"Омифо;*, *obsec*), или отъ нарицатель-

1) Отъ *ραῖτω*, шью, соединяю, соиздато, обдаю, пѣсни; *ραψῳδέω*, *carmina contexto*, quasi *consuo*, — decanto, *praecrips carmina heroicis*, *epica*; *δισφῳδός*, *carminum textor*, *recitator*, *quasi conductor*.

2) Отъ инструмента *бандура*, Греч. *τραπουρά*, *τραπουρίς*, *instrumentum musicum*, *triplici instructum chords*, Лат. *pandura*, Итальян. *pandora*. *Бандуристы* играютъ также и на *кобзѣ* и *лыре*.

3) Играющіе на инструментѣ *«усы»*.

наго имена на Юоническомъ нарѣчіи *"Одигро;* (саесиа), сильець. Мы увѣрены, что изъ птицельно собранныхъ историческихъ пѣсень Сербовъ и Малоросійскіхъ человѣкъ, съ испытаннымъ поэтическимъ чувствомъ и смѣшливостію, очень могъ бы составить одно систематически цѣлое, шакое, какимъ предстаивляется намъ Иліада, могъ бы составить свою *Славянскую Иліаду.* Содержаніемъ Иліады Сербской была бы борьба Сербовъ съ Турками за независимость; предметомъ Иліады Украинской—подобная же борьба Козаковъ съ Лихами; почкой отправленія первой—несчастный бой на Коссово, второй—шакой же при Плакѣ (или же убіеніе Ни(о)дковы, иначе Серпяги во Львовѣ); изъ пѣсень семейственныхъ и т. п. можно бы образовать *Славянскую Одиссею;* и наоборотъ, изъ историческихъ пѣсень новѣйшихъ Грековъ тоже могла бы образоваться ихъ новѣйшая Иліада. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь такимъ же образомъ составились Эпопеи Индійская, Скандинавская, Нѣмецкая, Романская, и т. д. итѣ. Это народныя историческія пѣсни, распѣтавшіяся, когда-то, самимъ народомъ, а послѣ, по умноженіи ихъ, особыми пѣвцами: Браминами, бывшими вмѣстѣ жрецами, учеными, поэтами и пѣвцами, Скальдами, Бардами (не ошь Сапскрипского ли слова Барада, богиня дѣлній, дѣтеписаній?), Трубадурами, Труверами, Миннензингерами, Рансодами древнихъ, слѣпцами-инициями, спираниками новыхъ Грековъ, шакими же слѣпцами Сербовъ, эпѣваками Чеховъ, Словаковъ, Бандурыстами Южныхъ Руссовъ, и т. д. Теперь дѣло доказаніе, что Исторія каждого народа всегда начинается преданіемъ, мноами, не въ

шепрешиемъ значеніи этого слова, но въ его первоначальномъ, испинномъ смыслѣ, т. е., какъ наспоящее, дѣйствительное сказаніе о какомъ-нибудь событии, и историческими пѣснопѣніями. Такъ всѣ дикіе народы, всѣ народы, не начавшіе еще гражданскої жизни, или готовые перейти въ нее, въ этомъ періодѣ бытія своего, означеніемъ преобладаніемъ, разгаромъ силъ физическихъ, всѣ лучшія, замѣчательнышия по чему бы то ни было события своей жизни, обыкновенно стараются сохранить надолго, воспѣвали ихъ въ своихъ пѣсняхъ, копорыя, потому, съ одной стороны, въ одно и тоже время, образующіи собой разрозненные члены Эпопеи народа, а съ другой—первоначатки, основу его Исторіи, его прежилго бытія, нравовъ, обычаявъ, и т. д. Извѣстно, что древнѣйшая Исторія Грековъ, Римлянъ, Нѣмцевъ, и другихъ народовъ, вся опирается на устномъ преданіи и національныхъ героическихъ пѣсняхъ¹⁾; равнымъ образомъ и въ копорыя (*Шаффарикъ*) утверждающіе, что и въ Исторіи Славянъ самыя старѣйшия извѣстія, сохранившіяся въ писаніяхъ лѣтописцевъ, чужихъ и своихъ, почерпнуты тоже изъ историче-

¹⁾ Tacit. De morib. etc. c. 2. *Carmina unum apud illos memorias et annalium genus.* Въ другомъ мѣстѣ: *Arminius canitur adhuc barbaras apud gentes, Gracorum annalibus ignotus.* — *Пасевъ Диаконъ II. Г. I. 27.* Alboini ita praeclarum longe latetque nomen percrebuit, ut hactenus etiam tam apud Bajoariorum gentem, quam et Saxones, sed et alios eiusdem linguae homines, ejus liberalitas et gloria, bellorum felicitas et virtus in eorum carminibus celebretur.

сміхъ п'єсень народу 1). Но ни чи героїческій или епіческій п'єсні спілько не сходиться що між собою свомъ сославають, ходомъ, языкомъ (его разнообразиемъ и т. д.), оборотами, выражениями, сравненіями, подобіями, картинаами, образомъ своего появленія, распространенія, сохраненія, п'єсія, и т. д., какъ п'єсни древнихъ и новыхъ Грековъ и Славянъ, особенно Славянъ по-Дунайскихъ (Сербовъ) и Южно-Русскихъ (Руссиновъ или Малороссіянъ) 2).

- 1) Напр. извѣстіе Конст. Багрян. о пришествії Хорватії изъ Бѣлохорватії въ Иллірікъ (634 г.) подъ начальствомъ папы Кназей—братьевъ и двухъ сестеръ, извѣстія Галла и Кадлубка о Краковѣ, Вандѣ, Лешкѣ, Попелѣ, Пасипѣ, и т. д., Косьмы Пражскаго о Чехѣ, Несциора о построеніи Кіева, о походѣ Кія на Царыградъ, о правлениі трехъ братьевъ и сестры Лыбеди, о прибытиї двухъ братьевъ, Радими и Влатка, опьтъ Леховъ на Русь, о насиліяхъ Обровъ, и т. д. См. Slow. Staroz. стр. 196, 197. примѣч. 25.
- 2) Вирочемъ о новѣйшихъ Грекахъ теперъ идешъ споръ: точно ли они попомки древнихъ Грековъ, или же Славяне огречиваются? Послѣднее предположеніе, судя по всему, кажется, справедливѣше первого. На это указываетъ самая Исторія, ихъ нравы, обычаи, повѣрия, ихъ шендеренская географія, языки, п'єсни, и мн. др. По словамъ Прокопія, Приска и др. Славяне (Хорваты, Сербы, Булгары, и др.) съ VI-го ст. дѣланіи набеги и ужасно пускошили Элладу и др. части Греческой Имперіи: *Iam enim saepe Hunni, Antae et Sclavini trajecto fluvio (Danubio) Romanos pessime foedissimeque vexarant. Procop. de bell. Goth. L. III. c. 14. Slavisata fuit universa regio (Peloponnesus, εὖδλαβων τῶσσας η̄ χώρας) ac barbara effecta (καὶ γέγονε βαρβαρός), quando pestilens morbus in omnem terrarum orbem grassatus est, quo tempore Constantinus Copronymus Romanorum imperii sceptra rexit. Itaque quempiam e Peloponneso oriundum de nobilitate sua, ne dicam ignobilitate, gloriantem, Euphemius, illustris ille Grammaticus, cavillatus salse fuit hoc trito et pervergato senario (jambo):*

Вотъ почему всѣ, изучавшіе основательно Сербскія пѣсни, начиная съ первого собирашеля и издашеля ихъ, славнаго Вука Стѣфановича, до иностраннѣыхъ переводчиковъ: Гергарда, Гримма, Вегзели, Тальве (дѣвицы Терезы Якобъ, теперь Г-жи Робенсонъ). Боуринга, Гжи Э. Воярпъ, равно какъ и единоплеменныхъ (иѣкоторыхъ только пѣсень:) Челяковскаго, Ганки, К Бродзинскаго, Касипелица, и др., всѣ они единодушно соглашаются насчетъ эпического характера

Гарофбоидѣς ὄψις εσλαζа во мѣнѣ

Ilic autem fuit Nicetas, qui filiam suam Sophiam, collocavit Christophoro, filio Romani, egregii ac probi Imperatoris. Конст. Багрян. (De them. L. II. p. 20. Th. VI). Сравн. I. P. Fallmarayer's Gesch. d. Halb. Morea, 1830. S. 540. Hiebey ist nicht zu vergessen, dass sogar die noch griechischredenden Ueberbleihsel des Peloponnes schon im X Jahrhunderte zu Constantinopel nicht mehr als *Hellenen*, sonder als eine Bastard-Race angesehen wurde, welche die Spuren ihrer slawischen Abstammung im Antlitze herumtrage. Desswegen wurde auch ein moraitischer Archont, dessen Tochter Sophia den Sohn des Kaisers Romanus geheiligt hatte, und welcher sich rühmte, aus dem Blute der alten Peleponnesier entsprossen zu seyn, von einem Euphemius mit folgendem Trimeter bestraft: «*Ein runzliches Slavonier-Gesicht.*» In vacuam habitoribus Peloponnesum et magnam Macedoniae partem circa an. 750 Slavini immigrarunt. Конст. Багрян. (De Them. Th. 7. L. 2). Theoctistus praetor missus est ad thema Peloponnesi cum magna manu Thracum, Macedonum caetorumque thematum occidentalium ad Slavos debellandos subjugandosque. Et omnes qui-dem Slavos vicit et subjugavit. Soli Eseritae et Milengi relinquentur sub Lacedemonia et Elas. Ac quandoquidem mons illic magnus est et valde altus Pentedactylus nomine, qui cervicis instar longe se in mare porrigit, propter loci difficultatem ad latera ejus sedes posuerunt hinc Milengi, inde Eseritae. Онъ же (De Adm. Imp. c. 50). Καὶ νῦν δέ (ок. 2000 г.) τῶσσαν "Ηπειρού καὶ Ἑλλάδα σχεδόν, καὶ Πελοπόννησον καὶ Μακεδονίαν

шера народной Сербской Поззії. Напр. известный Якобъ Гrimmъ: « Was epische Volksdichtung sey, wie sie sich gestalte und fortþlanze, welche natürliche überraschende, keiner Kunst erreichbare Kraft der Ersfindung ihr zu Gebot stehe, wird man aus den Männer-und Heldenlieder der Serben studiren können, deren Inhalt Märchen, Sagen und neuere Geschichte umfasst, und sich mit den Denkmählern ferner Völker berührt (S. Gramm. S. 14, 20.) » Наиболѣе эпъ эпическихъ пѣсни распространены и употребительны, наиболѣе одолжены

Σχύλοι Σχλαβοι νέμονται Σοκράτη. Страбона. *Tschakonen* in Osten des alten Sparta, jetzt noch nur 1500 Familien, in 4 Dörfern zwischen Nauplia und Monembasia, sind aber kaum noch in einzelnen Sprach-und Wortresten Slaven. Die Namen der tschakonischer Städte *Kostanica*, *Sitina*, *Gorica* und *Prasto* sind slavisch, in ihrer Gegend ist sogar ein Ort Namens *Slabochort* (Slavendorf), und andere slavische Ortschaften in ganz Griechenland, z. B. *Kamenica* bei Patras, Коинтаръ (Wiener Lehrb. d. Lit. 1822. B. 17). **Φαλαίμεραίρε** (Gesch. d. Ilbb. Morea, Vorred. W. S. 243): Auch nicht ein Tropfen ächten und ungemischten Hellenenblutes fliesset in den Adern der christlichen Bevölkerung des heutigen Griechenlands. *Slaven, Blutsverwandts der Serbier und Bulgaren, der Dalmatiner u. Moskowiten sind die Völker, welche wir heute Hellenen nennen, u. zu ihrem eigenen erstaunen in die Stammtafeln eines Perikles u. zu Philopoemen hinaufrücken.* — Die Halbinsel Peloponnes wird seit mehr als tausend Jahren *Morea* genannt. *Moreas* ist aus dem slavischen Worte *More*, das Meer, entstanden, ist ein rein slavischer Name, welcher Küstenland, Seeland, Fläche am Mereesstrande, Litorale bezeichnet, so wie *Pomoran*. Die Moraiten des Flachlandes nannten die Bergcantone des Pentedactylos noch am Ende des 13. Jahrhunderts *Slavenland*, τὰ Σχλαβοῖς. Пукениль (Voyage dans la Grece, Т. II. стр. 191, 372) говоритъ, что племена Славянскія, обитающія въ срединѣ Греціи, по сю пору удерживаютъ много своего въ нравахъ и даже въ самой наружности, что жены Пелагонскихъ Булгаръ до сихъ поръ отличаются русыми волосами и глазами голубы-.

своимъ началомъ и совершенствованіемъ Сербамъ живущимъ въ Боснії, Герцеговинѣ, Черногорѣ и по южнымъ ѣраламъ собственной Сербіи. Тутъ вы найдете въ каждой хижинѣ, у каждого человѣка гусле, и трудно опыскать, кто бы не умѣлъ играть на нихъ; многія даже женщины и девы искусны въ нихъ. Напротивъ, около Савы и Дуная и на лѣвомъ берегу Моравы рѣдко встрѣтите гусле. Въ Сирміи же, Бачѣ и Банатѣ ихъ увидите, развѣ, только у

ми, чѣмъ Николај Чудотворца тамъ почитаютъ болыше всѣхъ. Св. Угодниковъ, и чѣмъ они и теперь еще горячтъ языкомъ Славянскими. — Всѣпъ теперешній Греческій названий урочищъ, городовъ, селеній, рѣкъ, горъ: Арахова, Баба, Бабино поле, Бардо, Борки, Бысира, Былица, Вели-гости, Верба, Вистница, Войница, Восиница, Гасини, Горица, Грабли, Градица, Гребено, Дельнино, Десница, Дошина, Добра вода, Добро поле, Езеронъ, Загора, Каменица, Клиново, Клокова, Коница, Косовица, Крабаница, Курпи, Лавка, Ледорики, Ливно, Миса, Мудрица, Ново село, Острово, Планица, Поля, Премини, Селица, Славена, Слави, Славица, Скала мосва, Тенелентъ, Тонопасъ, Тринолица, Труша, Хельмини, Хориница, Чока, Ятова. Сверхъ того въ Греціи, именно въ Этоліи, Акарнаніи, и др., озера такъ и называются, т. е. *озерали* же. — *Hr. Kopitar beweisst* (Wien. Jahr. d. Lit. 1822. B. XVII), говорить *Шафарикъ* (Gesch. d. Lit. S. 415), dass das Neugriechische mit Slawischem stark versetzt und der tschakonische Dialekt, den andere Griechen nicht verstehen im Osten des alten Sparta, bei nahe gewiss ursprünglich slawisch sey. «Въ языѣ Русскомъ, замѣчаешь склонный Глаголъ (см. Введ. къ изд. имъ Ново-Греч. народи. пѣси, стр. XXXI), — особенно Малороссийскомъ, встрѣчающіяся слова Гелленскія, и такія, которыхъ осипались въ языѣ Ново-Греческомъ, и такія, которыхъ не вошли въ него; но чѣмъ у насъ сохраняютъ они какъ значенія, иногда прямые, иногда переносные, такъ и звуки Гелленскія. Такъ слова въ Великороссіи, или въ Малороссіи употребляющіяся: *Βουγάσ*, Бугай, *Γλαύκος*, Глачникъ молочный, и отпѣду же гляганка, чамъ заѣашивающія молоко, *Κρητίς*, кризица, испочинка, *Κρύβδα*,

съпцовъ. Такъ обр. Эпической Повѣsti меныше всего благопріяпшующъ Сирмайцы, Бачяне и Банашы; Сербы на Савѣ и Дунавѣ меныше Босняковъ и Герцеговинцевъ (См. Серб. народн. пѣсни Ч. 2-я, Предисл. спр. XVII, XVIII и XIX). Такъ и быть должно: гдѣ нѣть причины, шамъ нѣть и дѣйствія; безъ случая, безъ повода къ оспличію, нѣть оспличія; нѣть героя безъ препяпшвій, затрудненій, надъ кошорыми бы онъ могъ испытать свои силы и, если можно, прео-

отъ варъчія существительное Кривда, неправда, коварство, *Λαχανον*, Лаханъ, тасть, *Μόρτωρ*, Масперъ, Майстеръ, *Σκελετος*, Скелепъ *Σκηνων*, Скинка, Скибка, щенка, кусокъ, *Τέττα*, Тато, отецъ, въ общемъ и почтительномъ выражениіи, *Χαλεπα*, Халепа, бѣды, несчастія, *Χυρος*, Хирый, хворый, бѣдный здоровьемъ, *Δρυπτω*, Драпаю, царапаю, *Μοσοω*, Мацаю, щупаю, *Χολαρξ*, внутренности, кишки: посѣднее слово для любителей гигиопезъ и толкований. Праздникъ и пѣсни *Холлды*, въ Малороссіи и теперь существующія; можно изъяснить сими *Холлдесъ*. Обыкновенно о Рождествѣ дѣлаютъ ялъ изъ свиныхъ кишокъ колбасы, *Холлдесъ*; въ эпохе время простолюдны ходятъ подъ окнами домовъ колдоватъ, такъ сказать, выращивать колбасы: ибо въ пѣсни, которую при этомъ слушать поюшь, требуютъ въ награду между прочимъ — колцо колбасы (*κιλικе ковбаскы*)^{*)}. Далѣе, касательно сходства Славян. яз. съ древн. Греч., указываемъ на извѣстное сочиненіе опца Экономіда: Опытъ о ближайшемъ сродствѣ яз. Славяно-Росс. съ Греч. З часописи 1898. Сиб., на сочиненія Г. Даниловскаго, хотя, правда, смѣлыя, мечтательныя, но тѣмъ

^{*)} Но *Холадес* (*Холаς*, *intestinum*, а *Холаως*, *bilosus*, *felleus*; *hinc τὸ Χολαον*, *hepar*, а *Холη*, *bilis*, *fel.*), кажется, имѣетъ ближайшее еще соотношеніе съ Малоросс. *Хлакали*, рубцами, т. е., кишками животнаго, напр., бараньими и тп. д., Чеш. *Flák*, *Flek*, коми мясники называютъ *kusy drobuo neb masa*, Швед. *fliuga*, *flank*, Исланд. *flycke*, Нѣм. *die Flecke*, *Stücke vom Fleisch und Eingeweiden* (см. Слов. Юнгманна).

долѣть ихъ: per angusta ad augusta; но при нихъ potest ex casa vir magnus exire. Въ названныхъ нами краяхъ Сербіи, Сербы имѣли и имѣютъ всѣ случаи къ геройскимъ подвигамъ, находясь во всегдашней почти враждѣ и испрѣзненныхъ отношеніяхъ съ Оппоманами, неменѣе ихъ воинственными, изсту-
пленными: « Кодъ еданъ зевне, зеваю и други, » и: « Уза
сухо дерво и сирово гори. » Вотъ отъ чего они богаты

не менѣе очень важныхъ въ эпомъ отношеніи.—Сходство пѣ-
сель Ново-Греч. съ Славяскими (Русскими, Сербск., Чешск., Ма-
лоросс., и др.); въ сравненіи отрицательныхъ (совершенно чу-
ждыихъ Поэзіи древнихъ Грековъ), лирч. приступахъ, упот-
ребляющихся во многихъ различныхъ пѣсняхъ съ небольшими,
иогда, измѣненіями, участіемъ предметовъ неодушевленныхъ, а
болѣе всего шпицъ, конхъ, на эпомъ разъ, снабжаютъ способ-
ностью говорить, и мн. др. — Наконецъ у древнихъ и новыхъ
Грековъ многіе Славяне занимали важные государственные дол-
жности, самыи даже престолъ, напр., Юстиніанъ В., наз. Управ-
да, 'Онтросоудъ, правда, justitia, управо, recte, juste; отецъ его
Истокъ, а Истокъ у Сербовъ—sol orientis; мать—Бигленица (отъ
bedliwy, bedlwy), Бедлинница, обращен. Латинцами въ Vigilantia
(Имя Прядѣль,—говорить Колларъ въ Выкл. ку Сл. Д.,—носитъ и
теперь еще многіе Словаки, напр., въ Пестѣ и др. м.). Василий
Македонянинъ, род. въ окрестностяхъ Оессалоникъ, былъ Сла-
вянинъ, по словамъ Араб. писателя, Гамза, изъ Испагани, въ
нач. X стол. (см. Engel's Gesch. d. alt. Pannon. u. d. Bulgar.
S. 516. 1797). Папіархъ Пикита: Anno 780 (Theophanes apud
Stritt. II. p. 82). Nicetas, genere slavus, eunuchus, Constantino-
politanus Patriarcha, diem extremum obiit.—Nicetas, presbiter SS.
Apostolorum et monasteriorum praefectus, e Slavo patriarchae
dignitatem adeptus, annis 13 mensib. 4 patriarchatum tenuit (Ni-
cepchorus ap. Stritt). Въ началѣ X вѣка Импер. Александръ имѣлъ
при себѣ двухъ Славянъ, Гавріила и Василіча, бывшихъ его лю-
бимцами, изъ конхъ последнаго назначилъ даже своимъ наслед-
никомъ. Въ послѣднюю войну Грековъ съ Турками сколько
отличилось Славяны! Многіе изъ нихъ были славными вождами
новыхъ Грековъ: Бочарис (Бочарь), Грига, и др.

юнацкими пѣснями: они все природные юнаки, и рѣд-
кій изъ нихъ умираетъ на пуховикѣ. Укрывался въ
горахъ, коими устья ихъ родина, они вѣчно прево-
жатъ поклонниковъ пророка своими отважными вы-
лазками, спѣшашь на встрѣчу имъ какъ на брачный
пиръ, не съ голыми руками, но съ свадебными подар-
ками: «Кодѣ идешъ къ вуку на пиръ, поведи пса уза
се.» Сирмійскіе же Сербы, сославляя собой часину
Австрійскаго Государства, обезпечивающаго ихъ су-
ществованіе, вовсе лишины всѣхъ случаевъ къ уда-
тныхъ подвигамъ; прежний суровый, аїдуцкій харак-
теръ ихъ, теперь смягчился, понерялъ всякую упру-
гость и энергію, необходимыя условія героизма, по-
низился до того, что даже «ни женскѣ народи не пѣмо-
не пѣваю, него кое-каке нове, што праве учени люде
и джици и калфе трговачке (Предисл. Вука Стеве-
ња Серб. нар. пѣси, стр. XIX). Да, omnes artes quo-
tidiano usu et jugi exercitio proficiunt (Veget L. 2),
или, какъ говорятъ сами Сербы: «Гды е месо, памъ
су пси....» Отсюда понятно также, почему юнац-
кія пѣсни поютъ исключительно одни только «люди
средовѣчнii 1) и спарци (рансы),» наиболѣе съ
штою цѣлію, «да други слушаю,» и потому особенно
обращаютъ вниманіе не сполько на голосъ, на пѣнье,
сколько на самую пѣсню, ея содержаніе. Между
шѣмъ, какъ въ пѣсняхъ женскихъ (любовныхъ, обряд-
ныхъ, и т. п.), которыхъ и у нихъ, какъ и вездѣ, все
дышатъ Лиризмомъ, и далеко успушають въ числѣ

1) Особенно «айдуци», которые «ими на япаку даню леже у по-
тапи, а по сву хоти шю и пѣваю узъ гуси» (Предисл. къ Серб.
нар. пѣси, стр. XXXIV).

первымъ (потому что при пакомъ грозномъ положеніи жизни Сербовъ, имъ было не до женъ, не до домовитости, не до общеспівенності, «больше думая о юнаштву, него о любовѣ»), болѣе смотрялъ на «пѣванье, него на пѣсму,» и поютъ «найвише по двое у еданъ гласть ради свога разговора (Тамъ же, стр. XVII.) 1.)» Юнацкія пѣсни чрезвычайно прослы; но вмѣстѣ съ пѣмъ рѣзки, разительны, богаты внезапноешио, неожиданностью обороповъ; въ нихъ мало чуствъ возвышенныхъ, зато много, больше чѣмъ много, изящныхъ образовъ, и сравнивая съ Малороссійскими Думами, уступаютъ эпѣмъ послѣднимъ въ силѣ, драматическомъ движениіи и разнообразіи картины піипническихъ, потому что дѣйствіе въ эпѣхъ Сербскихъ пѣсняхъ всегда почти разсказывается, излагается, а не предспавлеліся на самомъ дѣлѣ, какъ это бывасиъ въ Южно-Русскихъ. Эпическая ткань первыхъ своимъ составомъ больше подходитъ къ Одѣ, Героидѣ, хотя иерѣдко и онѣ начинаются драматическимъ вопросомъ, (иногда и аллегоріей), между тѣмъ какъ въ послѣднихъ видишъ вездѣ и во всемъ Драму 2).

1) «Женске се пѣсме данасъ слабо спѣвато, осимъ што дѣвойке канапо прнѣеваю момчадма и момчадъ дѣвойкама (Тоже, стр. XXXI).»

2) Les événemens de ces récits se dessinent avec netteté comme dans les œuvres des poètes helléniques. Mais il a manqué aux chanteurs Serbes ce sentiment dont les Grecs étaient doués: l'ideal. Jamais la beauté des formes, la grâces des proportions, la noblesse des contours, l'unité de la composition, éternelle gloire des compatriotes de Sophocle et de Pindare, n'a caractérisé les œuvres naïves de cette nation agricole, говорить неизвѣстный сочинитель статьи: *Poésie populaire des nations slaves* (въ North American Review,

VI. Прежде нась уже было другими сказано, хоть и недоказано, что отличительный признакъ пѣсень Сѣверныхъ Руссовъ (Великороссіиаго) составляющъ глубокая унылость, величайшее забвеніе, покорность своей судьбѣ, какое-то раздолье и плавная прошаженность. Опѣчь чего же эпо? Тушь много было причинъ, выработавшихъ этоюпъ характеръ Русскихъ пѣсень; впервыхъ вспомнише мѣсто жительства, эпопѣя хладный, угрюмый Сѣверъ, съ его пасмурнымъ небомъ, съ его мрачными, дебристыми лѣсами, необозримыми шапками и болотами, Сѣверъ, — царство зимы, выюгъ, мячелей и бурановъ, его ми-

переведеної въ *Revue Britannique* 4° s rie, tome 7-e, 55-e livraison, Janvier 1851, p. 47). Но причину этого онъ уже самъ сказали выше (стр. 46), говоря: «On y voit toute l'existence de la soci t  dans les  poques patriarcales; les po tes qui les sont cr  s sont inconnus. Quiconque a ressenti, l'inspiration, l'a r  pandue   son tour: acceptant une histoire donn e , par les traditions, d j  rev  tues de formes po  tiques et enrichies de circonstances merveilleuses; il l'a communiqu e    ses auditeurs, ou l  gu e    ses descendants. Ceux-ci ont fait de m me; et, de po te en po te, le chant national s'est perp  t  , se chargeant d'ornemens nouveaux, de variantes et m me de contradictions. Une verve s conde anime ces oeuvres quo tout un peuple et des g n rations nombreuses ont compos es   frais communs. Mille  pisodes sont venus s'adapter au r  cit principal et en diversifier l'unit . Souvent ces divers rameaux s'enlacent et forment comme une forêt do po  sie, pleine de fraicheur et de charme.» Онъ же прибавляетъ: «Certaines tournures et certaines images fr  quemment r  p  t  es rappellent la po  sie des Grecs modernes. En Gr  ce, et sp  cialement en Mor  e, les races grecque et slavonne se sont confondues pendant le moyen  ge. On doit aussi porter en ligne de compte l'identit  de culte entre les Serbes de l'Eglise grecque et les Hell  nes modernes.» Это говоритъ также въ пользу большаго сходства какъ самыхъ новѣйшихъ Грековъ съ Славянами, такъ и ихъ пѣсень съ пѣснями послѣднихъ.

молепную весну, короткос лѣто, его осень, ко-
торая ужаспѣ зимию южной. Далѣе вспомнишь скудость, бѣдность природы, ея почти повсемѣстную
равнинность, прерываемую только изрѣдка, кой-гдѣ,
небольшими холмиками, нагорностю, извѣстной подъ
обыкновеннымъ названіемъ плоской возвышенности,
и наконецъ спрасшую привязанность Сѣверного
Русса къ отдаленію себя отъ всего существующаго,
къ какой-то забывчивости, такъ молвить, къ отвлечению
отъ мира дѣйствительного, его неокончательно вы-
ражашу обстоятельства и события этого послѣд-
няго, отъ коихъ зависитъ замѣчательный переломъ
въ судьбѣ человѣка, какъ члена гражданского общес-
тва. Этъ-то причины условили теперешній характеръ Сѣверо-Русскихъ пѣсень: мрачность, суровость,
уныніе Сѣвера навели и на пѣсни Сѣверныхъ Руссовъ
эту унылость, тѣмноту, соспавляющія ихъ необ-
ходимую принадлежность. Однообразіе и скучность
природы, безъ горъ, утесовъ, скалъ, пропастей, водо-
падовъ, безъ этихъ дикихъ, спрашныхъ, по возвы-
шенныхъ, мощныхъ явленій, грозно-величественныхъ,
прелестныхъ въ самомъ ужасѣ, лишило ихъ поэти-
ческой картиности. И хотя онъ дружень съ своей
природой, любитъ себя окружашъ ею, описывать ее,
нерѣдко усиливая краски, но при всемъ томъ не
позволительно было бы требовать отъ Поэзіи Сѣ-
верянина, чтобы въ ней были:

..... полуцветные розы,
Душистые, лимонные лѣса,
Зеленый миръ и виноградны лозы,
И синія, какъ яхонты, небеса....

Здѣсь житель ни въ чёмъ невиновашъ: каюха природа, шаковы и краски: « по неволѣ къ полю, коли лѣсу нѣшь. » Руссия Съвера остался при своемъ, чѣмъ судьба послала ему на долю; вслкому зерну своя борозда: такъ точно вслкому человѣку и народу свой участокъ въ жизни человѣчества. А оставилши при выпавшемъ ему жребіи, онъ, такимъ образомъ, остался вѣренъ самому себѣ, проливъ своею жизнью то, чѣмъ ему опредѣлено было пролившь; онъ не спѣшилъ жить по заморскому, а сиѣшилъ собой бытъ. Разумѣется, онъ въ гражданской дѣлительности никому не уступишь, ни своимъ соплеменникамъ, ни другимъ народамъ, сосѣдямъ и несосѣдямъ; шолько на позорище ел онъ смотрѣть своимъ глазами, имѣющими о ней свои собственныя понятія, не бѣжитъ на рѣспалище ся, подобно прочимъ, опрочемъ, сломя голову, напропивъ, при своей умѣренности и благоразуміи, при своемъ здравомъ смыслѣ и незаносчивости, при своимъ довольствіи малымъ, что Богъ послалъ, и отсутствіи нахального, безсмыслица піцеславія, онъ расправу чинишь, рядъ рядишь, судъ и правду весни предоспавляешъ своимъ Придержащимъ, своимъ Вѣнчанимъ главамъ, къ коимъ искони опиличался онъ своей вѣриносшю, преданиосшю, своей безпредѣльной любовію: «вѣра Володарю — заборало Руссии. » Послѣдніе дѣйствовали умно, хищро, съ величайшей прозорливосшю и знаніемъ дѣла, съ удивительной стойкосшю, півердосшю и осмошришельносшю на опасномъ, скользкомъ політическомъ по-прищѣ. Онъ на этомъ шумный, устяанный скалами и подводными камнями, театръ глядитъ, безъ со-

мишнія, не какъ на чуждый себѣ міръ, но какъ на шакой, кошорый не его сфера, не за обычай ему, на копоромъ дѣйствующій для его и общаго всѣмъ блага Володѣющіе имъ; а попому онъ счишаєшъ не-приличнымъ, чуждымъ себѣ, не дѣломъ проникающій въ шайныя, сокровенныя причины и цѣль предпріятій Водившихъ его на поля бишивъ, будучи увѣренъ, что все это необходимо для счастія его родины, что съ его стороны требуется одно орудіе, предан-носинь, довѣріе, послушаніе и ревноспное выполне-ніе вельній своихъ Государей.

И такъ онъ пѣсниѣ сдружился съ своимъ семей-нымъ бышомъ, охопище оспаешся въ своеимъ семей-номъ кругу, въ своеимъ подручномъ мірѣ. Тушъ, без-отчепно предаваясь покорносипи Судьбѣ, съ дѣлскою гоповностію и незлобіемъ склоняя свою главу предъ ся вельнілми, предоспавляя все въ мірѣ и самаго се-бл ся распоряженіямъ, онъ занимаешся, интересуещ-ся однимъ, окружающимъ его, однимъ шекущимъ, суетищимъ въ эломъ мірѣ и воспѣваешь его въ сво-ихъ пѣсняхъ, попому чѣпо въ немъ только одномъ моженіи свободно высказаться его душа. Такова ужъ природа человѣческая: что занимаешъ, шевелишъ че-ловѣка, чѣпо по немъ, то для него мило, что онъ и холишъ и забошился упрочить, передать другимъ, сдѣлашъ извѣстнымъ, увѣковѣчишъ чѣмъ бы шо ни было, пѣснию ли, разсказомъ, или инымъ обра-зомъ: «гдѣ болыцо, шамъ рука, гдѣ мило, шамъ глаза.» Таковъ ходъ жизни Сѣвернаго Русса, из-шари заведенный, опть кошораго онъ никогда не

опишуаешь, свято исполняя уставы ощцовъ, освавляя ихъ навсегда неприкосновенными, завѣшными: « Будь по спарому, какъ поспавлено. » Въ этомъ же спародавнемъ образѣ жизни и была, конечно, должно искать и причинъ богатства Сѣверо-Русса пѣснями бытовыми и т.п. Въ нихъ Поэзія его есть чистое, вѣрное выражение его жизни, шой самой, какую изжили его отцы въ годы прежній, времена спаробышия, первоначальныя, какою и теперь живутъ ихъ потомки: иныхъ звуковъ и пѣсень, повторяясь, нельзя было ожидать и никто не вправъ домогаешься. Опсюда, обыкновенное содержаніе пѣсень Великорусскихъ: удалой, доброй молодецъ лихой дѣвица, свѣтъ-радость, душа-красна дѣвица, попеченія, « заботы » о своей « любви откровенныя, нерѣдко отзывающіяся всею просплюю первобытнаго состоянія, « сравненія съ березою, сосною, съ голубушкой, утицей, » бѣлой лебедушкой, сизымъ орломъ, лснымъ соколомъ, и др. предметами своего, не очень богатаго природой, міра. « Въ Русской пѣснѣ парень да дѣвка, » или « по копорой улицѣ идешь, про ту и пѣсенку поешь, » говоришь Русская пословица, лучше всего характеризующая Русскую пѣсню. Если Русскій прибѣгаешь къ природѣ, то онъ рѣдко спарагаешь передать ей жалобы, свои стынованія, чувствованія и думы, и, такимъ образомъ, дѣлъся съ другимъ своимъ горемъ, облегчипъ грудь отъ подавляющей ее тягости. Большею частію въ шакомъ слушаешь вѣщіе разсѣяться, описывать окружающіе его предметы, и т. д., часто довольствуясь просплю копировкою, или же,

что́ всего обыкновеніе, разсказомъ, повѣстованіе. Взглядъ его, такъ сказать, скользиши по природѣ, не проникаешь вглубь; отъ того описанія его больше всего поверхности, какъ бы мимоходомъ шбросаны, иногда прикрашены; но всего чаще онъ ищется забвѣнію, и, зажмутивъ глаза, закрывъ ухо рукою, склонивъ голову на спорону, хочешь распѣряться въ своихъ пропажныхъ, заунывныхъ звукахъ и ѿреливахъ: въ полномъ смыслѣ слова—заливается. Отрицательныя сравненія, столько любимыя, повсемѣстныя въ пѣсняхъ Сѣверо-Русскихъ, суть шакже, если не ошибаемся, плодъ обыкновенной настроеніости, обыкновенного состоянія духа Сѣверо-Русса, уловленного его географіей, исторіей и образомъ жизни и быта. Извѣстно, что люди характера меланхолического, задумчивые, унылые, любящіе уединяться въ самихъ себѣ, или же искашь разсвѣнія, облегченія въ забѣгчивости, оплакиванія отъ окружающаго ихъ. Привыкнувъ къ лишеніямъ и поперямъ, они обыкновенно мало обольщаются себѣ заманчивыми надеждами, воздушными замками, не *vergant in tempore contra spem*, но вмѣніе съ Римлянами говорить: *aevienti fortuna ait apertus submittendus*, и потому, отказывая себѣ во многомъ, незамѣтно пріучаются и смируясь на большую часть, такъ сказать, отрицательными глазами, и выражаясь о немъ отрицательнымъ же образомъ. А кто не знаетъ, чего стоять Русскому добытому имъ кусокъ хлѣба, какихъ усилий стоили ему борьбъ съ его скудною, небогатою, скрупульной природой, съ его суровымъ, грознымъ Сѣверомъ? Въ чёмъ онъ и принужденъ отказывать себѣ, вѣчно

сражалсь однимъ шерпѣніемъ своимъ и стойкостью
съ эшимъ непобѣдимымъ исполиномъ? ...

Напротивъ, историческими пѣснями Великороссіи-
ничь небогашь. Причины этого заключаются, какъ
уже было выше замѣчено, въ его образѣ жизни и
была и, кромѣ того, въ его природной скромности:
онъ не любилъ, подобно многимъ прочимъ, хвастать-
ся своими подвигами, менѣе суетенъ и пищеславеть:
« было и быльемъ поросло » Но чтобы вовсе не бы-
ло у него такихъ пѣсень, этого нельзѧ сказать: из-
вѣсно собраніе ихъ, сдѣланное Украинскимъ Коза-
комъ, Киришай (Кирилломъ) Даниловымъ, зашедшемъ
на Великую Русь, особенно скипавшимся по Сиби-
ри и распѣвавшимъ сшаринныя исцорическія пѣсни,
равно какъ и ожносящіяся къ его времени, т. .,
къ послѣднимъ годамъ XVII и первымъ XVIII спр.
Въ иѣкоіорыхъ изъ этѣхъ пѣсень историческія со-
бышія перемѣшаны съ числыми вымыслами (о Гла-
димирѣ В. и иѣсколькихъ его богатырехъ), другій же
просто исторического содержанія съ небольшими
украшеніями и выдумками. Въ нихъ, большей ча-
стію, голый, но естественный, прелестный своей
безыкусственностию, разсказъ, кой-гдѣ съ неза-
шѣйкою живописью, проспымъ, обильными ювто-
реніемъ, описаніями, частымъ унешребленіемъ однихъ
и тѣхъ же любимыхъ выражений, оборотовъ словъ,
съ многосоюзіями, и т. п.

Впрочемъ, правила имѣютъ исключенія. Нельзѧ же,
чтобы жизнь человѣка-Сѣверянина не взыгрывала
когда-нибудь значительного потрясенія, шѣмъ бо-

лье жизнь цѣлаго общества, народа въ гражданскомъ сословіи, столько вѣковъ жившаго собственною, самостоятельною жизнью. При всемъ однообразіи жизни Сѣверныхъ Руссовъ, выпадали мгновенія, въ коих и они цѣлою массою разыгрывали драму: холода Сѣверная кровь возмущалась, шекла кипучей спруsei въ ихъ упругихъ жилахъ, сердце горѣло сѣрнымъ огнемъ, и они, мощнымъ взмахомъ руки своихъ, разили дерзкихъ, осмѣливавшихся нарушать ихъ спокойствіе, посягать на ихъ благо. Мы разумѣемъ здѣсь времена Грознаго, эпоху междуцарствія и самозванцевъ, гражданскихъ и др. измѣнений Петра Великаго, нѣсколько лѣтъ изъ царствованія Екатерины II-й, и, наконецъ, славный 1812 годъ; придайши еще сюда опидѣльную жизнь Великаго Новагорода, его меньшаго браца, Пскова, Войско Донское, и пр. п. Тупъ жизнь ихъ, шакъ молвить, драматизировалась, а потому и въ пѣсняхъ, относящихся къ эпимъ временамъ, замѣтно, хоть не вездѣ, что-то драматическое, болѣе движенія, разнообразія, болѣе дѣйствія, болѣе жизни. Несмотря, однако же, на эпіи эпизоды, главное положеніе о пѣсняхъ Сѣверныхъ Руссовъ осipaется неизмѣняемымъ: это Поэзія не борьбы духа съ рокомъ, но покорности его своей судьбѣ, *ita tamen, ut flectatur, non frangatur.* Описюда Сѣверо-Руссъ охопнѣе осipaется въ своеемъ семействомъ кругу, ищетъ въ немъ наслажденій, отдохновенія послѣ неравнаго боя съ своей Сѣверной Природой, и пр. д., воспѣвающъ его, но всегда чаще предается глубокому унынію, или же, съ шоски, беззапрещному разгулу, просторному раз-

долью, ощаленному самозабвенію, и, сшараясь отдалившись отъ окружавшаго его, ищетъ потеряніе въ промежныхъ плавныхъ звукахъ, попопить въ нихъ и свое горе и себя горемыку. Это Поззія — поэтически описательна, въ коей вездѣ видиша разсказъ и вмѣстѣ рядомъ съ нимъ описание, но дѣйствія, драматического изложенія предмета, почти нигдѣ, или, по крайней мѣрѣ, очень мало.... 1)

VII. Совсѣмъ другое — народная Поззія Южныхъ Руссовъ (Украинцевъ, Малороссіянъ), Поззія всѣмъ своимъ соспавамъ, внутреннимъ и вѣнчаниемъ, е *diametral* противоположная Поззіи Руссовъ Сѣверныхъ. Да иначе и быть не могло. Изъ всѣхъ Славянскихъ именъ Сѣверные и Южные Руссы — самые несходственные между собою, не смотря на одинаковость ихъ

1) Для желающихъ знать, что думаютъ о нашихъ пѣсняхъ иностранцы, выписываютъ характеристику ихъ, сделанную сочинителемъ упомянутой выше статьи: Poésie pop. etc. «Quant aux chants populaires russes qui ont aujourd’hui cours parmi le peuple, la plupart datent d’une époque peu éloignée et n’offrent pas le même intérêt qui s’attache aux vieux chants épiques ou aux contes des fées en prose, dont les nourrices de ce pays amusent leurs nourrissons. La plupart disent les espérances et les peines amoureuses, plus souvent encore les desirs sensuels du paysan russe.... Fidèle au génie des Slaves, cette nation chanteuse a ses romances de naissance et de funérailles, de mariage et de baptême: elle enlace toute la vie, le berceau et le tombeau, d’une longue guirlande de chants naïfs. Souvent les allusions que ces ballades contiennent se rapportent à des circonstances religieuses de l’ancien paganisme, qui ont cessé d’être intelligibles. Souvent aussi, mutilées et altérées à travers les âges, elles offrent un mélange de toutes les époques (‘Или же итени этого не поглощены?’), mélange fait pour déconcerter l’historien et l’observateur.—Il y a dans toutes ces compositions populaires, un caractère de grâce caressante, une multitude d’épithètes et de diminutifs de tendresse

общаго названія, названія, обращая вниманіе на происхожденіе ихъ, въ испинномъ смыслѣ совершенно чуждаго какъ пѣмъ, такъ и другимъ, перешедшаго на нихъ совсѣмъ отъ другаго народа, неизвестно когда сильно дѣйствовавшаго на нашемъ Югѣ и владѣвшаго шамошими Славянами (См. С. О. и С. А. 1835 NN 37, 38 и 39.). Но сколько Сѣверъ и Югъ различаются одинъ отъ другаго, столько различаются другъ отъ друга и ихъ обицашели: пусть географическое имя какъ нельзя больше согласуется съ этнографіей обоихъ изъ нихъ. Такой разладъ въ свойствахъ этихъ Руссовъ и ихъ Поэзіи происходитъ отъ ихъ происхожденія, разности и спранъ, ими занимаемыхъ, и разности ихъ исторической и бытовой жизни и прочихъ постороннихъ обстоятельствъ, сюда прив-

qui ne se retrouvent chez aucun peuple (Это свойственно пѣснямъ всѣхъ Славянскихъ племенъ). Les mots *matouchka*, *batouchka*, *starinka* (mon petit père, ma petite mère, mon petit vieillard), son souvent appliqués même à des objets inanimés. Le dictionnaire des amans russes est d'une grande opulence, quant à ces termes de caresses naïves, de tendresses enfantines, et de délicatesse érotique (Н это также обще всѣмъ пѣснямъ Славянскимъ). «*Ma petite lune, ma lune brillante, mon petit soleil*» sont des expressions très vulgaires. Le paysan appelle sa jeune maîtresse *yagodka*, ma petite grosaille. *Douchynka* et *machynka*, ma petite âme, mon petit trésor (?!) sont très employés. A ces expressions caressantes se joint une mélancolie secrète et sans amertume qui s'accorde très bien avec les mélodies rêveuses (?) des chants nationaux, et qui se mêle à la sensualité dont nous avons parlé. Les airs primitifs des autres nations se composent d'une ou deux notes. Les Russes ont des mélodies tout entières pensives et élégiaques, mais toujours agréables.—Dans un grand nombre de ballades, on voit dominer la vénération pour le czar, sentiment qui se mêle aux émotions profondes de la piété populaire, et qui va jusqu'au dévouement le plus complet.... (смр. 54—56).

шекшихъ вслѣдствіе различныхъ причинъ и дѣйствій. Вспомните Югъ Русскій за девяты и болѣе предъ эшимъ вѣковъ: вѣчныя, безсмысленныя ссоры и драки его князей между собою за какой-нибудь пустой участокъ земли и т. п., довели ихъ до крайняго ослабленія и передали первенство на нѣсколько времени Сѣверу, пока и онъ, опѣтъ тѣхъ же причинъ, не разстроился и не потерялъ его, и, наконецъ, оба не сдѣлались добычей Монголовъ и Татаръ. Народъ не бралъ къ сердцу ихъ сченовъ между собою, не интересовался ихъ выгодами и потерями; ему все равно было пустошишь землю, взявшъ на щитъ городокъ, и т. п., подъ сплѣтомъ ли Олеговичей или Мономаховичей. Это была дѣятельность, несклонившая въ свою пользу сердца раппавшихъ, дѣятельность, такъ сказать, машинальная. Доказательствомъ тому то, что народъ не починилъ опѣтъ усобицъ ни одной своей пѣсней, никакимъ почти преданіемъ, ни малѣйшею, хоть бы глухою, темною, ошадленною молвой. Онъ ихъ предаль забвенію, какъ недосшойное имени Русскаго, чего не могло бы бытъ, если бы онъ бралъ въ нихъ сердечное участиѳ; напротивъ онъ сохранилъ въ своей памяти, передаль позднѣйшему потомству въ своихъ разсказахъ и пѣснѣніяхъ дѣла предковъ гораздо древнѣйшей эпохи, кошорыя, почему бы ино было, занимали его, дороги были ему своей цѣнностью (напр. пѣсня о построеніи Кieва, многія пѣсни о дѣлахъ Владимира В., и т. п.). Но когда полчища Батыя положили, напослѣдокъ, конецъ междуусобной борьбы Сѣвера и Юга Руси, что первый съ покорностию

повиновался своей судьбѣ. Князья его, сперва лаской и кольнопреклоненіемъ задобривали къ себѣ Хановъ; потомъ, когда и ихъ пресноль стала колебаться отъ внутреннихъ несогласій и междуусобій, В. Князья Московскіе стали употреблять къ своему освобожденію изъ-подъ Азіатскаго ига политику, въ коіорой они были очень скѣдущи и опыты. На-противъ Южные Князья, безпрестанно пѣслимые, съ одной стороны, закочевавшими слишкомъ близко къ нимъ Татарами, съ другой Лишовцами, двигавшимися изъ среды мрачныхъ Бѣлорусскихъ лѣсовъ, напрасно силились противостоять могучимъ своимъ врагамъ: имъ и политика не помогла, и они должны были безмолвно споконъ свою участіе — бытъ данниками, пока мало помалу не перевелись. Но народъ не попирѣль, чтобы прекрасная его земля оспалась навсегда за погаными: *Melius frangi, quem flecti,* или, говоря его же пословицей: «Або добуть, або дома (въ господѣ) не бутъ. Лучче въ землѣ плѣты,ижъ Татарѣ служиты.»... Еще въ прежніхъ схваткахъ и битвахъ съ Печенѣгами, Половцами и пр. Азіатскими ордами, безпрерывно нападавшими на Русичей, коротко ознакомившись съ ихъ наезднической сиспешной войны, нѣкоторые изъ среды ихъ, сберегая лучшее благо человѣка, съ непримиримой местью въ душѣ къ разорителемъ своей родины, удалились, разумѣвшія, прежде всего въ дремучie при-Днѣпровскіе лѣса, какъ первый и самый, ближайшій припонъ. Но не находя и здѣсь вѣрного убежища, спустились внизъ по Днѣпру и засѣли на его многочисленныхъ, уютныхъ островахъ, срубили

себѣ Сѣчь на острівѣ Хортицѣ (кажеся первая Сѣчь), по томъ противъ Каменщаго затона (недалеко отъ Никополя, на правой сторонѣ Днѣпра: Сѣчь Никитинскага, Мыкытына застава, ригг, перевізъ), далѣ Тышлицькую Сѣчь (при Днѣпровскомъ пропокѣ, Тышлыкѣ, пониже Хорпицы? при Ташлыкѣ, впадающемъ въ Синюху? за р. Саксаганомъ, по сказанію Симоновскаго? или же гдѣ индѣ, по близоспѣ Днѣпра), при устьѣ Бузулуга, и т. д. Ишамъ, въ окопахъ (родъ небольшихъ укрѣплений и т. п., по обоимъ берегамъ Днѣпра по Лыману, и въ другихъ угодныхъ мѣстахъ), окруженныхъ валомъ, рвомъ, частоколомъ, имѣлъ передъ ними, когда нужда требовала, шаньци, рогашки, или берлоги, западни, попаенные входы и выходы, могилы, маяки, пушки, словомъ все, чѣмъ только можно было обезпечить ихъ отъ нечаяннаго нападенія, гдѣ только можно было держаться, равно какъ и въ шемныхъ окрестныхъ лугахъ, особенно въ Великимъ лузѣ (льсь, покрывающемъ низменныя мѣста: собственно занимающемъ собой весь лѣвый берегъ Днѣпра отъ устья р. Конской воды, впадающей въ Днѣпръ, внизъ къ Черному морю, между Днѣпромъ, Азовскимъ моремъ и его заливомъ Сивашемъ), Чорномъ (между большимъ Ингулемъ и Телункой), Мотричкомъ (подъ Чигрина, по Тясмину и Днѣпру вверхъ), Лебедицомъ, Майдановомъ, Стебловомъ (между Днѣпромъ, Ингулемъ Тясминомъ, Росью, Бугомъ и Тилигуломъ) лѣсь, и др., за Днѣпровскими порогами и на нихъ, въ Дикомъ полѣ, и т. п., безопасные отъ всѣхъ поисковъ и ярма чужеземнаго, соединились между собой, куда и какъ лучше и вѣрнѣе направлять свои

иабъги. Дружина эшихъ *Бурлакъ*, *Гайдамакъ*, несмоля на ихъ холосную жизнь (женамъ шушъ не было мѣста ни по времени, ни по обстоятельствамъ, ни по мѣсту, ни по образу жизни), не уменьшалась, по день со дня увеличивалась все болѣе и болѣе приходомъ новыхъ смѣльчаковъ, досадовавшихъ на приступи Татаръ, Липовцевъ, Поляковъ, и др. Вѣроятно, также, къ нимъ, по временамъ, присоединились и разрозненные, бродившіе безъ пристанища, племъ и сямъ, оспапки Половцевъ, Торковъ, Берендейевъ, и и. и., которые, какъ малочисленнѣйшіе и ниже образованіемъ *Русичей*, слѣдовали во всемъ примѣру эшихъ послѣднихъ: принимали ихъ вѣру, нравы, языкъ, и ш. д., и, так. обр., нечувствуя перерождались въ *Русичей*. Окруженные, осаждаемые со всѣхъ сторонъ, ворогами: съ Сѣверо-Востока Монголами, Литвой, съ Юга Крымцами и Турками, съ Запада Польшей, они мужалися: никогда не зная себѣ покоя, распивая день и ночь кровавое вино на своемъ богатырскомъ пирѣ, сватовъ поими и сами ложились за землю *Русскую*, желая луцжъ потяту, пеже полонену быти. Эши чубатые всюду являлись, какъ снѣгъ на голову:

Постепахъ, по лугахъ,
По Татарскихъ земляхъ, по Турецкихъ горахъ,
По Чорныхъ моряхъ и по Лицкихъ поляхъ.

Никто не зналъ, гдѣ, когда и какъ показался эти бесспрашные:

Козакъ лежитъ на могилѣ, не думаетъ, не гадаетъ:
Стрепенувся да й полынути, вѣтеръ чубомъ грае.

Оштого ихъ молодецкая слава:

По всему свыту дыбомъ спала,
По всему свыту степномъ розлаглася, простаглася,
Да по всему свыту луговымъ гоминомъ роздалася...

Но не всѣхъ же равно могла пльнить холоспач жизнъ; природа взяла свое: многіе доспавали женъ себѣ въ своихъ походахъ, или просто призывали прежнихъ подругъ; а какъ въ Сѣчъ не впускались обавившіеся, то имъ дозволялось селившись неподалеку отъ Ковна. Изъ соединенія нѣсколькихъ куреней и хатъ этихъ послѣднихъ образовывался постепенно хуторъ, изъ хуторовъ села, и ш. д.; подвигалася далѣе и далѣе вверхъ по Днѣпру, коего оба-пола лежали въ пусноши по милости Монголовъ, они, такъ обр., сближались непримѣщно съ своими брашьлями горожанами, сами дѣлались горожанами, и образовывали незамѣтно, исподволь Козачество городское, полковое и осподлое, давая совершенно новый видъ, новую форму Ру-синаамъ, подготавляли новую эпоху жизни, не насильно, но осторожно, черезъ противоположеніе спараго новому бышу, черезъ наглядное сравненіе преимуществъ одного передъ другимъ. Литовцы не прекословили разселяться, какъ менѣе непріятные имъ, какъ уже сдѣлавшіеся христіанами, у коихъ языкъ Славянскій былъ актовымъ, судебнымъ и придворнымъ, но только съ условіемъ охранять отъ нападеній непріятелей Волынь, Подоль, Кіевъ и Черниговъ, особен"о для нихъ важные; равно и Поляки начали той же системѣ слѣдовали, позволяя раздвигать имъ свои сельбища до самаго Кіева (впослѣдствіи охотекомонные Козаки). Паконецъ, за свои услуги, «за мужество великое на браняхъ», получили нѣсколько

городовъ при Днѣпрѣ и за Днѣпромъ, и систематическое устройство, разныя привилегіи, права, штаты, и т. д. «Опполъ болъ въ силу Козаки распаху (Спар. запорож. лѣшоп.).» Этимъ переходомъ ихъ въ гражданское общество, покончился первый periodъ ихъ жизни, Бурлацтво, Гайдамацтво, и начался новый, гражданско-воинственный, въ которомъ, хотя не было уже столько раздолья и беззапрепинности, но все же воля сильна, широка, въ полномъ смыслѣ Козацкаго (здѣсь то и слово Козакъ, прежде бранчивое, коимъ Татары и подобные имъ ругали удалыхъ Русичей и освѣшили за ними навсегда, было облагорожено, возвыщено, получило совсѣмъ другое значеніе, рыцарское (какъ изъ слова Ritter, первоначально всадникъ, то, чѣмъ разумѣють подъ именемъ Рыцарь, Кавалеръ). Баторій, прозорливый, Великий Баторій, «поразумѣвал о козакахъ,» предрекъ имъ блестящую будущность: «будетъ, рече, когда-съ одѣ тѣхъ юнаковъ Рѣчь посполитая вольная (Спар. Запор. лѣшоп.).» Онъ всѣми мѣрами старался привязать къ себѣ Козаковъ, «шановавъ и поважавъ, великии дары даровавъ,» прося, чтобы они:

Зъ єго Лихамы,
Якъ зъ риды:мы братамы
Жылы,
А єму, королю Польщи, якъ боговъ,
Що жыве wysoko на небѣ,
Вѣрою и правдою служымы, »

знала всю бездонность, всю мощь ихъ воли. И эта широкая, безграницная Козацкая или Рыцарская воля, пис plus ultra развернула себя, горячими, огненными буквами вписала время своего полнаго разлива въ лѣшописи, одушевленную и неодушевленную при-

роду и память людей, особенно въ XVI и XVII в., когда Козакъ на своемъ лихомъ конѣ, далеко превышавшемъ въ быстротѣ самаго царя первыхъ (по словамъ пѣсни), когда онъ на эпомъ волощозѣ, разбывающъ, больше имъ поважаемомъ мамы, тата, сестры, брати, и не бравшій за него срибла хочъ повинную груду, съ дугообразною Дамасскою шаблею, съпавшию зраду по всѣмъ рокы, нарою мѣшкіхъ пистолівъ, съ списомъ, осиромъ якъ голочка, онъ, повитый войною, закаленный въ буесши, хмарою налепаль на бусурманівъ, грудью опрошиваю свою отчизну и религію отъ ихъ паводненія, а съ шѣмъ вмѣстѣ и осушальну Европу. Эшо была пора чести, славы и вѣсковои справы:

Сама себе на смѣхъ не давала,
Ненріяпела нида ногы покидала.

Но эта же исполнская, бездѣшия, адамантиовая Козацкая воля, еще больше, еще рѣзче обозначила себя въ войну за Восточную Церковь, въ періодъ престрашныхъ злодѣивъ, бездольныхъ годинъ, вѣсковыхъ чваръ, когда самая трава начала жалоцами, а дрово съ тугою къ земли преклонялось, когда, какъ поюшь Украинскіе рансыды, прилещѣли изъ западу гусы, явились попы съ ладоницляхъ, завязалась ужасная борьба въ Церкви и Обществѣ, стала тяжка брань, такъ чшо

Дывыпныи горе:
пошому что теперь опопчилась Вѣра пропивъ Вѣры:
Вѣра Вѣру боре!
Ожесточеніе съ обѣихъ споронъ было равное: все,

что только можешь выдумать человѣкъ въ шакомъ изступленіи самого страшнаго, смертоноснаго, вѣрнейшаго для испребленія себѣ, все это было выдумано и исчерпано до дна въ эшу религіозную войну. И піщепны, суетны были всѣ усилія Папы, Іезуитовъ и Ляховъ; Козацкая воля усполла на своеимъ, охранила Вѣру, родину и свободу:

... Пройшли, изійшли злыи негодыны:
Немає никого, щобъ насъ подолъмы...

Не смопря на это, Козаки, однако же, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, при всемъ напряженіи силъ умственныхъ и тѣлесныхъ, не могли добыть себѣ у своей судьбы согласія на долговременную, прочную самобытность. Въ эту самую пору провидцію угодно было, чтобы Сѣверная Русь, Турція, Швеція и Польша ближе стокнулись между собою, глазъ на глазъ свидѣлись, и рѣшили бы сами великую прю о первенствѣ на Востокѣ и Сѣверѣ Европы и представительствѣ ихъ предъ Западомъ и Югомъ. Сыны Украины должны были войти въ сисшему Бѣлаго Царя послѣ 8-го Генваря 1654 г., послѣ изъявленной готовности на соединеніе на спичные времена, какъ одновѣрными, единокровными, чтобы не было разнодумья и шатости съ обѣихъ сторонъ, ежевы защищити и сохранити народъ православный отъ врага и местника, чтобы враги не посмѣвались; и послѣ поступленія подъ Высокую руку, Козаки покорились своей судьбѣ.

Такая долгая преволненная жизнь: цѣлые пять вѣковъ не влагашь въ ножны мечѣ, день и ночь весели

борьбу съ виѣшними и внутренними врагами, ошь Бурлацко-Гайдамацкаго быта перейти къ Козацкому, а отъ этого, наконецъ, съ слезами на глазахъ, къ Чумацко-Землемѣдльческому (*), такая жизнь народа, всею душой своей привязавшагося пламенно, бѣшено къ воинской славѣ, и чѣмъ дольѣ упивавшагося ею, пѣмъ болѣе жаждавшаго, народа, у коитого желѣзная Славянская мощь достигла высшей степени разгара, своего зенита, безъ всякой посвѣщенности помочи и сотрудничества, но при лично-собственныхъ силахъ, такая огненная жизнь, неожиданно, ех abrupto прерванныя судьбой на шупли величайшаго своего разширенія, полнаго разлива, на всемъ ходу, на всемъ бѣгу корабля, несущагося къ землю обѣщованія, что спрашиваемъ, такая жизнь такого народа должна была произвести въ немъ самомъ?

Судя по человѣчески, никакого не могло бытъ другаго слѣдствія, какъ только одно неудовольствіе, прямо отъ глубины души шедшее и запечатленное всею ѣнаргіей ея, одна досада на свою щербатую долю.

Потому-шо и въ пѣсняхъ ихъ это неудовольствіе, эта досада, эта опѣянье ропотъ на долю, вполнившись, во всѣхъ почкахъ проникающъ ихъ, сползть на первомъ мѣстѣ. Чувствуя свое доспоминство

1) Указаніе на эти три периода жизни Українцевъ находимъ въ слѣдующемъ куплетѣ одной изъ ихъ пѣсень.

«Ой хвортuno, хвортuны!
Послужы же ище такъ корысно:
Служила въ Бурлацтвъ, служила въ Козацтвъ,
А послужы же ище й въ Чумацтвъ...»

и полное право на лучшій жребій, но при всемъ уси-
ліи не получая его, естественно изъ груди ихъ
должны были вырваться горькія жалобы на свой
рокъ, глубокая тоска, сильная грусть облечь сердце.
Очень часно слышатся стопы, вопли, крики, такіе
болѣзненныя, свѣжіе, живые, чѣмъ вчужѣ заплачешь,
обольешься горючими слезами; безнадежносій же ии-
гдѣ такъ болѣзно, такъ нестерпимо — мрачно,
такъ невыносимо-тяжело для сердца, такъ могиль-
но не рисуєтся, такимъ гробовымъ холодомъ не об-
даешь, не пашешь на васъ. Да, шутъ невольно ска-
жешь и себѣ съ Паліемъ: «Лыхо жыты вѣ сспѣть!...»

Ой пиду жъ я, пиду, да зъ сёго края пиду:
Ой покыну я да у симъ краю бѣду.
Ой оглянусь я за крутою горою, —
Ажъ іде бѣда сльдошкомъ за мною...
Ой чого жъ ты, бѣда, за мною въззлася?
— Я зъ тобою, безжаланный, зъ тобою вѣнчалася...
Ой чого жъ ты, бѣда, за мною вченлася?
— Я зъ тобою, безжалавшій, зъ тобою родилася. —

Или въ другой пѣснѣ:

Ой выйду я за ворота—поганну на провалы:
Чы всѣмъ людямъ таke жытыти, а якъ мое безжаланыи!...
Да жывши, люде добры, онъ якъ ши вамъ подавося,
А я буду шулапыси, ћо такъ мыни доведося!...
Ой бодай ты, мои доле, на днѣ моря утопуда,
Якъ ты мою головоньку въ неволю впопыма!... .

Характеръ женскихъ пѣсень — спопъ же самый. Тоска
по избранномъ сердцемъ, увлеченномъ долгомъ боро-
ныты Украину, долгомъ, отъ которагоничшо въ
мирѣ не въ силахъ оторвать его, проклятия на ви-
новниковъ одиночества, и ошъшого жалобы на Небо,

пеня на долю, съпованіе, скорбь, грусть, недовольство своимъ жребиемъ, и т. п., рѣско, весьма рѣдко улыбка, расшвorenная счастльемъ: вошь ихъ тема, до безконечности разнообразная. Здѣсь, кромѣ шоскливости, роптанія, часлю, такжে, слышите безнадежное отчаяніе:

Ой хвортупо несчастныа! що ты выробляешъ?
Дала начась пизнатыся, теперъ розлучаенъ!
Охъ вы рокы, охъ вы рокы, рокы неправдыны!
Вкоротките жытытия мынъ, будыше мылостывы!
Вкоротките жытытия мынъ, покиль въ смутку буду?
Луччче жъ мене умертвнше, то всёго забуду!
Охъ вы рокы, охъ вы рокы, хочъ не прыбувайте!
Колы вы насъ розлучылы, дакъ жытытия не дайто!
Лептавъ орель по-нацъ моремъ, дай спавъ голосыты!
Тяжко важко намъ убогимъ багатыхъ любыны!
Не такъ счастыши, не такъ доля, акъ багаты люде:
Якъ розлучутъ по любови, то й счастытия не буде...
Степъ широкый, воду видно, мылого не бачу:
Якъ почую мову ёго, то зазръ заплачу.
Не захотѣ же, мій мыленъкій, дружыною буты:
Ой дай мынъ того зильля, щобъ тебе забулы!
Е у мене таке зильля, близъко перелазу:
Якъ дамъ тебъ панычишъ—забуденъ одъ разу;
Буду пыты, выпываны, и капли не вищу:
Тодиже я забуду, якъ очи заплюшу!...

Даже въ пѣсняхъ веселыхъ, гульливыхъ, въ коихъ дается полная, совершенная свобода разгулу, насыщенныхъ, издѣвочныхъ (сатирическихъ, ироническихъ), шушочныхъ, обрядныхъ, и т. п., шамъ, гдѣ всего менѣе можно было бы вспрѣшишь, вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, замѣчаешь примѣсь грусти, какои-то дальний отголосокъ знакомаго гореванья, извѣстной кручинѣ, слышите журбу-тугу..

Что касается до изложениа, то оно, вслѣдствіе
столько дѣятельной, бурной, кипучей, полной за-
ботъ и беспокойствъ жизни, вездѣ почти *Драматическос*, что, на оборотъ, говорить о сильной дѣя-
тельности этого народа, коему принадлежать такія
пѣсни. Гдѣ дѣятельная, разнообразная, исполненная
трудностей и борьбы жизнь, тамъ и лично-народ-
ные поэтическія произведенія непремѣнно опливают-
ся въ форму драматическую, безъ вѣдома виновни-
ковъ ихъ бытія, потому что это ихъ прямой, есте-
ственныи, единственный путь, а другаго нѣть и
быть не можетъ. Въ прошивномъ случаѣ Поэзія
этія не была бы собой, тѣмъ, чѣмъ она есть, Поэзіей
народа, его свѣтлымъ и вѣрнымъ отраженіемъ, его
чистосердечной, ицирою исповѣдью, его ошкровеніемъ;
иначе онъ немилосердно, безсовѣтно лгалъ бы самъ
на себя; а народы, откъль свѣтлъ стоятъ, въ такихъ
обстоятельствахъ, по свидѣтельству и мертвыхъ
и живыхъ, никогда не притворствуютъ, не лгутъ.
Если гдѣ, такъ именно здѣсь, и только здѣсь, извѣ-
спшая пословица: «гласъ народа—гласъ Божій», имѣть
свое настоящее приложеніе, свое законное мѣсто. Въ
вѣтвь отношеніи пѣсни Южно-Русскія—единственные
въ своемъ родѣ, сполтъ выше пѣсень всѣхъ прочихъ
Славянскихъ племенъ, у коихъ рѣдко, очень рѣдко,
встрѣтится драматическое положеніе, соспавляющее,
потому, случайное явленіе, между тѣмъ какъ у пер-
выхъ оно необходимо, повсемѣстное, существенно-
естественное, природное свойство. Пѣсни Украинскія
столько выше пѣсень другихъ Славянъ, сколько Дра-
ма выше прочихъ родовъ Поэзіи, соспавляя собой

какъ соединеніе, единство всѣхъ ихъ . : одной себѣ, такъ и послѣднюю цѣль, конечно, полно, гармо-ническое развитіе всякой Поэзіи, сколько дѣйствіе превосходишъ умствованіе, чувствованіе—разсказъ, описание, и т. п. Кромѣ того, онъ выше прочихъ и своей музыкой, напѣвомъ, голосами, лыжомъ, въ вы-сокой степени поэтическимъ и музыкальнымъ, (кошо-рый, въ эпомъ слушаѣ, сравнивалъ можно только,—изъ древнихъ съ Греческимъ, изъ новыхъ съ Ишальян-скимъ), сплохосложеніемъ, заключающимъ въ себѣ и размѣръ, и шонику, и риому, удивительно сво-боднымъ и вмѣстѣ съ шѣмъ спройнымъ, разнообраз-нымъ и богатымъ, своею многочисленностию и разно-родностию, и т. д. 1). Поэзіому мы не думаемъ, чиѣбы какой-нибудь другой народъ, не исключая, даже, и османскихъ Славянъ, могъ быть сполько пѣсенлю-бивыи, пѣснныи, какъ Южные Руссы (Украинцы, Малороссіяне): памъ на все и во всякое время—своя пѣсня, не одна, но цѣлыхъ соини. Любовь къ музикѣ и пляскѣ неразрывно соединяется у нихъ

- 1) Все, сказанное нами теперь, слѣдовало бы подтвердить доводами, но это далеко бы отвлекло насъ за предѣлы на-шего разсужденія; шѣмъ немноже, однако же, все это спрѣвѣдливо. Кто хорошо знакомъ съ языками Славянскими и ихъ народною и искусственномъ Литературой, то пѣ, безъ сомнѣнія, не сочтетъ словъ нашихъ парадоксомъ, или еще хуже, пустымъ хвастовствомъ. Въ свое время мы надѣялись изложитъ вѣтчинѣ важной предметъ во всей его обширности, и доказать его исполненіе. Чѣмъ же касается до многочисленно-сти пѣсень Украинскихъ, то скажемъ, что въ нашемъ собраніи ихъ, котораго отнюдь не выдаемъ за полное, начавшомъ за 7 лѣтъ предъ эпомъ и изподнявши пѣснями, собранными сполько въ одной Полтавской губерніи, шо въ немъ шенерь имѣются уѣле слишкомъ за восемь тысячъ, 8,000, пѣсень.

съ любовію къ пѣшію и пѣснямъ, идутъ обруку: «Москаль до чытаныя, Ляшокъ до скаканыя, а нашъ братъ Козакъ до спѣваныя,» говорилъ ихъ пословица, вѣрою характеризующая съ этотомъ случаѣ три сосѣдственныя и однoplеменные между собой народы. Пѣсни—дневникъ Малороссіянина, въ которыи онъ вноситъ все, чѣмъ ни мыслишь, ни чувствуешь, ни дѣлаешь «Въ этомъ опрошении,» — справедливо замѣчаетъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей, хорошо поспыгавшій Малороссію (*П. Гоголь*), — «пѣсни для Малороссіи — все: и Поэзія, и Исторія, и опицевская могила (См. сп. о Малоросс. пѣсняхъ, въ его Арабескахъ). Онъ могутъ вполнѣ называться историческими, потому что не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ, тогдашнему согласію чувствъ.» Описанія въ нихъ, можетъ сказать, мимоходомъ, эпизодическая, при всемъ томъ всегда удивительно согласная съ природою. Въ нихъ, обыкновенно, самыя рѣзкія, характеристическая черты предмета схвачиваются, и то, большею частию, употребляются лишь для точнѣйшаго, сильнѣйшаго выраженія душевныхъ чувствъ, лавою испоргающихся изъ глубины сердца и ни на мгновеніе не охлаждаемыхъ многорѣчіемъ или длиною периода; напротивъ, всюду порывъ спраски, сжатость, швердость, лаконизмъ выраженій, просподушіе, естественность, особенная нѣжность и сила чувствъ. Вообще должно сказать, что эти образы, уподобленія, сравненія, и т. д., въ пѣсняхъ Южно — Русскихъ отличаются всею безыскусственностью, не-принужденностью, всею ненашанущостью, самобыт-

носшю, природнымъ изяществомъ и поразительной
точношю, между тѣмъ какъ въ пѣсняхъ Сѣверо-
Русскихъ видно, по замѣчанію Максимовича «больше
искусственности, нѣкотораго рода произволъ, же-
ланіе прикрасъ (См. Предисл. къ Малоросс. пѣснямъ).»
Сравненія послѣднихъ—безпрерывно опровергаемыя;
напротивъ того сравненія первыхъ вездѣ, исключал
развѣ кой-какія Думы и Историческая пѣсни, по-
стоянно — положительныя. Отъ этой-то любви
къ положительному, нѣкоторымъ образомъ, происхо-
дилъ положительность даже въ самомъ выраженіи
единичныхъ предметовъ, взятыхъ изъ вѣнчнаго
(иногда и внутренняго) міра, и замѣняющихъ собой
цѣлое, родъ ихъ, для означенія какого-нибудь об-
стоятельства, мѣста, времени, бывшихъ свидѣще-
лями тогоже или другаго случая, той или другой были:

Въ недѣльку рано разигралося море:
Не одному сыну на чужынѣ горе!

Шли коровы изъ дубровы, овечки изъ поля:
Выплакала кары очи кры Козака стоя,

Черезъ гору орель воду носить:
Дѣвчиночка Козаченка просить.

Рыбалочка по бережку да рыбоньку ловить,
А мыла по мылону балы ручки ломить.
Рыбалочка по бережку да рыбоньку удить,
А мыла по мылому балымъ сѣпомъ кудыть.
Рыбылочка по бережку рыбоньку хапае,
А мыла по мылому тяженъко вздыхае.
Рыбалочка по бережку якъ ласпинка вѣцьца,
А мыла по мылому якъ орлыца бѣцьца.

Наконецъ, еще разъ повторимъ: знакомые съ народной Славянской Поэзіей, въ эпихъ словахъ нашихъ не найдутъ никакого преувеличения, оправдающъ нашъ отзывъ, произнося который мы были чужды вслыхъ корыстныхъ видовъ, чьего бы то ни было вліянія, не возвышали одного насчетъ другаго, не приписывали одному того, чего у него вовсе не было, и не отнимали у другаго законно принадлежащаго ему, соспавляющаго все наличное его благо, шо, чѣмъ оно красно и добро. Многіе и прежде нась, разсматривая пѣсни Славянскихъ племенъ, то же самое думали «Я се велице па злѣванкы шѣшимъ: небопъ Русинскe писнѣ народни се ми, мези вишеми слованскими, вжdy нейвице либили,» говориши известный *Вацлав Ганка.*

VIII. Теперь слѣдовало бы намъ разсмотрѣть пѣсни осѣльныхъ Славянскихъ племенъ, вызнать духъ и означить ихъ характеристическое направленіе, какъ это сдѣлали мы съ пѣснями Чеховъ, Моравовъ, Словаковъ, Поляковъ, Сербовъ, Велико и Мало - Руссовъ. Но тутъ предстояло намъ большія препятствія: первое изъ нихъ, бытъ можешъ, когда-нибудь и уничтожится, но на эту пору непреодолимо, именно: отсутствіе собрания народныхъ поэтическихъ произведеній Бѣло-Руссовъ, Болгаръ, Словенцевъ (Виндовъ—Славянъ въ Крайнѣ, Штиріи и Каринтии), Лютицевъ (Лутицевъ въ Горной, Верхней Лузациіи, Лутицевъ въ Дольной, Нижней Лузациіи¹⁾ и Со(е)робовъ (-Вендовъ въ Саксоніи); другое

¹⁾ Не *Лужичани*, какъ обыкновенно ихъ называютъ, потому что слово это происходит не отъ *луже*, но отъ *лотъ*, лотный.

*) Рев. членомъ этого же автора, Пѣсни Словаковъ, въ № 100, 1836 г. 7. 4. 5.

навсегда останешся препятствиемъ, и. е. вѣчная
потеря народныхъ пѣсень Славянъ, при-Балтійскихъ:
Бодричей (Обот(д)роповъ 1), Вараговъ (Вагровъ),
Полабовъ, Линоновъ, Киссиновъ, Вильцевъ (Велетовъ,
иначе Лютичевъ 2), Ру(ю)говъ (Рановъ), Цирципа-
новъ, Укеровъ, Сподоранъ, Толленцевъ, Ред(ш)аровъ,
Бризанъ, Га(е)веловъ, Ви(о)линовъ, Ререговъ 3), Кас-

Верхне-Лузатцы въ своемъ языке не имѣютъ слога *ти* (ti),
равно какъ и Нижне-Лузатцы, и перемѣняютъ *ти* (ti) передъ и
(i) на какую-нибудь другую букву: первые, обыкновенно, на *и*
(c), а послѣдніе на *и* (sz) *Лу(ю)цици*, *Лу(о)шици*. Но произво-
дить название ихъ отъ *луже* не только противно Этнографіи,
но и самой Исторіи. Такъ въ *Comm. Rer. Lus. Christ. Manlii*
(in Hofmann. script. c. 5. §. 5.) читаемъ: «In Inferiore (Lusatia)
Lutici considerunt, qui nunc *Lusatii*, ipsi quoque *Heneta seu*
Slavica gens.» Hermannus Contractus, Funecius, Krantzius, и др.,
не полагаютъ никакого различія въ именахъ *Lutici*, *Lusici*, *Lusatia*.
Другіе Ильцы и опѣмечившіеся Славяне писали и передѣльва-
ли это имя каждый по своему: *Litzi*, *Liclitiani* (Avent. V. 9.),
Liticiani (Cuspinian. p. 126. ed. Franc.), *Linsinzani* (Regino ad an.
963.), *Lusunci*, *Lusnici*, *Licicavici*, *Lusiti*, *Lutzentes*, *Lutzani*, *Lu-
senses*, и т. п. См. *Rozprawy o gmenach národu Slawského*, od
Jana Kollára. Budin. 1830. стр. 393.

- 1) Въ именіи *Оботритовъ* или *Абогротовъ*, иначе *О(А)бодритовъ*
о или а-придаточное, *ти* переходитъ въ *д*, и наоборотъ, ко-
нечное *ти* сосставилось изъ *т*, *и*, *к*: *Бодричи* (ы), *Бодроки*, *Бодри-
чи*, т. е. *Бодрые* (смѣлые, сильные, храбрые, и т. п.), ободрен-
ные. Сравн. Венгер. *bátor*, *Bátoru* (смѣлый, сильныѣ), Азіат.
батуръ, батыръ (виназъ, герой), и Русс. богатырь.
- 2) *Вильци* отъ *вилкъ* (волкъ, о-и, к-ц.) *вилькъ*, *вачекъ*, *wauzka*, *wü-
tzka*, т. е. волки, иначе назывались еще *Лютци*; также отъ
лютый: «Hi qualior populi,-говорить Гельмольдъ (L. I. р. 6.),
a fortitudine *Wilzi* sive *Lutici* appellantur.» *Вильци* писали и
Вилти, оттуда *Велти*, *Велети*.
- 3) Нѣкоторые Ререговъ считаютъ вѣтвью *Бодричей*, другіе напро-
тивъ, говорятъ, что это было только другое имя самихъ Бод-
ричей. «Deinde sequuntur *Obodriti*, qui altero nomine *Reregi*

субовъ, и др., вмѣстѣ съ истребленіемъ этихъ на-
шихъ одноплеменниковъ. Правда, Челяковскій въ
своихъ Славянскихъ пѣсняхъ предлагаетъ понѣсколько-
ко пѣсень Славянъ первого разряда 1), но по нимъ
никакъ нельзя заключать о духѣ цѣлой Поэзіи на-

vocantur, et civitas eorum Magnopolis (Adam. Bermen. Hist. p. 19.).» «Rerich civitas Oboititorum (Ann. Ful. ad. an. 809).» «Trasico in oppido Rarich ad mare sito, per siccarios a Dano submissos, occisus est (Helm. p. 36.).» *Magnopolis*, иначе *Миккинбург* (Мекленбург); *Великій город*, въ первомъ періодѣ Исторіи Обо-
тринській (910—1111.), назывался Вендскимъ именемъ *Ререгъ*, и
составлялъ крѣпость, любимое мѣстопребываніе ихъ Князей и
мѣсто главной морской торговли; разрушенъ Датчанами въ
IX в. Имя Ререговъ и ихъ города происходить или отъ *rareg*,
или отъ *roreyk*, изъ коихъ первое у Чеховъ, Польковъ и Бон-
наковъ означаетъ особенный родъ *сокола*, именно синій голу-
бой соколъ, *falco cyanopus*, *Blaufuss*; *Raroh*, *modry sokol* (Словарь
Польковича, Ч. II. стр. 1967.); *Raroh*: *strakawy' gestrab, accipiter*
stellaris, *falco cyanopus*, *der Fischaar*, *Blaufuss*, *Sternhabicht*,
Sprintz (Словарь *Бернолакова*, Ч. IV. стр. 2618.); *Rarog*,
ptak falco buleo, *der Blaufuss*, *wielkości iastrzembia*, *koto*
blot się tuliący (Словарь *Линде*, Ч. III.-я, стр. 14.).
А второе — *ластроу*: *Roreyk*, *desłownijk*, *Spierschwalbe*, *hi-*
rundo apus (Польков., сл., стр. 1989); *Roric*, *trasoritka* (Бернол.
слов., стр. 2738). Не отъ *Rarog* ли, *Rorika*, и имя нашего
Рюрика? Если отъ былъ не Норманий, а Славянинъ, Князь
Вараговъ-Руссовъ, или просто Вараговъ (Варяговъ), то имя
его должно быть чисто Славянское, а не значить какой-ни-
будь изуродованный *Родерикъ*. Тутъ только одна буква измѣ-
нена нами по свойству нашего языка или лучше *Южно-Рус-*

1) Исключая пѣсень Бѣло-Русскихъ, кончъ только пѣсолько на-
печатано въ В. Е. и Молвѣ. У насъ имѣется около двухъ ты-
сячи, 2,000, пѣсень Бѣло-Русскихъ, но все они преимущественно
свадебные и обрядные.

рода. «Что же вы, Силезцы, вы Славяне, обитающие на плодородных берегахъ Дравы, Савы, и въ другихъ мѣстахъ? Неужели вы, молча, обработываете свои поля? Безъ пѣнія горите свои спада? Безъ пѣсень проводите жизнь свою? Конечно и у васъ можно бы было изгнать ихъ, да и тѣхъ ищущихъ.» Такъ говоритьъ только что названный нами писатель (См. Предисл. его къ Славлии. пѣси. Ч. I-я, стр. VII.) о невозможности, не только сдѣлать оцѣнку пѣснямъ этихъ Славянъ, но и просить имѣть ихъ. Однако же, имѣвшіе случай слышать пѣснопѣнія этихъ однородцевъ нашихъ, вошь что говорятъ о шоумъ. «So mѣhsam auch das Verdienst der Croaten ist (die als Heumѣher, Schnitter oder Drescher wandern), — замѣчаетъ Чапловичъ (Gem. v. Ung. T. II. p. 122.) — so gleicht der Zug der Arbeiter dennoch mehr einem Fest, als einem Arbeitsgang. Zahlreiche Manner und Weiber mit Blumen geputzt verlassen Haufenweise

скаго, въ которомъ о чисто переходить въ ю (Рурикъ), ю (Рюрикъ). А известно, что Славяне нерѣдко брали себѣ имена и прозвища отъ птицъ. Равнымъ образомъ имена бывшіе Рюриковыхъ—плюже Славянскія. Синеус есть не чѣто иное, какъ Синецъ, Зніевъ, отъ энтихъ, эсиньти, звѣньти. Длугонъ (Hist. Pol. T. I. p. 49.) пишетъ Scupnew, Нарушевъ — Zupnew. Оттуда имена Зни, Зніовъ, Знинъ, Зниславъ, Звониславъ, Звонимиръ, и т. д. Труборъ—чисто Славянское имя, которому соответствуетъ Краненское Труборгъ, Трубери: известный переводчикъ Краненской Библіи называлась Примошъ Труберь (XVI ст.), Чешское Труборъ, Траборъ, Треборъ, или съ прибавл. Стреборъ: «И каже киѣвъ на Стребора (Крѣлде. рук.).» Отсюда же имена: Треборъ, Труборъ, Требата, Трибона, Требанъ, Требова, Требенъ, Требинъ, Требошъ, Требомыслъ, Треборадъ, Требиславъ, и т. д. (см. Rozpr. o gтеп. nѣr. slaw., od t. Kollара, стр. 558, 59, 60).

und mit Freuden ihre Wohnorte: ein Pfeifer od. Geiger geht dem Zuge voran, das Volk singt u. jauchzt, u. auf Rastationen, sey's im Schatten der Wälder, od. neben einer Schenke, wird lustig getanzt. »Der Serbe in der Lausitz, — увъяешь Антонъ (Ueber die Slaven. T. I. S. 33.),—der oft täglich seinem unerblichen Herrn zu Hofe dienen, oft harte Behandlung von seinem Junker erdulden muss, oft nur ein armeseliges Lassgut besitzt, und ein Thor scyn würde, wenn er es im geringsten verbessern wollte, da er nicht weiss, wie lange er es behalten werde, ist heiter und freuet sich seines Lebens. Ein Volkslied von ihm trägt ganz seinen Character an sich: Hanchen, mein Liebchen sey fröhlich wenn du auch kein Körngen gesäte hast.» — Что касается Славянъ при-Балтийскихъ, мы повторимъ только здѣсь слова Яна Коллара (См. Народ. эп. Ч. 2-я стр. 489—90.): «Ахъ, чего бы мы недали за то, если бы намъ можно было имѣть хоть отрывки шѣхъ Славянскихъ пѣсень, которыхъ нѣкогда раздавались надъ Бальпомъ, Лабой (Эльбой), Салой, прежде нежели несчастная судьба подавила и исприбила ихъ, такъ, что мы теперь о нихъ не знаемъ больше ничего, какъ только, что ихъ было великое множество, судя по словамъ известныхъ трехъ Славянскихъ языковъ, присланныхъ оттуда къ Аварскому Хану, и утверждавшихъ, что земляки ихъ, не знаясь съ войной, покойно и весело проводили жизнь свою, занимаясь музыкой и пѣніемъ (Stritt. Memor. pop. II. p. 53.).» Послѣ эпіи, какъ известно, сполько тихіе, смиренные Славяне, когда Нѣцы ринулись на нихъ своими Крестовыми походами, отличились необыкновеннымъ му-

жествомъ, геройски защищая свою независимость, религию, родину и торговлю. Последняя (бывшая у нихъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, и отправлявшаяся не только со всей Сѣверной Европой, но и съ Греціей и Азіей) была главной причиной зависимости и ненависти Нѣмцевъ пропивъ нихъ, употребившихъ святое дѣло религіи орудіемъ для удовлетворенія жадности своей къ корыстіи, порока, замѣченіаго еще древними писателями: «*Sunt Germani pecuniae imprimis avidi* (Herodianus, in Alexandro, ad an. 235.).

Для несъщенія своей жадности, они, съ свойственнымъ имъ искони лукавствомъ и хитростью 1), всѣми мѣрами старались ослабить и совершенно искоренить несчастныхъ Поморянскихъ Славянъ: религія въ рукахъ ихъ, въ эпомъ случаѣ, была шолько благовиднымъ къ тому предлогомъ. Вонъ, въ короткихъ словахъ, правила, коими они руководствовались въ безчеловѣчной войнѣ съ Славянскими племенами при морѣ Балтийскомъ и въ Сѣверной Германіи: «*Tributum, vectigalia, decimae, simulque Christianitas; et, nisi tributum et decimae, nulla Christianitas; tributo accepto factaque praeda, nullus porro de Christianitate servio.*» Ужасна была борьба съ обѣихъ сторонъ; наконецъ Славяне должны были уступить многочисленности своихъ враговъ: одни изъ нихъ легли на полѣ битвы, другие бѣжали въ чужую сторону, третьи, оставшіеся у себя, со временемъ, какъ малочисленѣйши, пошерялись въ шолпѣ Нѣмцевъ, и,

1) *Germani versutissimi natumque mendacio genus.* *Vellejus.* I. 2
c. 118.

волею-неволюю, непримѣшно онъмечились, переродились. Прекрасно изобразиль Поэзіи судьбу ихъ:

«Аи 1) лежи земъ иша, предъ окемъ мымъ селзы ронишиша,
Нѣкды колебка, шыни народу мего ракевъ.
Вшакъ часу тенъ горни въ чловѣкѣ, енжъ берду 2) железину
Въ пѣхто краинахъ па шву, Славъ, шии хонилъ.
А кдо се лунеже ше, волащи взгору, допустилъ?
Кдо згапобилъ 3) въ сдюомъ народу лицепро целе?
Зарди се 4) завистна Тевтоніе, суседо Славы,
Тве винъ пѣхто почетъ захаты нѣкды руки.
Небъ 5) креве никде толикъ невыши тъ чериндъаже жадный
Непритецъ, цо вылизъ къ загубъ Славы Немецъ.
Самъ свободы кдо годенъ, свободу зна важити кажду,
Тесь кто по путь има опрокы, самъ е опрокъ 6).
Кде сте се оцилы миле эде быдлившихъ народу Славо,
Народы енжъ Помори ташъ, штуро Салу шыты?
Сорбо втиле тихе, Ободритске рише 7) попомци,
Кдо кменове Визичо, кде внукове сте Укро?
На право щире глядимъ, на лево зреckъ быстре оташашъ,
Нежъ ме дармо 8) око въ Слави Славу глема.
Кде су народове ти, сихъ кде книжата, жѣстя?
Енжъ первы въ северу акришили животъ.
На роде миспровскій дкове пакъ манъ затпо дики 9)?
Розыклубаный 10) гиусяе зиотворенносипи вѣнецъ.
Лакъ вчелы медъ завоницъ крадне се до уде цизего
Герну стадпѣ а пакъ матку и диткы бїн:
Такъ ту дому властни подробенъ панъ, хитре му влазлый

- 1) Вопъ.
- 2) Оковы (собственно палка), цѣпь.
- 3) Обезчестниъ.
- 4) Краснѣй, стыдись.
- 5) Потому что.
- 6) Рабъ.
- 7) Царство, владѣніе.
- 8) Напрасно.
- 9) Благодарность.
- 10) Разорванный; попраниый.

Суеъдь овиль шакий смутнь о гардо речъя 1)
 Кде спанила въ зеленыхъ гаехъ пѣла пись Славенка,
 Ужъ глаголемъ запѣна уста умлукла нѣмыжъ.
 Славы сына къ браїпромъ принадлего въ тыи крае назна
 Братъ власпній, аниже вѣтчнѣ му тинские руки.
 Речь го цизѣ зарази зе рто а твари славенске,
 Зракъ му лиже Словенъ, служъ кламы болнъ кази.
 Одродили сынове вшакъ сие сами малпце зачасто,
 Бичъ мацехъ гринши облизунце, лан.
 Несу ин Словене животемъ несу ани Нѣмци,
 Поль того, поль того сиѣ якъ лептоныри ман.
 Народъ и чесіпъ эмизели 2), съ языкомъ богове зде заникли,
 Ешъ сама зостава природа пезмѣтна.
 Лесь, рекы, мѣста а весь, эмѣнніи све ймено славенске
 Нехѣты, нежъ пѣло сиѣ въ нихъ, духа Славы иени.
 О кdo приде тыто въбудити гробы зе сна живего?
 Кымъ приведенъ слушный къ све буде властни дѣдицъ? ... 3) а

Изучая со всѣмъ усердiemъ, любовю и добросо-
 совѣтностию народную Поэзию Славянъ, исключи-
 шельно въ ихъ пѣсняхъ, какъ первыхъ, непосред-
 ственныхъ предшвищеляхъ ся, мы пыщательно стара-
 лись угадать духъ, въющій въ нихъ, составляющій
 ихъ основное начало, сообщающій то или другое
 направлешіе, хопъли уловишъ ихъ существенный ха-
 рактеръ, шо, чѣмъ пѣсни одного Славлжкаго народа,
 не смотря на ихъ общее происхожденіе и племенное
 сродство, ярко опличаюпся отъ пѣсень другаго
 такого же народа, какъ и отъ чего онъ шупъ яв-
 ляюпся въ такої, а памъ въ иной формѣ, здѣсь
 служъ нашъ поражаютъ звуки лирическіе, идилличес-
 скіе, въ другомъ же мѣстѣ эпическіе, драматическіе,

1) Цѣшъ.

2) Ичезали.

3) Янъ Колларъ (См. Предпѣль ку Славы Дцер.).

и т. д. Но эта Поэзия имѣетъ еще множество частныхъ особенностей, ей одной свойственныхъ, въ ней только встрѣчаемыхъ, коими она рѣзко отдѣляется отъ Поэзии всѣхъ прочихъ народовъ, особенностей, составляющихъ ея всегдашній наличный капиталъ, ея удѣльное родовое наслѣдство. Изъ безконечнаго множества этихъ второстепенныхъ, частныхъ свойствъ, мы упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ, замѣчательнѣйшихъ, сполнающихъ въ первомъ ряду, самыхъ характеристическихъ.

Первое отличительное свойство всѣхъ Славянскихъ пѣсень, прежде всего бросающееся въ глаза каждого, составляетъ какая-то всеобщая толмость, меланхолическое, жалостное, тоскливоѣ чувство, какая-то углубленность, печальность, траурность, какое-то грустнос, скорбноѣ повѣтрѣ, чпо-то мрачное, замѣшное, даже, тамъ, гдѣ, по всему, нельзѧ было ожидать его, гдѣ самое содержаніе веселое, радостное. Странно встрѣтить такое свойство въ Поэзии народа, по природѣ своей одного изъ самыхъ неугрюмыхъ, непасмурныхъ, самыхъ веселыхъ, живыхъ, развязчивыхъ. Но вспомнимъ его былое, его дни вѣтхіе: всѣ сосѣди—вѣчные, заклятые враги сего, не упускавши ни одного случая—вредить ему, пѣснить и испрѣблять всѣми способами, самыми проинвазаконными, нечеловѣческими. Да же, чрезмѣрное, необъятное пространство, на которомъ онъ разселился, испозволявшее соединенными силами дѣйствовать противъ насильниковъ, губителей его; разделеніе на безчисленные мѣлкіе удѣлы, множеспво владыкъ и повелителей, бывшихъ, болѣею часцю,

♦

несогласными между собою, завидовавшихъ другъ другу; разногласіе въ вѣроисповѣданіи, ошь чего внутреннія беспокойства и неустройства; несогласіе одного племени съ другимъ; предпочтеніе чужеземного своему, и т. п., все это неизрѣдѣнныи образъ дѣйствовало на природный характеръ Славянъ, на его естественную чистоту и свѣтлость, и обратило его въ другую, чуждую ему по началу, сторону, замѣнило веселость унылостию, невольно вырывало изъ груди его жалостные, искливые, грустные звуки, и притомъ въ такомъ миражесивѣ, что они покрывають собой всѣ другіе тоны, сообщають всей Поэзіи одинъ траурный, погребальный видъ. Да, Сенека правду говорилъ: *Ita r  gique ingenio
vitius omnes, nostri nosmet poenitet; а Чухъчъ ногоюо'ж;
єю'н іастроі ло'ю по замѣчанію Плутарха.* — Кромѣ этого, пѣсни Славянъ отличаются чрезвычайной простотою изложенія, соединенной съ самоспояльностью исполненія, просплютою средствъ и полношюю дѣйствія, недостаткомъ, или лучше, опущшіемъ всякаго искусства, и несомнѣнно на то, совершенствомъ отдельки, незапланированнымъ, но геніальнымъ. Вездѣ видимъ необыкновенную рѣзкость выражений, неожиданность, смѣлость, можно сказать дерзость воображенія, отъ чего быстрота, оплавленіе переходовъ, эти скачки въ пареніи, излияніи чувствъ, движеніи сердца и помыслахъ души, безъ видимой последовательности, связи и соотношенія, безъ синтаксического выведенія одного изъ другаго. Эта печальнаяность оборошовъ, изъ первый взглядъ кажущихся высканными, несразумѣрными, спранными, но вин-

кнувъ, вы замъчаете, что поспушишь иначе нельзя было, что это необходимо следовало употребить для осуществлениія какой-нибудь мысли, какого-нибудь душевного движения, что такой способъ—самый вѣрный, прямо ведущій къ цѣли, самый живой, искренній, самый выразительный: всѣдѣ видите горячность, ныль чувствъ, выражаемыхъ со всей энергіей, со всѣмъ жаромъ исполненія. Тутъ вы вдругъ, безъ малѣшаго предувѣдомленія, знакомитесь съ предметомъ; и часпо съ такой спороны, съ какой и въ голову не приходило; а здѣсь васъ приготавляютъ небольшимъ приступомъ, всего чаще въ родѣ лирическомъ. Приступы эти, однѣ и тѣ же, стоять нерѣдко при разныхъ пѣсняхъ, сходныхъ между собою чѣмъ бы то ни было: это какъ бы освященные образцы въ пѣсняхъ Сербскихъ, древнихъ Чешскихъ, Великѣ-Русскихъ, рѣже всего въ Мало-Русскихъ. — Далѣе, пѣсни Славянскія всѣ дышатъ, всѣ проникнуты какою-то короткостью, какимъ-то немецкимъ дружествомъ, какою-то братскою любовью людей къ природѣ. Невольно поражаешься этою папирархальной близостью народа съ предметами видимаго міра, его сознаніемъ себя, всего творенія чадами одного семейства, одного общаго Начала. Отсюда часпо всшрѣчающе въ ихъ пѣсняхъ существа одушевленныя и нѣмыя, получающія на языке разъ душу, умъ, голосъ, языкъ, и т. д., принимающія во всемъ участіе, въ радостяхъ и скорбяхъ, которыя живутъ, дѣйствующія, веселящія, грустяще, ушѣшающія, надѣумливающія, остерегающія, и т. п.: васъ окружаютъ звезды, солнце, мѣсяцъ, деревья,

расшениі, горы, камни, но всего чаще, съ собеннымъ предпочтеніемъ, птицы: орлы, соколы, соловьи, ястребы, вороны, гуси, утки, ласточки, кукушки, и т. д. Отсюда же, изъ этого природнаго міра, почерпаютъ подобія, сравненія, примѣненія, всѣ образы соописицельные, аналогическіе, отличающіеся своею глубиной, мѣшкоспію, разительностію, изящной живописью. Отрицательныя красненія, неизвѣшныя у другихъ народовъ, употребляются, большею частію, въ пѣсняхъ Сѣверо-Русскихъ, очень рѣдко въ пѣсняхъ другихъ Славянъ, выражаютъ ихъ исключительно поэтическимъ образомъ.—Съ другой стороны, въ пѣсняхъ Славянскихъ очень замѣчательныя частія увелічительныя, особенно же уменьшительныя слова, означающія любовь, расположение, пропитное плому, и т. д. Прочіе народы Европы, не исключая и Итальянцевъ, безспорно усушають памъ въ эпомъ: у нихъ много-много найдете птиць, шесть, рѣдко за десять, такихъ словъ; напротивъ у Славянъ ихъ, такъ маловѣль, цѣлый вершоградъ: душа, душечка, свѣтъ, сѣстричка, жизнъ, жизнеконекъ, голубчикъ, голубочекъ, сударушки; сѣрдечко, сердѣнько, серденсько, сердесенько, сердечко, сердена, серденятко, серденяточко, орликъ, орлычокъ, орленъко, орля, орлия, орлията, орляточко, орлянъко, орленятко, орленяточко, соколикъ, соколонъко, соколышокъ, матуся, матусенька, матусечка, матушечка, матушенька, сынокъ, сыничокъ, сыноченько, сынусь, гарній гарненъкий, гарнесенъкий, гарнесесенъкий, гарнисинъкий, гарнисисинъкий, любый любенький, любесенький, любисинъкий, любусь, мылый мыльный, наимышай;

шугай, шугаикъ, шугайко, шугаичекъ, ластовичка, пермичка, ютренко, анелъ, андемикъ, андълчокъ; гвѣздка, гвѣздице, гвѣздичка, цестка, цестечка, цестичка, цестинка; коханекъ, коханечекъ, коханка, кохансчка; ружица, девойка, дѣвойчица, кукавица, ластовица, другарица, любчица, душица, славуй, славулкъ; птичъ, птича, птичркъ, птичица, госпа, господарица, господина, господарница, господовавка, дивица, дивицица, дивички, дивичкица, декла, декле, деклино, деклишица, деклиницица, деклицица.—Слова, предпочтительны любимыя, напр., между мужскими именами: Исаицъ, Ваня, Ивасъ, Ивасыкъ, Иваселько, Ивасечко, и т. д., Янгъ, Янко, Яничекъ Ясь, Яснико; между женскими: Анна, Аниушка, Ганна, Ганиочка, Ганионка, Ганиусля, Ганиусенька, Ганиулька, Ганиулечка, Галилъ, Галочка, Галонька, и т. д., Анна, Аничка; между цветами: бѣлый, эпипепами къ глазамъ: черные, крѣые, голубые; между рѣками: Дунай, Донъ; между деревьями: липа, лворъ, береза, дубъ, каміна; между птицами: орелъ, соколъ, союзей, голубь, кукушка; между животными домашними: конь, соя; дикими: во.икъ; между городами: Москва, Кіевъ, Краковъ, Прага, Быстрица, Београдъ, и т. д.; слова, ильсколько разъ постораемыя, сряду или немного спустя. Этого въ пѣсняхъ другихъ народовъ мы вовсе не всipрѣаемъ; у нихъ такое тождесловіе—погрѣшность (Греки, Римляне, Иѣицы, Французы, Англичане, и др.), исключая, развѣ, Сѣверныхъ жителей, коихъ аллитерація и ассонансъ сходствуютъ, илькошорымъ образомъ, съ тождесловіемъ Славянъ;

также, по увѣренію знатоковъ Санскрипскаго языка, Поззія Индійская въ этомъ много сходится съ Славянскою народною 1). Русскіе, Малороссіяне, Поляки, Сербы, любятъ такое повіореніе однихъ и тѣхъ же словъ; но всѣхъ больше Словаки, у коихъ почти во всякой пѣснѣ найдеше его; всѣхъ же меныше допускаютъ это тождесловіе Чехи.—Не мене замѣчательны пѣсни Славянъ своими подражательными словами природѣ (опоматореја), изъ коихъ одни сплющиваются только для риомы, другія имѣютъ значеніе сатирическое, ироническое, третьи и даже іероглифическое. Есть цѣлыя пѣсни, довольно длинныя, составленныя изъ подобныхъ словъ; этины, особенно, отличаються пѣсни Словаковъ 2).

1) Например, у Калидаса, въ его поэмѣ *Nalodoja* находятся слѣд. стихи:

Padam á padam ápad amá padama.
Jatam ajatamája tama jata Má.

2) Смопир. Словацк. народн. пѣсни, изд. *Я. Колларомъ*, Ч. 2. стр. 471, 472.

Б о л о ж с е н і я.

1. Всякая Поэзія, чтобы быть самостоятельной, изящной, истинной Поэзіей, непременно должна быть народной.
2. Первоначальной, общей, естественной формой народной Поэзии и вмѣстѣ съ спаршими произведениями, первенцемъ поэтическаго народнаго творчества, всегда бывающими пѣснями, содержащими въ себѣ единственное условие дальнѣйшей ея жизни, самостоятельного совершенствования, въ земешты развитія народной Поэзии.
3. Изъ вышнихъ Европейскихъ народовъ Славянъ всѣхъ богаты пѣснями, своей народной Поэзіей, сущъ самый пѣсенныи, поэтический народъ.
4. Общий характеръ народной Поэзии Славянъ составляетъ строгое соотношеніе, гармонія между идеей и формой, между мыслию, чувствомъ и ихъ образомъ, выражениемъ, отъ чего ни та, ни другая не подавляютъ другъ друга, напротивъ проникаютъ себя взаимно, во всѣхъ точкахъ своего соприкосновенія, сливаются.
5. Народная Поэзія Чеховъ — Лирическая.
6. Такова же и народная Поэзія Мораванъ.
7. Народная Поэзія Словаковъ — Идиллическая.

8. Единственные представители народной Поззії *Полковъ — Краковлякъ*, составляющіе собой ихъ национальные пѣсни. Всѣ они, большую частью, содержанія *Лирическаго*.

9. Народная Поззія *Сербовъ — Юнацкая* (героическая, эпическая.).

10. Народная Поззія *Сѣверныхъ Руссовъ* (Великороссійская) — *Повѣстовательно-Описательная*.

11. Народная Поззія *Южныхъ Руссовъ* (Малороссійская, Украинцевъ) — *Драматическая*.

12. Вообще оптичительные свойства всѣхъ Славянскихъ пѣсень (или народной Поззії): унылое, пломное, грустное, по склону чувство; простота, естественность изображенія и изложенія, самостоятельность исполненія, совершенство отыскки, необыкновенная разкосль и энергія выражений. Всѣ они проникнуты какою то братской любовью людей къ природѣ, патріархальной близостью съ предметами видимаго міра; отсюда участіе въ ихъ пѣсняхъ существъ одушевленныхъ и нѣмыхъ, получающихъ на эпють разъ душу, умъ, голосъ, языкъ, и т. д., преимущественно же птицы. Кроме того пѣсни Славянскихъ племенъ особенно отличаются своимъ уменьшительными, предпочтительно любимыми, исколко разъ повторяющимися, своими подражательными природѣ, словами.

FL
1235-

891.809 B667

3 5556 008 6

NORTHWESTERN
UNIVERSITY LIBRARY

BOOK CARD

PLEASE KEEP THIS CARD IN BOOK POCKET.

11741

6670011968

Annex
891.809
B667o
1968

